

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРМАТ**

№ 3-4 / 2022

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

**HISTORICAL
FORMAT**

№ 3-4 / 2022

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Артамонов Герман Анатольевич, канд. ист. наук, доц. (Россия)

Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)

Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)

Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)

Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov

Editor-in-Chief

Maksim Zhikh

Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin

Managing Editor

Irina Lobacheva

Editor-Translator

PhD in History German Artamonov (Russia)

Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)

Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)

PhD in History Lidia Groth (Sweden)

Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)

Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)

Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)

Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)

Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: mail@histformat.com

Website: <http://histformat.com/>

© Historical Format, 2022-2023

ISSN 2411-9415

ПОПЕЧИТЕЛИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»

2022-2024:

Анзимиров Лев Владиславович (независимый исследователь)
Барейша Илья Сергеевич (адвокат)
Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)
Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)
Ковпак Алиса Игоревна (кандидат психологических наук)
Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)
Матвейчев Олег Анатольевич (кандидат философских наук)
Присекина Лариса Александровна (кандидат технических наук)
Рычков Александр Константинович
Самусев Дмитрий Николаевич (Академия ДНК-генеалогии)
Семенов Александр Сергеевич (кандидат физико-математических наук)

**Редакция «Исторического формата» благодарит всех,
кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру»,
и персонально:**

Базлова Григория Николаевича,
Васильева Игоря Юрьевича,
Викторова Ивана Владимировича,
Голубева Александра Николаевича,
Зуба Сергея Алексеевича,
Козлова Александра Васильевича,
Кошелева Дмитрия Евгеньевича,
Лосева Сергея Петровича,
Пайора Евгения Викторовича,
Савенко Викторю Викторовну,
Смирнова Владимира Александровича,
Суржика Дмитрия Викторовича,
Щербинину Екатерину Викторовну

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: <http://histformat.com/donate/>

<http://histformat.com/donate/>

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Л.П. Грот

«ВАРИНЫ – ВАРЯГИ – ВЭРИНГИ»: СУДЬБЫ В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Lydia Grot

“VARINI – VARANGIANS – WARINGS”: THEIR FATES IN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY 10

М.И. Жих

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ РЯДУ ПЕРВИЧНЫХ ПОЛИТИЙ

Maksim Zhikh

ON THE QUESTION OF THE PLACE OF THE CITY-STATES OF ANCIENT RUS' IN THE TYPOLOGICAL SERIES OF PRIMARY POLITIES. 25

В.И. Кулаков

ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОСОЦИОЛОГИИ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ САМБИИ

Vladimir Kulakov

STAGES OF STUDYING PALEOSOCIOLOGY OF ANCIENT SOCIETIES OF SAMBIA 42

Б.М. Кондорский

«НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1648-1676 ГГ.» В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Boris Kondorsky

«NATIONAL REVOLUTION OF 1648-1676» IN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY. 46

А.А. Карпенко

ЗАЩИТА НАСЛЕДИЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ. И СОВРЕМЕННОЕ ЮНОШЕСТВО РОССИИ

Andrey Karpenko

PROTECTION OF THE LEGACY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 AND PRESENT-DAY YOUTH OF RUSSIA. 61

М.С. Тренева

ПРЕДКИ ПИСАТЕЛЯ К.А. ТРЕНЕВА И ИХ ПОТОМКИ

Marina Treneva

ANCESTORS OF THE WRITER K.A. TRENEV AND THEIR DESCENDANTS 65

И.Ю. Васильев

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ПАВЛОВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1920-е – 1970-е ГГ. ПО ДАННЫМ ДОКУМЕНТОВ РАЙОННОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Igor Vasiliev

CHANGES IN THE CULTURE OF THE PAVLOVSKY DISTRICT OF THE KRASNODAR KRAI IN THE 1920s – 1970s PER DOCUMENTS OF THE DISTRICT COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY. 86

А.И. Савельева

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПЕКТОРАЛИ ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА И ПОЗДНИХ ПЕРИОДОВ

Anastasia Savelyeva

FUNERAL PECTORALS OF THE NEW KINGDOM AND LATER PERIODS 93

С.Н. Азбелев

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРЕДЫСТОРИИ РУСИ

Sergey Azbelev

EAST SLAVIC ORAL SOURCES ABOUT PREHISTORY OF RUS' 100

Д.В. Суржик

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЛАНГЕ БУДУЩЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАРЫШНИКОВ В.Н. ФИНСКАЯ ВОЙНА. М.: КУЧКОВО ПОЛЕ, 2023. 448 С.

Dmitry Surzhik

ON THE NORTH-WESTERN FLANK OF THE FUTURE GREAT PATRIOTIC WAR. BOOK REVIEW: BARYSHNIKOV V.N. FINNISH WAR. M.: KUSHKOVO POLE, 2023. 448 pp. 108

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL. 113

«ВАРИНЫ – ВАРЯГИ – ВЭРИНГИ»: СУДЬБЫ В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Л.П. Грот

Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)

e-mail: mail@histformat.com

SPIN-код: 1768-1727

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье развивается концепция английского исследователя Томаса Шора, основным предметом изучения которого был начальный период истории Англии, и прежде всего, история англов и саксов. Но в рамках своих исследований он нащупал и «потерянное звено» – народ варинов, которых можно достаточно уверенно связывать с летописными варягами. Рассказывая о происхождении англов, Шор писал, что этот народ был впервые упомянут Тацитом в паре с другим народом – варинами (Varini). Сопоставляя написание этнонима варины с вариантом вэринги (Varini or Warings), Шор обнаружил, что Warings совершенно очевидно является англоязычным вариантом слова Varini. Англи и варины Тацита должны были находиться в тесных союзнических отношениях в течение длительных периодов. Даже позднее, во времена Карла Великого, для обоих народов был утверждён общий кодекс законов под названием «Правда англов и варинов». С древнейших времён варины населяли юго-западную часть побережья Балтийского моря. Широкое отражение их имени Шор находил в топонимике. Интересным фактом в связи с историей варинов/вэрингов является их связь с островом Рюген, который при жизни епископа Оттона Бамбергского назывался Верания (Verania), а его население было известно как вераны (Verani). Будучи морским народом, они вели торговлю с Византией и в славянских землях, вместе с англами поступали на службу в Константинополь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: варяги, варины, англи, Русь, норманизм, историография.

“VARINI – VARANGIANS – WARINGS”: THEIR FATES IN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Lydia Grot

Society «Russian Salon» (Luleå, Sweden)

e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT

The article develops the concept of the English researcher Thomas Shore, whose main subject of study was the initial period of the history of England, and in the first place, the history of the Angles and Saxons. But within the framework of his research, he also found a «lost link» - the Varini people, who can be confidently associated with the chronicle Varangians. Narrating the origin of the Angles, Thomas Shore wrote that the people were first mentioned by Tacitus in conjunction with another people - the Varini. Comparing the spelling of the ethnonym Varini with the variant Warings, Shore found that Warings was clearly an Anglophone version of the word Varini. The Angles and Varinians of Tacitus must have been in close allied relations for long periods. Even later, at the time of Charlemagne, a common code of laws of the Angles and Varini was established for both peoples. Since the earliest times, Varinians inhabited the southwestern part of the Baltic Sea coast. Thomas Shore discovered a broad reflection of their name in toponymy. An interesting fact in the history of the Varini/Warings is their connection with the island of Rügen, which during the lifetime of Bishop Otto of Bamberg was called Verania, and its population was known as the Verani. Being a maritime people, they traded with Byzantium and in the Slavic lands, and enlisted into the service of Constantinople together with the Angles.

KEYWORDS: Varangians, Varini, Warings, Angles, Rus', Normanism, historiography.

Утверждение того, что летописные варяги – это скандинавы (часто-выходцы из средней Швеции), принадлежит к символу веры норманизма – течения в исторической науке, сторонники которого, помимо скандинавского происхождения варягов, убеждены ещё и в том, что летописный Рюрик был безродным воякой швед-

ского происхождения, нанятым по договору в наследные князья предками новгородцев (аналогов чему нет в мировой династийной практике), а также – проповедуют идею шведской этимологии слова Русь, из чего пытаются вытянуть происхождение всего русского народа,

хотя общеизвестно, что происхождение субъекта и происхождение его имени – это две отдельные истории.

Заявления о скандинавстве варягов в работах норманистов предлагаются как бесспорная истина, давно доказанная и обоснованная. Однако когда начинаешь проводить более дотошные разыскания в их работах, то обнаруживаешь, что никаких убедительных доказательств тому нет. А продолжая разыскания, выясняешь, что их и быть не может, поскольку оказывается, что все постулаты норманизма проистекают из фантазийного ненаучного источника. Эти два положения мы и постараемся раскрыть в данной статье. Кроме того, в статье будет показано, что фантазии в истории – не такая уж безобидная вещь. Проникнув в науку, они стремятся поглотить и подменить живой исторический материал собственными химерами. Примером тому может служить история народа варингов – древних мореходов и торговцев с Южной Балтии, или история термина «викинг», который оказывается старше истории стран Скандинавского полуострова.

Начав исследовать истоки полемики о варягах, я обнаружила, что эта тема оказалась изначально втянутой в круг целого ряда утопий, сложившихся в западноевропейской исторической мысли XVI-XVIII вв. В числе таких утопий следует назвать готицизм и рудбекианизм – течения, в рамках которых развилась тяга к реконструкции истории древних народов Европы, начиная с готов, а также сложилось стремление претендовать на родство с ними и приписывать себе славу их истории. В дискуссиях готицизма с самого начала активную роль приняли на себя шведские историки и политики в силу своих притязаний видеть в Швеции прародину готов. Уверовав в эту идею, шведские историки, начиная с XVI в., увлеклись воссозданием грандиозных картин якобы своего готского прошлого. Но поскольку материала собственной истории не доставало, начала складываться привычка приписывать себе историю других народов древности, для чего общеизвестные классические источники стали объявляться принадлежностью шведской истории, только не признанной ранее в силу искажения названий и пр. Так, частью гото-шведской истории была объявлена история скифов, история тракийских и фракийских народов, называемых греками гетами, и многое другое (см.: Вольфрам 2003: 11-16; Лосев 1978; Макиавелли 1987; Соколов 1984; Сочинения 1985; Johannesson 1982; Kristeller 1961; Latvakangas 1995: 95-111; Lindroth 1961: 35-36; Nordström 1934: 55-76; 1971: 171-180; 1975; Svennung 1967).

Традиции мифотворчества получили дальнейшее развитие в XVII в., когда шведскими литераторами и историками было сделано новое чудесное открытие о том, что и гиперборей из античных источников – тоже прямые предки шведов, и что, следовательно, мифы о гипербореях – это забытый источник по древнешведской истории. Присоединение «гипербореады» к шведской истории открыло уже совершенно безбрежный простор для любых фантазий на исторические темы, таких, например, как идею притязать на основоположничество шведов в создании фундамента древнегреческой культуры, т.е. быть в области истории как бы впереди Ев-

ропы всей. На этой волне и в условиях захватнических военных действий шведской короны в Новгородской земле шведским дипломатом и историком П. Петреем в его «Истории о великом княжестве Московском» была высказана верноподданническая мысль о том, что и варяги из древнерусских летописей должны были быть выходцами из Швеции. А почему бы и нет? Если уж гиперборей – из Швеции, то кто мешает вывести из Швеции и варягов?

Подобные фантазии на темы собственной истории достигли своего пика в рудбекианизме, особом феномене западноевропейской исторической мысли XVII-XVIII вв., от имени шведского литератора XVII в. Олафа Рудбека. О шведской «гипербореаде», о влиянии готицизма и рудбекианизма, а также других западноевропейских утопий на развитие концепций по древнерусской истории рассказывается в ряде моих работ (Грот 2007: 12-22; 2007а: 72-118; 2008: 111-117; 2008а: 111-126; 2009: 132-194; 2009а: 33-72; 2009б: 132-154; 2009в: 194-203; 2009г: 204-222; 2010: 324-355; 2010а: 321-332; 2010б: 171-190; 2010в: 103-202; 2010г: 5-14). О традиции шведской историографии XVII-XVIII вв. мифологизировать свою историю много пишет В.В. Фомин (Фомин 2003: 83-127; 2005: 17-47; 2005а: 8-56; 2006; 2008: 11-13; 2010: 9-33; 2010а: 340-341). К этим работам я и отсылаю тех, кто хочет подробнее ознакомиться с данной проблематикой. Здесь же было дано краткое ее описание, чтобы представить, из какого источника родилось утверждение норманизма о том, что варяги-русь были выходцами из Швеции.

Олаф Рудбек прославился тем, что в своём произведении «Атлантида» (Atland eller Manheim), основные три тома которого были изданы в 1679-1698 гг., а последний, 4-й том был повреждён в пожаре 1702 г. и восстанавливался много позднее, пропагандировал основоположничество шведов в истории всех древних европейских народов, а Швецию представлял колыбелью общеевропейской культуры. Именно априорность идеи об универсальном основоположничестве шведов в европейской истории навела О. Рудбека на рассуждения и о варягах, в которых он подхватил и развил слова П. Петрея о варягах из Швеции. О. Рудбек наделил эту мысль и этимологическим воляпюком, в его время вера в этимологию, как панацею от всех исторических проблем, утвердилась самым незыблемым образом. По мнению О. Рудбека, слово «варяги» означало шведских морских волков-разбойников, что показывало – «великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции» (Rudbeck 1937: 196-199). Г.З. Байер принадлежал к поколению западноевропейских учёных, воспитывавшихся на наследии готицизма и рудбекианизма. Идеи этого наследия, включая и идею о скандинавском происхождении варягов, были привезены Г.З. Байером в Россию как новейшее достижение западной науки, поскольку в его время даже самые выдающиеся западноевропейские мыслители увлекались этими направлениями в силу моды на идеи о готско-германских началах в западноевропейской истории (Грот 2009б: 132-154; 2010а: 321-332).

В своей статье «О варягах», которая до сих пор является программным документом норманизма, Г.З. Байер

заявил, что «Сказывают же, что варяги у русских писателей были из Скандинавии и Дании дворянской фамилии товарысчи на воинах и служивые у русских солдаты, царские ковалергарды и караульные на границах, ...все до одного шведы, готландцы, норвежцы и датчане назывались варягами...», в качестве источников сослался на шведских историописателей-фантастов: Иоанна Магнуса, создавшего феерический труд о Швеции как прародине готов и колыбели всей германской культуры, на Верелия – одного из проповедников шведской гипербореады, и на О. Рудбека (Байер 2006: 346-354), у которого, по определению современных шведских исследователей, «шовинистические причуды фантазии были доведены до полного абсурда» (Svennung 1967: 91-92). Итак, перечисленные Г.З. Байером авторитеты – не наука, но, к сожалению, вслед за Г.З. Байером из этого ненаучного источника продолжает насыщаться и современный норманизм. Но, может современному норманизму удалось сделать невозможное – наполнить научным содержанием «причуды фантазии» П. Петрея и О. Рудбека? На мой взгляд, нет. Но судите сами.

Ведущими специалистами в обосновании «скандинавского» происхождения варягов являются сегодня Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин. С наибольшей полнотой система их доказательств была представлена в статье, специально посвящённой этому вопросу (Мельникова, Петрухин 1994: 56-69). Статья эта хорошо известна, поэтому напомним только суть аргументации авторов. С первых строк авторы статьи продекларировали, что значение слова «варяг» – это «скандинав на Руси», и что скандинавская этимология этого слова очевидна, хотя само слово, по их утверждению, образовалось на Руси, но в скандинавской среде. Их статья помогает обнаружить, что в этимологических исканиях по поводу имени варяг норманизм столкнулся с двумя крупными задачами. Первая задача была исторического характера, т.е. на пути норманистской концепции встала сама история.

Общеизвестно, что в поисках доказательств скандинавского происхождения слова «варяг» норманисты давно стали исходить из того, что первичным для него является слово «вэринг», во множестве встречающееся в исландских сагах и других скандинавских источниках для обозначения людей, находящихся на службе в Византии в особых военных отрядах – как телохранители императора или в императорской гвардии (в византийских источниках именовались варангами). Но для подтверждения того, что варяги – производное от вэрингов, надо было, чтобы вэринги добирались в Византию через Русь, однако, в скандинавских источниках о наиболее ранних поездках вэрингов обо этом – ни намёка. О поездках исландцев в Константинополь с конца X в. рассказывается, но через Русь они туда не ездили – неудобно (в более поздние времена – да, случалось). Более того, имя вэринги, как отмечают вышеупомянутые авторы, не употреблялось для выходцев из скандинавских стран, побывавших на Руси, только – для служащих в Византии, причём только в особых отрядах. Стендер-Петерсен объяснял этот казус случайностью дошедших до нас скандинавских известий. Да нет, го-

ворят наши авторы, скандинавских источников очень много (Мельникова, Петрухин 1994: 56-57).

Вот такой конфуз: вэринги, согласно источникам, изначально оказывались сами по себе, а варяги – сами по себе, и в одну цепочку не связывались. Но эту задачу наши авторы преодолели с лёгкостью, типичной для рудбекианизма: надо было найти подходящий исторический контингент из соответствующего источника и объявить его как неопознанных ранее скандинавов. Так авторы статьи и поступили: они взяли известный эпизод из ПВЛ, где рассказывается о событиях 941-944 гг.: о военных действиях князя Игоря против Византии, о его поражении, в силу чего князь Игорь послал «по варяги многи за море», что по толкованию авторов означало, что князь вызвал из-за моря скандинавов. Далее их фантазия рисует заключение Игорем договора, определявшего условия службы наемников, что, дескать, и вызвало к жизни самоназвание, т.е. слово «варяг» (Мельникова, Петрухин 1994: 66-67). Звучит складно, только где же этот договор?! Договор Игоря о найме скандинавов, на основе которого авторы воздвигают свою концепцию, науке неизвестен, поэтому и всё их рассуждение – бойкая фантазия. Здесь следует также пояснить, что попытка связать появление слова «варяг» с X в. объясняется очень просто: для того, чтобы подтянуть свою версию к вэрингам из саг, упоминаемым не ранее 980 г., как хорошо показано в статье (Мельникова, Петрухин 1994: 63-64).

Вторая задача оказалась лингвистического характера: лингвистически никак не удавалось произвести слово варяг от вэринг. Одна из последних попыток такого рода предпринималась немецким лингвистом Г. Шраммом (Schramm 1983: 28). Но Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин отвергли его рассуждения как неубедительные, поскольку Г. Шрамм не смог, по их словам, преодолеть ряд сложностей фонетического порядка. Убедительной они провозгласили этимологическую конструкцию, предложенную ранее Г. Якобссоном, согласно которой между вэрингами и варягами была промежуточная форма *wārangR* – слово, неизвестное скандинавским источникам, но выделенное Г. Якобссоном в названии Варангерфьорда на севере современной Норвегии (подчёркиваю, современной). И так, безымянные скандинавы пришли к Игорю, назвали себя варангр и, оставив это название трансформироваться в русское варяг, понесли варангр далее в Византию, а оттуда – и в скандинавское общество. Но на обратном пути из Византии в Скандинавию древнескандинавская форма трансформировалась и превратилась в вэринг, поскольку «архаичный и малоупотребительный суффикс -ang заменяется продуктивным и близким по смыслу суффиксом -ing» (Мельникова, Петрухин 1994: 66-67). Нарисованная авторами картина, может, и обходит фонетические сложности, но в категории человеческой жизни она совершенно не укладывается, поэтому её ценность в качестве исторического доказательства для меня равна нулю. И я остановилась на ней потому, чтобы, во-первых, показать, что за утверждениями норманистов о скандинавском происхождении варягов не видно никаких доказательств, а во-вторых – подой-

ти к вопросу о том, что утопические концепции существуют в истории за счёт сокрытий и подмен из историй других народов.

Знакомство с некоторыми работами по английской и ирландской истории показало, что с нашествием норманистских утопий оказались преданными забвению факты европейской континентальной истории. Первая из них – история древнего народа варинов с Южной Балтии. Приведу несколько фрагментов из книги английского учёного Т. Шора «Происхождение англо-саксонского народа». Т. Шор был далёк от дискуссий норманистов и антинорманистов – его просто интересовала история всех народов, которые действовали в начальный период истории Англии, и, прежде всего, – история англо- и саксов. Но в рамках этой истории он рассказывает и о народе варинов, и этот рассказ оказывается потерянным звеном в цепи рассуждений о летописных варягах (Shore 1906).

Повествуя о происхождении народа Англо-в (the Angles), Т. Шор пишет, что этот народ был впервые упомянут Тацитом в паре с другим народом – варинами (the Varini). Говоря о вариных, Т. Шор всегда приводит написание этнонима «варины» с вариантом «вэринги» (Varini or Waring), обнаруживая перед нами ту простую истину, что Waring/вэринги совершенно очевидно являются англоязычным вариантом слова Varini. Т. Шор высказывает убеждение, что англ-ы должны были находиться с вэрингами (the Waring) или варинами (the Varini) Тацита в тесных союзнических отношениях в течение длительных периодов. Он напоминает, что во время Карла Великого (742-814) был известен утверждённый королём кодекс законов под названием *Leges Anglorum et Werinorum* – «Законы Англо-в и Варинов» (у Т. Шора: *The laws of the Angles and Waring* – «Законы Англо-в и Вэрингов»). Эти варины или вэринги (the Waring), жили, согласно Т. Шору, в юго-западной части побережья Балтики, причём с древних времён. Отражение имени варинов Т. Шор видит в названии реки Варины или Варны (Varina, Varina), от чего произошло и название Варнемюнде.

Интересным фактом в связи с историей варинов/вэрингов Т. Шор считает их связь с островом Рюген, который при жизни епископа Оттона Бамбергского (1060-1139) назывался Верания (Verania), а его население известно как вераны (Verani) – злостные язычники. Т. Шор отмечает, что, без сомнения, в этом сообщении речь идёт о славянских язычниках, и ясно, что вэринги (the Waring) принадлежали к их числу.

Далее Т. Шор рассказывает, что варины/вэринги с ранних времён были одним из торговых народов Балтики и вели торговлю как с Византией, так и в славянских землях, передвигаясь там по рекам на небольших судах. Варины/вэринги (the Waring) с ранних времён были связующим звеном в торговле между балтийскими портами и различными областями (dominions), подчинёнными византийским императорам (Greek Emperors). Т. Шору известна связь варинов с древнерусской историей. Он сообщает, что в ранних русских источниках известны как сами варины, так и их страна Варингия (Waringia), и что по их имени названо Варингское море

(Waring Sea). Эти древнейшие союзники англо-в, по словам Т. Шора, оставили глубокий след в истории Восточной Европы. Варины оказали огромное влияние на историю древних славян (old Slavs) или историю той страны, которая сейчас является Россией. Варины имели свои поселения среди славян, вели торговлю с Византией. Киевский монах Нестор, писавший в одиннадцатом столетии, упоминал Новгород как город варинов/варангов (Varangian city) – свидетельство того, что в этой части Руси была большая колония варинов/варангов (settlement of Varangians).

Т. Шор говорит, что варины были известны в Византии, поскольку из них был образован отряд телохранителей византийских императоров (Varangian bodyguard). Их имя стало в Константинополе эталоном воина, и в XI-XII столетиях большей частью из этого народа набиралась византийская императорская гвардия варангов (Varangian guard). В этот же корпус входили и лица староанглийского корня (Old English), что, по мнению Т. Шора было естественным результатом древности связей между этими двумя народами. Т. Шор обнаружил, что имя варинов/вэрингов осталось в рунических памятниках Норвегии и отразилось, например, в записи, найденной в южной Норвегии, в Хардангере: «Læta (or Læda) Wæringæa» – в память того, кто носил имя Вэринга. Я привожу эту запись как она дана Т. Шором. Запись эта свидетельствует о том, что миграции варинов/вэрингов шли и на север, в Норвегию.

Согласно Т. Шору, англ-ы и варины выступали в тесном союзе и при завоевании и заселении Англии. Следы варинов/вэрингов, также как и на южнобалтийском побережье, прослеживаются в топонимии Англии. Так, Weringehorda и Wereingeurda в Девоншире остались, по мнению Т. Шора, от варинов/вэрингов. Т. Шор подчёркивает при этом, что англ-ы и варины принадлежали к разным языковым семьям, говоря, что варины/вэринги не принадлежали к «тевтонской» расе, и добавляет, что в некоторых источниках они названы как варны (Wærn, Wernas). Т. Шор не использует понятие индоевропейского субстрата, применяемого в современной науке, поэтому и затрудняется определить происхождение варинов, указывая только, что они были не «тевтонского» происхождения (Shore 1906: 24, 34-38, 46, 230, 361).

Приведённые отрывки из книги Т. Шора свидетельствуют о том, что из нашей исторической науки оказался исключённым важнейший материал – история древнего народа варинов, в силу чего открылся простор умозрительным толкованиям имён варягов – вэрингов – варангов. Возврат истории варинов в историческую науку имеет принципиальное значение для реконструкции ранних периодов русской истории.

Вводя в научный обиход данные из истории варинов, мы получаем возможность дать простое и логичное объяснение многим сообщениям византийских и других иностранных источников о варягах/варангах, которые не могли найти разумное толкование в русле спора, ограниченного поисками либо славянского, либо скандинавского происхождения варягов. Напомню, что В.Г. Васильевский собрал целый ряд свидетельств с раз-

личными этническими атрибутами варангов, которые до сих пор вызывают недоумение учёных. Так, он привёл слова Кедрина (XII в.), который, воспроизводя Иоанна Скилицу, писал о варангах как о кельтах, а Иоанн Киннам пояснял, что «это Британский народ, издревле служащий императорам греческим». Согласуется с этими сведениями и приведённое им замечание норманского хрониста XI в. Готфрида Малатерры: «Англяне, которых мы называем варангами», а также – сообщение византийского писателя Георгия Кодина о том, что варанги прославляли византийского императора на отечественном языке, которым был английский (Васильевский 1908: 176-183, 322, 367).

Удовлетворительного объяснения в науке эти сведения так и не получили. Ларчик же открывается просто, если исходить из истории миграций народа варингов со своей древней родины на юго-западном берегу Балтии и прослеживания основных путей миграций: одного – в Восточную Европу, на Русь, а другого – вместе со своими древними соседями и союзниками англами, на запад, на Британские острова. Так, в диаспоре появились и варины англоязычные, и варины славяноязычные. Но понятно, что общее древнее прошлое, общая древняя идентичность служили объединяющим моментом для разноязычных групп варинов. Данный момент и определял то, что на службе у византийских императоров могли находиться и варины/варяги, пришедшие туда из Руси, и варины/вэринги, прибывшие с Британских островов, вкупе со своими традиционными союзниками англами, что давало самые законные основания относить их либо к британскому народу, иначе – к кельтам, либо объединять варинов с англами, как это мы видим у Малатерры. Благодаря данным Т. Шора, мы находим и логичное объяснение тому, почему варины добились особого статуса в Византии: древние мореходы и торговцы – они издавна владели водными торговыми путями между Балтикой и Византией.

В рамках истории варинов становится понятным и сообщённый Саксоном Грамматиком эпизод о посещении датским королём Эриком Эйегудом (1095-1103) Константинополя и о высказанном по этому поводу желании варангов встретиться со своим королём с соизволения византийского императора. Этот эпизод был приведён Г.З. Байером в его статье «О варягах» как один из аргументов в пользу его концепции – детища рудбекианизма: «Когда в Константинополь прибыл, то варанги от императора получили позволение к королю своему прийти, которых Эрик важною речью к верности, и к добродетели, и умеренному житию увещавши, у греков был в великом удивлении» (Байер 2006: 361). Совершенно понятным становится этот эпизод, если мы введём его в историю взаимоотношений между южнобалтийскими варинами и их соседями с древних времён – королями данов. Земля варинов или древняя Вариния – *Verania* у Оттона Бамбергского – часто переходила под руку королей данов. Так было и во время правления Эрика Эйегуда: известно, что он вёл победоносные войны с так называемыми «вендскими язычниками», в частности, с рюгенцами, что на практике означало распространение власти короля на завоёванные земли. Эрик Эйегуд

правил всего несколько лет и, соответственно, его военно-политические успехи были самой свежей новостью в Византии во время его прибытия в Константинополь. Поэтому вполне логичным представляется желание варинов/варангов из Варинии/Рюгена как военных людей представиться своему новому королю и изъявить ему свою лояльность. Не менее логичным, вполне в контексте отношений «король – подданные», выглядит и поведение Эрика Эйегуда: «отеческие» увещания своим подданным служить «верой и правдой» их нанимателю – византийскому императору. И совершенно нелепыми на этом фоне выглядят комментарии Г.З. Байера данного фрагмента из Саксона Грамматика: «Я не спорю, что датчане были варанги, ежели мне кто позволит, что в том числе многие были и шведы, и норвежцы». Эта фраза показывает, что Г.З. Байер под влиянием догм готицизма – рудбекианизма перестал понимать логику живой истории. Для Г.З. Байера, в соответствии с готицизмом, датчане, норвежцы, шведы – некие абстрактные «скандинавы», которых он позволяет себе рассматривать как этноисторическую общность, никогда в реальной жизни не существовавшую. Языковая общность сложилась, но история у каждого из этих народов была своя, и королевские династии были свои. Даже в те непродолжительные периоды, когда Дания, Норвегия и Швеция объединялись в унию, короли или королевы, возглавлявшие союз трёх монархий, должны были обосновывать свои права на каждый из трёх престолов отдельно, т.е. каждый из этих народов всегда имел «своего» короля. Если рассуждения Г.З. Байера перевести на исторический язык, то согласно его утверждению, в 1103 г. Эрик Эйегуд был «своим», т.е. общим королём для Дании, Норвегии и Швеции, но это – историческое заблуждение. Когда-то даже А.А. Куник, по словам В.Г. Васильевского, заметил по поводу византийских «гвардейских секироносцев»: «Относительно поездок в Византию надобно различать шведов и норвежцев строже» (Васильевский 1908: 373). Глас вопиющего в пустыне! Из приведённой здесь статьи Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, так же как и из других работ норманистов, видно, что схоластически обобщённый образ «скандинавов», рождённый утопией готицизма, по-прежнему, подменяет конкретику истории королевств Дании, Швеции и Норвегии.

Вышеприведённая работа Т. Шора подкрепляет мой вывод о том, что мифы сознания норманизма живут за счёт заимствований из историй других народов: лоскутность концепции Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина о происхождении слова «варяг» объяснима тем, что под свою «скандинавскую» историю они подложили часть истории народа варинов, т.е. норманистская концепция о скандинавском происхождении варягов пытается обобрать в свою пользу часть истории народа варинов – рудбекианизм в действии!

Таких подмен, введенных норманизмом, отыскивается всё больше. Вот интересный пример, обнаруженный у известного ирландского историка Фрэнсиса Бирна – исследователя, в частности, периода ирландской истории, традиционно называемого «The Viking Age» (794-836 гг.). Так, Ф. Бирн напомнил в одной из своих

работ, что этимология слова “viking” – предмет длительных дискуссий. Этот термин, как он отметил, известен только в Западной Европе, и в средневековых хрониках упоминается в связи с описаниями походов northmen или gentiles (т.е. «северян» или «язычников» – определения, над которыми учёным пора начать размышлять заново – Л.Г.). Однако само слово, напоминает Ф. Бирн, старше, чем эпоха “The Viking Age”, поскольку оно встречается уже в староанглийском языке в VIII в., где uicingsceade было обнаружено в значении «пират» (uitsing в старофризском), а в старонемецком того же периода слово Wiching было найдено как имя личное. И явно от этого личного имени, а не от нарицательного имени, убеждён Ф. Бирн, произошло название Wicklow (Vikingal`o или викингская луговина), так же как и ирландское имя Uiginn. Ф. Бирн напоминает, что все попытки произвести слово «викинг» из старонорвежского оказались лингвистически невозможными. Толкование vik-king или король фьорда, по мнению Ф. Бирна, (также, как и по мнению многих других учёных), невозможно чисто лингвистически, поскольку в старонорвежском слово “king” существовало в форме konungr, более того, не все викинги были “seakings”. Давно отвергнута, напоминает Ф. Бирн, как лингвистически невозможная мысль о том, что слово произошло от гидронима Вик (название фьорда Осло на юге Норвегии) как название местных жителей, которые известны в источниках как vikverjar (Byrne 2005: 609-634).

Аналогичное мнение высказывается и Т.Н. Джаксон. Она, кроме того, напоминает, что была попытка производить термин “vikingr” от дат. vic, восходящего к лат. vicus и обозначающего укрепленный лагерь. Но эта попытка, поясняет Т.Н. Джаксон, была отвергнута, поскольку маловероятно, чтобы воинственные скандинавы получили имя от обозначения своих или чьих бы то ни было лагерей в Англии. Заметным, напоминает Т.Н. Джаксон, стало толкование Ф. Аскеберга, производящего термин “vikingr” от глагола vikja – «поворачивать, отклоняться» и понимающего викинга как человека, изменившего свой образ жизни, ушедшего из дома, покинувшего родину. Это мнение, согласно Т.Н. Джаксон, признано наиболее авторитетным. Однако, комментирует она, уход из дома – не самое главное в характеристике викинга. Поэтому, полагает Т.Н. Джаксон, интересным является мнение Пера Торсона, возводящего дисл. vikingr к прагерм. корню *wig со значением «битва, убийство», встречающемуся в существительных – дисл. vig, да. wig и др. – и в родственных глаголах – дисл. vega «убивать», wigan «бороться» (Джаксон 1993: 82).

Ознакомившись с литературой, посвящённой поискам этимологии слова «викинг», начинаешь приходить к мысли, что слово-то «викинг», похоже, является заимствованным в скандинавских языках, т.е. оно пришло в эти языки с континента, где уже в раннее средневековье было известно как обозначение для пирата и имело достаточно прозрачную связь и с кельтской лексической традицией, и с фризской, и с верхненемецкой, что естественно повлияло и на образование прагерм. *wig – «битва, убийство». Далее очень логично предположить, что слово это было перенесено носителя-

ми упомянутых языков на Британские острова, откуда уже было заимствовано данами, как бы завершающими историю пиратских набегов на Британские острова, начавшихся ещё в рамках так называемой эпохи Великого переселения народов с нападений саксов, фризов, англов, ютов и др. с побережья Атлантики, и поселенцами в Исландии, которые приходили из Норвегии, но вовлеклись в общение в ареале всех Британских островов. И только с началом изучения исландских саг слово «викинг» должно было получить статус «общескандинавского» силой чисто книжной умозрительности и стало дрейфовать в волнах фантазий готицизма и последующих утопий. Представляется, что поэтому и отвергается очень на мой взгляд убедительная этимология викинг, восходящая к лат. vicus – укрепленный лагерь, поскольку она подкладывает мину под всю привычную конструкцию викинги как скандинавы.

В скандинавской традиции прослеживается, безусловно, и свой термин для обозначения грабительских, т.е. пиратских походов. Г.В. Глазырина приводит слово hernadr – «грабительский поход» (обычно в выражениях fara i hernadr) и поясняет, что этим словом в исландских сагах обычно обозначается кратковременный военный поход, предпринятый с целью быстрой и лёгкой наживы, сопровождавшийся разбойным грабежом и опустошением территории, на которой происходит данная акция. В древнеисландском судебнике Grágás, продолжает Г.В. Глазырина, слово hernadr использовано как юридический термин (Глазырина 1996: 95, 172). Сравнительный анализ употребления слов викинг и hernadr в скандинавских источниках мог бы дать интересный материал для переосмысления ныне существующих концепций о так называемом викингском периоде в истории.

Другим примером подмен в истории могут служить наблюдения над судьбой термина «норманны». Здесь следует напомнить, что прямая подмена nordmannos (или the Norse в англоязычной литературе) – «северян» из средневековых хроник на скандинавов началась ещё в рамках шведского готицизма, с Олауса Петри, который в одном из своих наиболее известных трудов совершенно декларативно заявил, что nordmannos были, скорее всего, выходцами из трёх скандинавских стран, не приводя при этом особых аргументов (об этом см.: Грот 2009б: 139-140). Окончательно данная подмена оформилась уже в рудбекианизме, когда норманны и скандинавы стали узаконенной традицией парой. В XVIII-XIX вв. к этой паре в качестве синонима добавились и викинги, и создалась цепочка «норманны – скандинавы – викинги». Однако, если слово «викинг» в качестве обозначения для пирата зафиксировано на европейском континенте, как было показано выше, столетием ранее, чем там появились выходцы из скандинавских стран, например, знаменитый Роллон (ок. 860 – ок. 932) – основатель герцогства Нормандия во Франции, – то звено «скандинавы – викинги» в данной цепочке, как говорят юристы, недействительно. Попробуем испытать на прочность симбиоз названий норманнов и скандинавов и обратимся для этого снова к ирландскому материалу.

Ирландская медиевистика унаследовала традиции готицизма, развиваясь долгое время в лоне английской историографии. С провозглашением республики Ирландия, после Второй мировой войны, начался новый период в развитии этой области науки. Активное исследование периода ирландской истории вышеупомянутого *The Viking Age* (начиная с 794 с первых нападений *gentiles*/язычников на Ирландию), включая и его археологию, получило развитие, согласно П. Уоллесу, с 1960 г. В ходе этого процесса ирландские учёные столкнулись с вопросами, традиционные ответы на которые более не удовлетворяли научную общественность, а поиски новых ответов рождали острые дискуссии, которые так или иначе заставляли заново задаваться вопросом: кто же, в действительности, были те *gentiles* – *northmen* – *ostmanni/ostmen*?

Вопрос этот очень правомерен, поскольку с набегами язычников-норманнов связывается появление в Ирландии традиций городской цивилизации и основание первых ирландских городов. При этом, с одной стороны, результаты современного изучения истории города в скандинавских странах, а с другой – сравнительный анализ истории ирландского города с историей поселений выходцев из скандинавских стран на остальных Британских островах или в Исландии, обнаружили существенные несоответствия с укоренившимся представлением о том, что первые города в Ирландии были основаны викингами – выходцами из скандинавских стран: так формулируется мысль, например, у П. Уоллеса (Wallace 2008: 166-183). Другой ирландский историк, уже упоминавшийся Ф. Бирн, замечает по этому поводу: «Часто вызывает удивление, что “варвары”-викинги смогли принести “городскую цивилизацию” в Ирландию. [...] Даны, которые заселили большую часть северной и восточной Англии, не строили городов, хотя они оккупировали Йорк и приложили немало усилий для захвата Лондона – два главных города в римских провинциях Британии, которые продолжали существовать и в англо-саксонский период. На Фарерских островах, Шетландских островах, на Оркнейских островах, в Сатерленде, на Гебридах и даже в Исландии, где они заселили пустынные местности или захватили заселённые местным населением территории, города не появились» (Byrne 2005: 620-621). Таким образом, если викинги – это скандинавы, то в основоположники ирландских городов они не годятся, но если, как выясняется, викинги, т.е. пираты, могли быть выходцами из более широких этнических кругов, то их надо начать разыскивать. Для общего понимания всей исторической проблематики о так называемой «роли» скандинавов в европейской истории, стереотипы которой восходят к готицизму, несоответствия между реальной историей и историей книжной, отмеченные ирландскими учёными, очень важны. Ещё раз хочется напомнить, что всякие видимые несоответствия в историческом исследовании возникают тогда, когда из него выпадает часть материала.

В поисках ответа на вопрос о том, кто были таинственные норманны-язычники, основавшие в Ирландии города, обратимся к работам ирландского археоло-

га и историка П. Уоллеса, который отметил, что от этих язычников в ирландский обиход вошло слово *garrda* для обозначения их городских поселений, которые имели ограждения, что собственно, и означало слово *garrda*. П. Уоллес говорит, что это слово происходит от «the Old Norse» – *garðr* (Wallace 2000: 261-274; 2008: 181-182). Понятно, что под «древнесеверным» языком Уоллес имеет в виду «древнескандинавский». Однако это слово (в современных датском, норвежском и шведском *gård* – двор, усадьба) является, как очевидно, заимствованием в скандинавских языках, куда оно пришло с того же южнобалтийского побережья, из языковой традиции, где грады возводились на огороженном пространстве, за оградой. Слово «град – гард» заимствовалось в то далёкое время, когда своих городов у предков датчан, норвежцев, шведов ещё не было, поэтому в скандинавских языках оно закрепилось за населённым пунктом сельского типа. Отсюда – *gårdejer* в датском языке как крестьянин, фермер, но никогда – горожанин. Заимствованный характер этого слова подчёркивается ещё и тем, что скандинавские *gårdar* – крестьянские подворья, оград, как правило, не имели: малолюдье, малонаселённость делали ненужными возведение оград – всё ведь денег стоит. Поэтому, как ни крепка власть догматизирующей традиции над нашим сознанием, простая логика требует признать, что норманны – основатели ирландских городов – не могли быть выходцами из стран Скандинавского полуострова, т.е. отождествление норманнов-язычников со скандинавами – плод умозрительности, а не беспристрастного научного анализа. Таким образом, в цепочке «норманны – скандинавы – викинги» именно слово «скандинавы» оказывается наиболее шатким звеном.

Для того, чтобы разобраться в путанице, возникшей под влиянием утопий, задумаемся над тем, что термин *gentiles* – не этноним, а конфессиональная характеристика – нехристиане, язычники. Под этим именем могли скрываться полиэтничные группы, но объединённые одним языческим культом. Слово *northmen* или лат. *nordmannos* – тоже необычное название в качестве этнонима. Согласно свидетельствам историка X в. Лиутпранда, имя *nordmannos* происходит от тевтонских слов *nord* – «север» и *man* – «человек» (*Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man auter dicitur homo, unde et Nordmannos aquilonares hominis dicere possumus*). Таким образом, слово *nordmannos*, в общей сложности, означает «северяне». В исландских сагах встречается топоним Нордрлэнд (*Nordrland*) или Северные страны, который без большого риска можно связать с *Nordmannos*. В монографии Г.В. Глазыриной находим разъяснение: данный топоним имеет собирательное значение и обозначает, по преимуществу, Скандинавские страны (согласно заявлениям норманистов, которые пора начинать обосновывать – Л.Г.), но может также относиться и к северной части Германии. При этом даётся ссылка на работу: Metzenthin E. *Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schriftum*. Pennsylvania, 1941 (Глазырина 1996: 172). Убедённость Г.В. Глазыриной в том, что топоним Нордрлэнд преимущественно относится к скандинавским странам, понятна, поскольку данная

мысль, как было сказано выше, начала декларироваться в Швеции ещё с XVI в., откуда и была унаследована норманизмом как прописная истина. Но как серьёзный учёный, Г.В. Глазырина не может замолчать и тот факт, что территория, отмеченная данным топонимом, была, согласно традиции, намного шире и включала также северную часть европейского континента или южнобалтийское побережье.

Таким образом, все попытки исследовать несогласования или «загадки» в ныне существующих концепциях по раннесредневековой истории Балтийского региона и роли в ней скандинавов, выводят нас неизбежно на южнобалтийское побережье и обнаруживают тот факт, что из данных концепций изъят значительный материал по истории южнобалтийских народов. Сейчас пора по-новому поставить вопрос о связях современной северной Германии или Южной Балтии с более северными пределами Европы, конкретно – со Скандинавией в раннее средневековье, и разобраться, кто на кого влиял. Но для этого надо выйти за рамки жёсткого этнического противопоставления германцев и славян. Южнобалтийское население не только в раннем средневековье, но и много позднее сохраняло дославянские, реликтовые индоевропейские черты, а Германия Тацита была территориальным полиэтническим образованием, населённым разноязычными народами, возможно, объединёнными неким конфессиональным единством. Отождествление населения «Германии» Тацита с немецкоязычным населением Священной Римской империи или его искусственное «огерманоязычивание» (если позволено так выразиться) произошло тоже в XVI в., на волне немецкого готицизма, в трудах немецких гуманистов Ф. Иренника, В. Пиркхеймера и др. Если мы сумеем освободиться от оков утопий того периода и более объективно проанализируем известные источники, то без сомнений, найдём более логичные ответы на вопросы, по которым пока концы с концами не сходятся.

В связи с вопросом о том, откуда и куда шли импульсы культурного влияния на Балтии, небезынтересно рассказать о находке шведских археологов, открывших некоторое время тому назад остатки неизвестного города в Сконе на юге современной Швеции. Наиболее ранний археологический материал датируется периодом железного века. Найденный город характеризуется как самый крупный из известных на сегодня населённых пунктов на Скандинавском полуострове данного периода. Сейчас на его месте расположен маленький населённый пункт под названием Упокра (Uppåkra), который находится чуть к юго-западу от Лунда (Harrisson 2009: 61-68). Можно предположить, что Лунд «сменил» своего более древнего предшественника, не дожившего до времени Адама Бременского. Как говорят шведские учёные, обнаруженный город не упоминается в известных письменных источниках, поэтому они даже не знают, как город назывался, хотя археологические находки очень интересны и значительны.

Следует напомнить, что область Сконе стала частью Швеции довольно поздно, поэтому, история городов Сконе, строго говоря, – часть датской истории, но о го-

роде, насколько известно, молчат и датские источники. Систематическое исследование города стало проводиться только в 90-х годах прошлого века. Территория города составляла площадь 40-50 га, что намного превышает площадь Бирки (7 га) и Хедебю (24 га). Город существовал, примерно, одно тысячелетие, считая со времени несколько ранее 100 лет до н.э. и до начала XI в. н.э. Археологические находки отражают торговый обмен впечатляющего масштаба, включая древнеримские изделия и проч., что особенно смущает шведских археологов (Harrisson 2009: 65-67).

Но если допустить, что распространение городских традиций на Скандинавский полуостров шло с юга на север, поскольку городская жизнь раньше сложилась на южнобалтийском побережье, то логично взглянуть на данный вопрос более широко и спросить: кем могли быть те мореплаватели и торговцы, которые уже во времена Тацита вели торговлю между Балтикой и Средиземноморьем? Согласно Т. Шору таким народом были варины. Тогда естественно, что этот город не известен в скандинавских источниках и надо его искать в других источниках. Непроходимых границ (в политическом смысле) между Южной Балтией и Скандинавским полуостровом никогда не существовало. Поэтому ничто не мешает предположить, что часть народа варинов – народа мореходов и торговцев, – имевшего давние связи с другими этнополитическими образованиями в юго-западном приделе Балтии: и с англами, и с королями данов, – стала, в поисках новых торговых путей, осваивать ещё до «великого переселения народов» и маршрут на север, заложив на этом пути крупную торговую факторию в юго-западной части Скандинавского полуострова. Потом они продолжили двигаться на север, вдоль западного побережья современной Норвегии, и далее – на запад, к Британским островам. Возможно, именно варины позднее и вовлекли в этот процесс переселенцев с норвежского побережья, двинувшихся на освоение Исландии и других островов. По крайней мере, история движения западных европейцев на запад, начиная с переселения на Британские острова и кончая колонизацией Америки, показывает, что сравнительно малочисленные народы из стран Скандинавского полуострова шли в арьергарде этого процесса и никогда – в авангарде. Именно варины могли составлять ядро тех загадочных *gentiles* – язычников, которые принесли городскую культуру в Ирландию.

Можно предположить, что плаванья варинов на север, вдоль западного побережья Скандинавского полуострова и оставили свой след на его северной оконечности в виде уникального (имеется в виду его «малоупотребительный и непродуктивный» суффикс *ang(r)*-, доставивший столько хлопот норманистам) топонима Варангер. У саамов Варангер-фьорд сохранил название как Варьяг – воуда, что я связываю с древним варяжским населением, освоившим нынешний Русский Север (Грот 2010б: 171-190). Южнобалтийские варины могли прийти сюда с юга Балтии и оставить здесь как бы свой знак или метку, как считал относительно происхождения названия Варангер-фьорд А.Г. Кузьмин.

При исследовании проблемы о том, кто играл изначально ведущую роль в судостроении на Балтийском море, принципиально важным является вопрос о том, какой народ ранее других овладел парусом. Не следует упускать из виду, что такое изобретение как парус, позволившее создать суда, пригодные для преодоления открытых морских пространств, пришёл в скандинавские страны довольно поздно и мог быть заимствован от тех соседних народов, которые стали использовать его намного раньше. Датский археолог Юханнес Брёнстед, отмечая данный факт, сильно недоумевал по его поводу: «Археологические находки в Скандинавии рассказывают нам о больших открытых гребных ладьях (reddbeten) без паруса и со слабо выраженным килем, таких, например, как судно из Нюдама (Nydambeten) из Южной Ютландии [...]. Другие скандинавские археологические памятники, например, рисованные камни Готланда, показывают, как парус в период, следующий за эпохой Великого переселения народов, постепенно проникает в Скандинавию и в течение VI-VIII вв. медленно совершенствуется, пройдя путь от небольших и неуклюжих четырёхугольных кусков ткани, прикреплённых к одной единственной мачте, до парусов на больших роскошных парусниках викингов. И одновременно с этим происходило совершенствование самого судна, прежде всего – килевой части – и превращение гребной ладьи в корабль. [...]. Это очень странно, что парус пришёл в Скандинавию так поздно» (Brönsted 1992: 14). О появлении паруса в Скандинавии только, примерно, за столетие до эпохи викингов (т.е. на рубеже VII-VIII вв.) говорит и датская исследовательница Э. Роэсдаль (Roesdahl 1996; Роэсдаль 2000: 75).

Странности и «загадки» истории, как уже отмечалось выше, возникают тогда, когда из мира исследований выпадает, а затем забывается какая-то часть исторического материала. Отсутствие какого материала мешает нам логично объяснить скачок, происшедший в развитии судостроения скандинавских стран в VII-VIII вв.? Ведь действительно, гребные суда использовались на северных берегах Балтики беспрерывно в течение нескольких столетий. Точкой отсчёта здесь могут быть известные свидетельства Тацита, который ок. 98 г. упомянул в своём труде «Германия» о народе свионов: «Среди самого Океана обитают общины свионов, помимо оружия и воинов они сильны также флотом... Парусами свионы не пользуются и вёсел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них... съёмные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону» (Древнейшие сведения 1999: 16). Я здесь абстрагируюсь от вопроса о том, насколько правомерно идентифицировать свионов Тацита со средневековыми свеями в истории Швеции. Так или иначе, есть все основания отметить, что традиция гребных судов существовала на севере Балтики чуть не полтысячи лет, а потом вдруг получила импульс к усовершенствованию и модернизации. Какие факторы сыграли здесь свою роль? Ведь модернизация и развитие, независимо от того, происходят ли они в VI, XVI или XXVI веке, требуют материальных и человеческих ресурсов.

Для продолжения моих рассуждений хочу обратиться к работе С.В. Цветкова, который напомнил, что «в истории северного мореплавания и судостроения совершенно незаслуженно забыты кельты-венеты, которые уже в I в. до н.э. были самыми умелыми мореходами на славившемся своими ветрами и штормами Северном море и побережье Атлантического океана» (Цветков 2010: 147) и привёл, в частности, ссылку на античный источник: «Ещё Юлий Цезарь отмечал, какими прекрасными мореходами были венеты Арморики. "Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нём"» (Цветков 2010: 128-130). Интересно отметить, что среди союзников венетов Цезарь называет моринов из приморской части Франции и Бельгии (Кузьмин 2003: 97). Поскольку в кельтских языках звуки «в» и «м» взаимозаменяемы, то морины являются вариантом того же древнего имени варинов (Кузьмин 2003: 238-239; Цветков, Черников 2008: 90).

Я не рассматриваю венетов ни как кельтов, ни как галлов, в традициях вышеприведённой античной лексики, а только как венетов. Имя венетов, согласно многим источникам, явно древнее имени кельтов. Венеты/венеды (енеты/генеты у Геродота) относились к одному из реликтовых индоевропейских этносов и в ходе тысячелетних миграций отдавали своё имя многим народам или полиэтническим объединениям. Об этом имеется обширная литература, сошлюсь для примера на работу А.Г. Кузьмина: «Сложность вопроса [...] заключается в том, что имя венетов прилагается как будто к разным народам, далеко отстоящим друг от друга. [...] Исторических венетов мы находим у Геродота, который считал их иллирийским народом [...]. В последующей традиции постоянно будет смешиваться венетская река Еридан в Северной Италии [...] и река, впадающая в "северное море". [...] связь, прослеживаемая между районами Адриатики и Прибалтикой по топонимическим данным, существовала во времена Геродота и сложилась, видимо, гораздо раньше [...]. По археологическим данным, венеты появились на севере Адриатики около XII в. до н.э. [...] В разных версиях Страбона венеты переселяются либо вместе с фракийцами, либо с киммерийцами. [...] Язык венетов не имеет непосредственных наследников. В XX в. его обычно отождествляли с кельтским, учитывая кельтоязычие арморийских венетов и бесспорное влияние в IV-III вв. до н.э. кельтской материальной культуры на венетов. Затем популярной стала иллирийская теория, которую поддерживали Ю. Покорный и Г. Краэ. Об отличии языка венетов от кельтского прямо говорит Полибий... с первых веков н.э. становятся довольно регулярными сведения о венетах в Прибалтике. [...] согласно Плинию, соседями венетов были сарматы, скифы и гирры. Во втором веке венетов упоминают Птолемей и Тацит. Птолемей, давая описание "Сарматии", отмечает, что "Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды – по всему Венедскому заливу". [...] Генрих Латвийский знал неславянских венетов в Прибалтике ещё в XIII в.: они жили в районе

Виндавы, откуда были вытеснены куршами» (Кузьмин 2003: 89-93). Эта пространная выдержка из книги А.Г. Кузьмина приведена мною в поддержку вышесказанного о том, что древнейшее имя венетов/венедов, по аналогии также с очень древним именем варинов, в процессе переселений оказывалось рассеянным по разноязычным территориям, но общее имя и генетическая память, аккумулированная в нём, должны были связывать разные ветви древнего народа идеей общих корней. По крайней мере, тот факт, что к началу нашей эры древнее имя венетов/венедов-мореходов окаймляло европейское побережье от Адриатики через Атлантику до Балтии, не может быть случайным.

Однако всё в мире подвержено переменам. Рубеж IV-V вв. считается началом великих миграционных процессов, вошедших в европейскую историю как эпоха Великого переселения народов. Но миграции были более или менее постоянным фоном и в предшествующие века в истории европейских народов: люди всегда стремились переселиться туда, где жизнь сулила лучшие или большие возможности.

Так, уже в течение III в. какая-то часть континентального населения из областей между Везером и Эльбой стала переселяться к Атлантическому побережью, туда, где морская торговля и гавани в течение столетий находились в руках венетов и где они ещё во время Юлия Цезаря «сделали своими данниками всех плавающих по этому морю» (Цветков 2010: 128-129), т.е. туда, где бурлила торговля, где богатство плыло в руки сильных и неразборчивых в средствах. Новые имена стали связываться с пиратством на Атлантике – имя саксов, как общее имя для разноэтничных пришельцев стало упоминаться в античных источниках в связи с морскими набегами. Сидоний Апполинарий (ок. 430-489), галло-римский поэт и епископ в Клермонте, писал о саксах, возвращавшихся домой «на всех парусах» (Brönsted 1992: 14). К концу древнеримской эпохи часть прибрежной полосы в современной северо-восточной Франции и Бельгии, а также в восточной и юго-восточной Англии стала известна под именем Saxon Shore – Берег саксов (Shore 1906: 18). Однако в 560 г., т.е. через несколько десятилетий, византийский историк Прокопий Кесарийский писал о ближайших соратниках и союзниках саксов – англах в Англии, что у них не было парусов и что они всегда плавали на веслах (Прокопий Кесарийский 1950: 265-267; Brönsted 1992: 14-15).

Следует помнить, что в ходе миграционных процессов создавались новые конфедерации народов, принимавшие имя какого-то одного народа из данной конфедерации, за которым скрывались и исчезали прежние этнонимы. Новое собирательное имя имело обыкновение выдвигаться в силу религиозных, культурно-языковых или династических перемен, однако, под внешней оболочкой новой этнополитической системы многое могло оставаться неизменным, например, владение определёнными знаниями и навыками, сберегаемое определённым народом. Вполне вероятно, что венеты-мореходы времён Юлия Цезаря, оказавшись в IV-V вв. в сфере влияния правителей саксов, стали выступать под новым общеполитическим именем, но продол-

жали сохранять традиции парусного судоходства в своём ведении, что и поясняет замечание Прокопия о том, что англы не знали паруса. Так социально-политические и демографические изменения выступали в роли передаточного механизма по переносу древних знаний в новые этнополитические системы.

Данное рассуждение вполне применимо и к Балтийскому региону. Здесь временем заметных перемен был период конца V-VI вв., когда балтийское побережье, связанное с венетами названием Венедского залива, начинает осваиваться носителями суковско-дзедзицкой культуры, которых отождествляют со славянами (Седов 2002: 324-348). Связь венетов/венедов со славянами устанавливается, в частности, благодаря сообщению историка Иордана (ум. ок. 552 г.), который писал: «У левого их склона (Альп — Л.Г.), спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склафинами и антами» (Иордан 1960: 90). Благодаря этому сообщению венедов очень часто напрямую отождествляют со славянами, хотя очевидно, даже из нескольких примеров, вышеприведённых здесь, что венеды намного древнее славянства. Но из высказывания Иордана можно также заключить, что группировка народов, объединившаяся под именем склавинов, сложилась в этническом массиве, в течение какого-то времени связанного общим именем венетов/венедов, а затем усилилась настолько, что передала свой язык большей части сообщества при сохранении венедского имени. Подобное явление – сложение новой общности в результате объединения нескольких старых общностей, когда принимался язык одной из них, а имя – другой – можно было повсеместно наблюдать в древности и раннем средневековье.

Таким образом, миграции славян в Балтийском регионе были не только миграциями славянского населения, но выступали и в форме распространения славянского языка среди своих давних соратников венедов/венетов и их союзников варинов-моринов. Это объясняет сравнительную быстроту ославянивания южнобалтийского субстрата и перенесение опыта балтийских венедов и варинов уже в новые этнополитические образования со славянским языком в качестве средства общения. Однако любые преобразования вызывают размежевания в обществе, где они происходят, и часть населения покидает родные места – так было всегда. Поэтому логичным представляется предположение, что часть варинов или венедов переселялась в течение VI в. с южнобалтийского побережья севернее, на острова Балтийского моря или южное побережье Скандинавского полуострова. Приток этого населения в Скандинавию и мог оказаться тем недостающим звеном, который замкнул цепь и дал толчок в развитии судостроения на Готланде и появлении парусных судов, что запечатлелось в изображениях на каменных стеллах. Местное население, использовавшее в течение столетий гребные суда, владело опытом использования местной акватории, а пришельцы были необходимым дополнительным че-

ловеческим ресурсом со знаниями о парусном флоте, а также, вероятно, и с материальными средствами – соединение всех этих факторов логично объясняет появление паруса на Готланде в конце VI-VII вв.

Косвенным аргументом в пользу моей реконструкции может послужить история развития градостроительства на том же Готланде. Шведский археолог Х. Андерссон отмечал в истории г. Висби (Visby) – единственного города на Готланде – два периода: один, связанный с местным населением, а второй – с «немецкими» переселенцами. Археологические исследования показали, что в прибрежной части Готланда было поселение, относящееся к викингскому периоду, причём данное поселение носило постоянный характер. Были обнаружены следы ремесленных занятий. К югу от поселения были возведены первые церкви – одна из них относится к концу XI в. В течение XII в. поселение стало быстро расти, особенно в восточном и северо-восточном направлениях. В первой четверти XIII в. наблюдается особый подъём: деревянные постройки в центральной части заменяются каменными, строятся новые церкви, реставрируются старые. Отмечая эти изменения, Х. Андерссон сообщает, что с конца XII в. наблюдаются массовые переселения на Готланд немецкого населения. Это не совсем корректная формулировка, поскольку «немецким» древнее южнобалтийское население славянских княжеств становилось именно в течение второй половины XII в. в результате наступления рыцарей-крестоносцев под предводительством саксонских герцогов и других правителей германских земель. Его переселение или, проще говоря, бегство на север было естественным следствием данных событий. Количество переселенцев с южнобалтийского берега на Готланде постоянно прибывало и к XIII в. возросло настолько, что в 1225 г. епископ в Линчёпинге выдал немецким горожанам (burgenses) в Висби грамоту с привилегиями. Переломным моментом в развитии Висби становится

начало XIII в., когда воздвигаются каменные постройки (Andersson 1990: 51). Начало каменного строительства говорит о том, что в городе появились дополнительные средства, поскольку каменное строительство – капиталоемкий проект.

Полагаю, приведённых здесь материалов оказалось достаточно для того, чтобы обосновать высказанное в начале статьи утверждение о том, что концепция норманистов о скандинавстве летописных варягов черпает свои аргументы из ненаучного источника, а также – о том, что утопия норманизма подменила и заслонила от нас живую историю части народов южнобалтийского побережья. Общепринятые отождествления викингов, northmen/nordmannos или gentiles средневековых западноевропейских хроник исключительно с выходцами из скандинавских стран, должны быть перепроверены. Реальная картина раннесредневековой истории, где действовали вышеперечисленные персонажи, была явно намного сложнее и многозначнее, и её значительную часть составляла история народа варингов – древнего народа на южнобалтийском побережье, обладавшего развитыми традициями градостроительства, мореходства и торговли и в качестве постоянного союзника англов участвовавшего в заселении Британских островов, а также, вероятно, и прокладывавшего новые пути на север Западной Европы из Балтии вдоль западного побережья Скандинавского полуострова. Восстановление реальной исторической картины во всей её полноте – вопрос очень насущный для историй многих стран, и в первую очередь, для истории России.

Здесь приведена только малая толика примеров, которые показывают, что норманистские концепции существуют за счёт обирания историй других народов и произвольного смешивания разнородных исторических контекстов в некую умозрительную картину якобы скандинавской истории. То, что родилось от чресл утопии, наукой стать не может.

ЛИТЕРАТУРА

- Байер 2006 - Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 346-354.
- Васильевский 1908 - Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Васильевский В.Г. Труды. Т. I. СПб., 1908.
- Вольфрам 2003 - Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
- Глазырина 1996 - Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.
- Грот 2007 - Грот Л.П. Начальный период российской истории и западноевропейские утопии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научных конференций 2006-2007 годов. Великий Новгород, 2007. С. 12-22.
- Грот 2007а - Грот Л.П. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки. 2006. Историографический вестник. М., 2007. С. 72-118.
- Грот 2008 - Грот Л.П. Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 111-117.
- Грот 2008а - Грот Л.П. Варяжский вопрос и рудбекианизм в современном норманизме // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы). Сборник статей памяти профессора А.Г. Кузьмина и профессора В.Г. Тюкавкина. Ч. 1. М., 2008. С. 111-126.
- Грот 2009 - Грот Л.П. Алгебра родства и практика призвания правителя «со стороны» // Алгебра родства. СПб., 2009. С. 132-194.
- Грот 2009а - Грот Л.П. Рюрик и традиции наследования власти в догосударственных обществах // Российская государственность в лицах и судьбах её соиздателей. IX-XXI вв. Материалы Международной научной конференции. 31 октября – 1 ноября 2008 г. Липецк, 2009. С. 33-72.
- Грот 2009б - Грот Л.П. Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории старого света. Труды государственного Эрмитажа. Т. XLIX. СПб., 2009. С. 132-154.

- Грот 2009в - Грот Л.П. К вопросу о летописных варягах «к востоку до предела Симова» // Лихудовские чтения 2004. Великий Новгород, 2009. С. 194-203.
- Грот 2009г - Грот Л.П. Ингергерд – принцесса свейская и княжна ободритская. К вопросу о генеалогии как источнике информации по генезису наследного института власти // Лихудовские чтения 2004. Великий Новгород, 2009. С. 204-222.
- Грот 2010 - Грот Л.П. Практика призвания правителя со стороны и проблема генезиса института княжеской власти в русской истории // Обычай, символ, власть. К 75-летию со дня рождения Ирины Евгеньевны Синициной. М., 2010. С. 324-355.
- Грот 2010а - Грот Л.П. Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборейях и рудбекианизм // Изгнание норманнов их русской истории. Вып. 1. М., 2010. С. 321-332.
- Грот 2010б - Грот Л.П. (Пра)индоевропейские корни населения на севере России // Российская история. 2010. № 3. С. 171-190.
- Грот 2010в - Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 2. Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 103-202.
- Грот 2010г - Грот Л.П. Тема варяги-варяги-вэринги в историографии // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей. IX-XXI вв. Материалы международной научной конференции. 27-28 ноября 2009 г. Липецк, 2010. С. 5-14.
- Джаксон 1993 - Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги. М., 1993.
- Древнейшие сведения 1999 - Древнейшие сведения о племенах, населявших территорию современной Швеции / Составление и примечания В.В. Рыбакова // Из ранней истории шведского народа: первые описания и законы. М., 1999.
- Иордан 1960 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003.
- Лосев 1978 - Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
- Макиавелли 1987 - Макиавелли Н. История Флоренции / Перевод с итальянского Н.Я. Рыковой. Второе издание. М., 1987.
- Мельникова, Петрухин 1994 - Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X-XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56-69.
- Прокопий Кесарийский 1950 - Прокопий Кесарийский. Война с готами / Перевод и комментарии С.П. Кондратьева. М., 1950.
- Роэсдаль 2000 - Роэсдаль Э. Мир викингов. СПб., 2000.
- Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Соколов 1984 - Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII вв. М., 1984.
- Сочинения 1985 - Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под редакцией Л.М. Брагиной. М., 1985.
- Фомин 2003 - Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003. С. 83-127.
- Фомин 2005 - Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь. М., 2005. С. 17-47.
- Фомин 2005а - Фомин В.В. Российская историческая наука и С.А. Гедеонов // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2005. С. 8-56.
- Фомин 2006 - Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.
- Фомин 2008 - Фомин В.В. Начальная история Руси. М., 2008.
- Фомин 2010 - Фомин В.В. Происхождение Рюрика и его роль в русской истории // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей. IX-XXI вв. Материалы международной научной конференции. 27-28 ноября 2009 г. Липецк, 2010.
- Фомин 2010а - Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 1. М., 2010.
- Цветков 2010 - Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб., 2010.
- Цветков, Черников 2008 - Цветков С.В., Черников И.И. Торговые пути. Корабли кельтов и славян. СПб., 2008.
- Andersson 1990 - Andersson H. Sjuttiosex medeltidsstäder – aspekter på stadsarkeologi och medeltida urbaniseringsprocess i Sverige och Finland. Stockholm, 1990.
- Brönsted 1992 - Brönsted J. Vikingarna hemma och i härnad. Stockholm, 1992.
- Byrne 2005 - Byrne F.J. The Viking age // A New History of Ireland. I. Prehistoric and early Ireland / Ed. Dáibhí Ó Cróinín. Oxford, 2005. S. 609-634.
- Byrne 2005 - Byrne F.J. The Viking age // A New History of Ireland. I. Prehistoric and early Ireland. Oxford, 2005.
- Harrisson 2009 - Harrisson D. Byggedemakt/Sveriges historia 600-1350. Stockholm, 2009.
- Johannesson 1982 - Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982.
- Kristeller 1961 - Kristeller P.O. Renaissance thought. The classic, scholastic and humanist strains // Cultural aspects of Italian Renaissance. Essays in honor Paul Oskar Kristeller. Manchester, 1961.
- Latvakangas 1995 - Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige fren runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995.
- Lindroth 1961 - Lindroth S. Göticismen // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid fren vikingatid till reformationstid. Bd. VI. Malmö, 1961. S. 35-36.
- Nordström 1934 - Nordström J. De yverbarnes ö. Sextomhundredtalsstudier. Stockholm, 1934.

- Nordström 1971 - Nordström J. Goter och spanjorer. Till spanska goticismens historia // Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets ersbok. Stockholm, 1971. S. 171-180.
- Nordström 1975 - Nordström J. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Stockholm, 1975.
- Roesdahl 1996 - Roesdahl E. Vikingernes verden: vikingerne hjemme og ude. Kobenhavn: Gyldendal, 1996.
- Rudbeck 1937 - Rudbeck O. Atland eller Manheim. Uppsala och Stockholm, 1937.
- Schramm 1983 - Schramm G. Die Waräger: osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // Die Welt der Slaven. 1983. Bd. 28.
- Shore 1906 - Shore T.W. Origin of the Anglo-Saxon race – a study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people. London, 1906.
- Svennung 1967 - Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967.
- Wallace 2000 - Wallace P.F. Garrda and airbeada: the plot thickens in Viking Dublin // Essays in Early and Medieval Irish Archaeology, History and Litterature in Honour of F.J. Byrne. Dublin, 2000. S. 261-274.
- Wallace 2008 - Wallace P.F. Irish Archaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin // Evaluating Multiple Narratives / Ed. Junko Habu, Clare Fawcett, John M. Matsunaga. New York, 2008. S. 166-183.

REFERENCES

- Andersson 1990 - Andersson H. Sjuutiose medeltidsstäder – aspekter på stadsarkeologi och medeltida urbaniseringsprocess i Sverige och Finland [Seventy-six medieval cities-aspects of Urban Archaeology and medieval urbanisation in Sweden and Finland], Stockholm, 1990 [in Swedish].
- Bajer 2006 - Bajer G.Z. O varyagah [About the Varangians], in: Fomin V.V. Lomonosov. Genij russkoj istorii [Lomonosov. The Genius of Russian History], Moscow, 2006, pp. 346-354 [in Russian].
- Brönsted 1992 - Brönsted J. Vikingarna hemma och i härnad [Vikings at home and in captivity], Stockholm, 1992 [in Swedish].
- Byrne 2005 - Byrne F.J. The Viking age, in: A New History of Ireland. I. Prehistoric and early Ireland / Ed. Dáibhí ó Cróinín, Oxford, 2005, pp. 609-634 [in English].
- Cvetkov 2010 - Cvetkov S.V. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 godu i nachalo Rusi [The Rus campaign against Constantinople in 860 and the beginning of Russia], Saint-Petersburg, 2010 [in Russian].
- Cvetkov, Chernikov 2008 - Cvetkov S.V., Chernikov I.I. Torgovye puti. Korabli kel'tov i slavyan [Trade routes. Ships of the Celts and Slavs], Saint-Petersburg, 2008 [in Russian].
- Drevnejshie svedeniya 1999 - Drevnejshie svedeniya o plemenah, naselyavshih territoriyu sovremennoj SHvecii / Sostavlenie i primechaniya V.V. Rybakova [The oldest information about the tribes that inhabited the territory of modern Sweden / Compilation and notes by V.V. Rybakov], in: Iz rannej istorii shvedskogo naroda: pervye opisaniya i zakony [From the early history of the Swedish people: the first descriptions and laws], Moscow, 1999 [in Russian].
- Dzhakson 1993 - Dzhakson T.N. Islandskie korolevskie sagi [Icelandic Royal Sagas], Moscow, 1993 [in Russian].
- Fomin 2003 - Fomin V.V. Krivye zerkala normanizma [Curved mirrors of Normanism], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Vol. 8 (156), Moscow, 2003, pp. 83-127 [in Russian].
- Fomin 2005 - Fomin V.V. Varyagi i Varyazhskaya Rus' [Varangians and Varangian Rus], Moscow, 2005, pp. 17-47 [in Russian].
- Fomin 2005a - Fomin V.V. Rossijskaya istoricheskaya nauka i S.A. Gedeonov [Russian Historical Science and S.A. Gedeonov], in: Gedeonov S.A. Varyagi i Rus' [Varangians and Rus], Moscow, 2005, pp. 8-56 [in Russian].
- Fomin 2006 - Fomin V.V. Lomonosov. Genij russkoj istorii [Lomonosov. The Genius of Russian History], Moscow, 2006 [in Russian].
- Fomin 2008 - Fomin V.V. Nachal'naya istoriya Rusi [The initial history of Russia], Moscow, 2008 [in Russian].
- Fomin 2010 - Fomin V.V. Proiskhozhdenie Ryurika i ego rol' v russkoj istorii [The origin of Rurik and his role in Russian history], in: Rossijskaya gosudarstvennost' v licah i sud'bah eyo sozidatelej. IX-XXI vv. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 27-28 noyabrya 2009 g. [Russian statehood in the faces and destinies of its creators. IX-XXI centuries. Materials of the international scientific conference. November 27-28, 2009], Lipeck, 2010 [in Russian].
- Fomin 2010a - Fomin V.V. Varyago-russkij vopros i nekotorye aspekty ego istoriografii [Varyago-the Russian Question and some aspects of its historiography], in: Izgnanie normannov iz russkoj istorii [The expulsion of the Normans from Russian history], Vol. 1, Moscow, 2010 [in Russian].
- Glazyrina 1996 - Glazyrina G.V. Islandskie vikingskie sagi o Severnoj Rusi [Icelandic Viking Sagas about Northern Russia], Moscow, 1996 [in Russian].
- Grot 2007 - Grot L.P. Nachal'nyj period rossijskoj istorii i zapadnoevropejskie utopii [The initial period of Russian history and Western European utopias], in: Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: Materialy nauchnyh konferencij 2006-2007 godov [The past of Novgorod and the Novgorod land: Materials of scientific conferences of 2006-2007], Velikij Novgorod, 2007, pp. 12-22 [in Russian].
- Grot 2007a - Grot L.P. Kak Ryurik stal velikim russkim knyazem? Teoreticheskie aspekty genezisa drevnerusskogo instituta knyazheskoj vlasti [How did Rurik become a great Russian prince? Theoretical aspects of the genesis of the Old Russian institute of princely power], in: Istoriya i istoriki. 2006. Istoriograficheskij vestnik [History and historians. 2006. Historiographical Bulletin], Moscow, 2007, pp. 72-118 [in Russian].
- Grot 2008 - Grot L.P. Gnoseologicheskie korni normanizma [Epistemological roots of Normanism], in: Voprosy istorii [History issues], 2008, № 8, pp. 111-117 [in Russian].
- Grot 2008a - Grot L.P. Varyazhskij vopros i rudbekianizm v sovremennom normanizme [The Varangian question and Rudbekianism in Modern Normanism], in: Istoricheskaya nauka i rossijskoe obrazovanie (aktual'nye problemy). Sbornik statej pamyati professora A.G. Kuz'mina i professora V.G. Tyukavkina [Historical science and Russian education (actual problems). Collection of articles in memory of Professor A.G. Kuzmin and Professor V.G. Tyukavkin], Vol. 1, Moscow, 2008, pp. 111-126 [in Russian].

- Grot 2009** - Grot L.P. Algebra rodstva i praktika prizvaniya pravatelya «so storony» [Algebra of kinship and the practice of calling a ruler "from the outside"], in: Algebra rodstva [Kinship Algebra], Saint-Petersburg, 2009, pp. 132-194 [in Russian].
- Grot 2009a** - Grot L.P. Ryurik i tradicii nasledovaniya vlasti v dogosudarstvennyh obshchestvah [Rurik and the traditions of inheritance of power in pre-state societies], in: Rossijskaya gosudarstvennost' v licah i sud'bah eyo sozidatelej. IX-XXI vv. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 31 oktyabrya – 1 noyabrya 2008 g. [Russian statehood in the faces and destinies of its creators. IX-XXI centuries. Materials of the International Scientific Conference. October 31 – November 1, 2008], Lipect, 2009, pp. 33-72 [in Russian].
- Grot 2009b** - Grot L.P. Genezis drevnerusskogo instituta knyazheskoj vlasti, zapadnoevropejskie utopii epohi Prosveshcheniya i ih predtechi [Genesis of the Old Russian institute of princely power, Western European utopias of the Enlightenment and their forerunners], in: Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii starogo sveta. Trudy gosudarstvennogo Ermitazha [The formation of Russian statehood in the context of the early Medieval history of the Old World. Works of the State Hermitage Museum], Vol. XLIX, Saint-Petersburg, 2009, pp. 132-154 [in Russian].
- Grot 2009g** - Grot L.P. Ingegerd – princessa svejskaya i knyazhna obodritskaya. K voprosu o genealogii kak istochnike informacii po genezisu naslednogo instituta vlasti [Ingegerd is the Princess of Svea and the Princess of Obodrit. On the issue of genealogy as a source of information on the genesis of the hereditary institution of power], in: Lihudovskie chteniya 2004 [Likhudov readings 2004], Velikij Novgorod, 2009, pp. 204-222 [in Russian].
- Grot 2009v** - Grot L.P. K voprosu o letopisnyh varyagah «k vostoku do predela Simova» [On the question of the chronicled Varangians "to the entrance to the limit of Simov"], in: Lihudovskie chteniya 2004 [Likhudov readings 2004], Velikij Novgorod, 2009, pp. 194-203 [in Russian].
- Grot 2010** - Grot L.P. Praktika prizvaniya pravatelya so storony i problema genezisa instituta knyazheskoj vlasti v russkoj istorii [The practice of calling the ruler from the outside and the problem of the genesis of the institution of princely power in Russian history], in: Obychaj, simvol, vlast'. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya Iriny Evgen'evny Sinicinoj [Custom, symbol, power. To the 75th anniversary of the birth of Irina Evgenievna Sinitsina], Moscow, 2010, pp. 324-355 [in Russian].
- Grot 2010a** - Grot L.P. Utopicheskie istoki normanizma: mify o giperboreyah i rudbekianizm [Utopian Origins of Normanism: Myths about Hyperboreans and Rudbekianism], in: Izgnanie normannov ih russkoj istorii [The Expulsion of the Normans from their Russian History], Vol. 1, Moscow, 2010, pp. 321-332 [in Russian].
- Grot 2010b** - Grot L.P. (Pra)indoevropejskie korni naseleniya na severe Rossii [(Pra)Indo-European roots of the population in the north of Russia], in: Rossijskaya istoriya [Russian History], 2010, № 3, pp. 171-190 [in Russian].
- Grot 2010g** - Grot L.P. Tema variny-varyagi-veringi v istoriografii [The theme of Varina-Varangians-varingi in historiography], in: Rossijskaya gosudarstvennost' v licah i sud'bah eyo sozidatelej. IX-XXI vv. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 27-28 noyabrya 2009 g. [Russian statehood in the faces and destinies of its creators. IX-XXI centuries. Materials of the international scientific conference. November 27-28, 2009], Lipect, 2010, pp. 5-14 [in Russian].
- Grot 2010v** - Grot L.P. Put' normanizma: ot fantazii k utopii [The Path of Normanism: from Fantasy to Utopia], in: Izgnanie normannov iz russkoj istorii. Vyp. 2. Varyago-russkij vopros v istoriografii [The expulsion of the Normans from Russian history. Volume 2. Varyago-the Russian question in Historiography], Moscow, 2010, pp. 103-202 [in Russian].
- Harrisson 2009** - Harrisson D. Byggdemakt/Sveriges historia 600-1350 [Byggdemakt / history of Sweden 600-1350], Stockholm, 2009 [in Swedish].
- Iordan 1960** - Iordan. O proiskhozhdenii i deyanijah getov. Getica / Perevod i kommentarii E.CH. Skrzhinskoj [About the origin and deeds of the Geth. Getica / Translation and comments by E.C. Skrzhinskaya], Moscow, 1960 [in Russian].
- Johannesson 1982** - Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker [Gothic Revival. Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians], Stockholm, 1982 [in Swedish].
- Kristeller 1961** - Kristeller P.O. Renaissance thought. The classic, scholastic and humanist strains, in: Cultural aspects of Italian Renaissance. Assays in honor Paul Oskar Kristeller, Manchester, 1961 [in English].
- Kuz'min 2003** - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi [The Beginning of Russia], Moscow, 2003 [in Russian].
- Latvakangas 1995** - Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige fren runinskrifter till enhetlig historisk tolkning [The founders. The vari problem in Sweden from runic inscriptions to uniform historical interpretation], Turku, 1995 [in Swedish].
- Lindroth 1961** - Lindroth S. Göticismen [Göticism], in: Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid fren vikingatid till reformationstid [Cultural history Dictionary of the Nordic Middle Ages from Viking Age to reformation period], Vol. VI, Malmö, 1961, pp. 35-36 [in Swedish].
- Losev 1978** - Losev A.F. Estetika Vozrozhdeniya [Aesthetics of the Renaissance], Moscow, 1978 [in Russian].
- Makiavelli 1987** - Makiavelli N. Istoriya Florencii / Perevod s ital'yanskogo N.YA. Rykovo. Vtoroe izdanie [The History of Florence / Translated from Italian by N.Ya. Rykova. Second edition], Moscow, 1987 [in Russian].
- Mel'nikova, Petruhin 1994** - Mel'nikova E.A., Petruhin V.YA. Skandinav na Rusi i v Vizantii v X-XI vv.: k istorii nazvaniya «varyag» [Scandinavians in Russia and Byzantium in the X-XI centuries: on the history of the name "Varangian"], in: Slavyanovedenie [Slavonic studies], 1994, № 2, pp. 56-69 [in Russian].
- Nordström 1934** - Nordström J. De yverbones ö. Sextomhundredtalsstudier [De yverborne's island. Sixteenth-century studies], Stockholm, 1934 [in Swedish].
- Nordström 1971** - Nordström J. Goter och spanjorer. Till spanska goticismens historia [Goths and Spaniards. The history of Spanish Gothic], in: Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets ersbok [Lychnos. Ersbok Lärdomshistoriska samfundets], Stockholm, 1971, pp. 171-180 [in Swedish].
- Nordström 1975** - Nordström J. Johannes Magnus och den götiska romantiken [Johannes Magnus and the gothic romance], Stockholm, 1975 [in Swedish].
- Prokopij Kesarijskij 1950** - Prokopij Kesarijskij. Vojna s gotami / Perevod i kommentarii S.P. Kondrat'eva [The War with the Goths / Translation and comments by S.P. Kondratiev], Moscow, 1950 [in Russian].
- Roesdahl 1996** - Roesdahl E. Vikingernes verden: vikingerne hjemme og ude [World of the Vikings: Vikings home and away], Kobenhavn, Gyldendal, 1996 [in Swedish].
- Roesdal' 2000** - Roesdal' E. Mir vikingov [Viking World], Saint-Petersburg, 2000 [in Russian].

- Rudbeck 1937** - Rudbeck O. Atland eller Manheim [Atland or Manheim], Uppsala och Stockholm, 1937 [in Swedish].
- Schramm 1983** - Schramm G. Die Waräger: osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung [The Varangians: Eastern European fates of a North Germanic group designation], in: Die Welt der Slaven [The world of the Slavs], 1983, Vol. 28 [in German].
- Sedov 2002** - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, 2002 [in Russian].
- Shore 1906** - Shore T.W. Origin of the Anglo-Saxon race – a study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people, London, 1906 [in English].
- Sochineniya 1985** - Sochineniya ital'yanskikh gumanistov epohi Vozrozhdeniya (XV v.) / Pod redakciej L.M. Braginoj [Works of Italian Renaissance Humanists (XV century) / Edited by L.M. Bragina], Moscow, 1985 [in Russian].
- Sokolov 1984** - Sokolov V.V. Evropejskaya filosofiya XV-XVII vv. [European philosophy of the XV-XVII centuries], Moscow, 1984 [in Russian].
- Svennung 1967** - Svennung J. Zur Geschichte des goticismus [The history of Gothic], Stockholm, 1967 [in Swedish].
- Vasil'evskij 1908** - Vasil'evskij V.G. Varyago-russkaya i varyago-anglijskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vv. [Varyago-Russian and Varyago-English squads in Constantinople of the XI and XII centuries], in: Vasil'evskij V.G. Trudy [Works], Vol. I, Saint-Petersburg, 1908 [in Russian].
- Vol'fram 2003** - Vol'fram H. Goty, Saint-Petersburg, 2003 [in Russian].
- Wallace 2000** - Wallace P.F. Garrda and airbeada: the plot thickens in Viking Dublin, in: Essays in Early and Medieval Irish Archaeology, History and Litterature in Honour of F.J. Byrne, Dublin, 2000, pp. 261-274 [in English].
- Wallace 2008** - Wallace P.F. Irish Archaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin, in: Evaluating Multiple Narratives / Ed. Junko Habu, Clare Fawcett, John M. Matsunaga, New York, 2008, pp. 166-183 [in English].

Грот Лидия Павловна

– Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).

Lidia Groth

– Candidate of historical sciences, Vice-chairman of Society «Russian Salon», Historiographer of Society (Luleå, Sweden).

mail@histformat.com

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ РЯДУ ПЕРВИЧНЫХ ПОЛИТИЙ

М.И. Жих

Международный научный журнал «Исторический формат»

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается проблема места древнерусской социально-политической организации в типологическом ряду ранних политий. Города-государства Древней Руси сопоставляются с античными полисами и городами-государствами Шумера, выявляются их сходства и различия. В силу размеров территории и низкого плодородия почв, предопределивших слабую плотность населения ограниченного земельного фонда между всеми общинниками) или Шумером (необходимость создания и поддержания единой ирригационной системы). Соответственно, в ней не получили развития ни надобщинные государственные структуры, ни, напротив, целенаправленные усилия по укреплению общинного единства. Домонгольская Русь стояла на перепутье. В силу ряда конкретно-исторических факторов (монгольское иго и необходимость консолидации для борьбы с ним) происходит ослабление «полисных» черт в характере общественного устройства Руси и усиление «государственных»: Северо-Восточная Русь уверенно вступила на путь превращения в территориальную монархию, каковой и стала в XV-XVI вв. Иначе пошло развитие Новгорода, где взяла верх «полисная» тенденция и его развитие пошло не по пути превращения в территориальную монархию, а по пути развития и совершенствования вечевых институтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: города-государства, Древняя Русь, Шумер, античный мир, типология.

ON THE QUESTION OF THE PLACE OF THE CITY-STATES OF ANCIENT RUS' IN THE TYPOLOGICAL SERIES OF PRIMARY POLITIES

Maksim Zhikh

International Scientific Journal «Historical Format»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the problem of the place of the ancient Russian socio-political organization in the typological series of early polities. The author compares city-states of Old Rus' with the antique poleis and city-states of Sumer, revealing their similarities and differences. Due to the size of the territory and low soil fertility, which predetermined low population density, Rus' did not have the same tasks and problems: it did not face the need to distribute a limited land supply among all communities (like in ancient Greece) or the need to create and maintain a unified irrigation system (like in Sumer). Correspondingly, Rus' neither developed supra-communal state structures nor, on the contrary, put in a targeted effort to strengthen community unity. Pre-Mongol Rus' stood at a crossroads. Due to a number of specific historical factors (the Mongol yoke and the need for consolidation to fight against it), there was a weakening of the «polis» features in the nature of the social structure of Rus' and a strengthening of the «state» ones: North-Eastern Rus' had confidently embarked on the path of transformation into a territorial monarchy, which it became in the 15th – 16th centuries. Development of Novgorod went differently with prevailing of the «polis» tendency; its evolution did not follow the path of becoming a territorial monarchy, but along the path of development and perfection of the Veche institutions.

KEYWORDS: city-states, Old Rus', Sumer, antique world, typology.

Одним из ключевых в исследовании древнерусского политогенеза вопросов является определение места древнерусской социально-политической организации в типологическом ряду ранних политий. Важнейшим моментом в его разрешении является определение «точки отсчета» – того круга социально-политических организмов, которые были синхронны древнерусскому обществу с точки зрения не физического, а исторического времени. Асинхронность исторического развития – хорошо известный историкам факт: общества, существующие в одно и то же время в его физическом смысле могут, вместе с тем, стоять на совершенно разных ступенях развития и потому их типологическое сравнение бессмысленно. И в то же время общества, отстоящие друг от друга на много лет, столетий и даже тысячелетий могут находиться на одних примерно ступенях развития. Классический пример здесь – цивилизации доколумбовой Америки и современная им Европа, с которой они столкнулись в конце XV – начале XVI вв. Как указывает В.И. Гуляев «Встреча» двух миров и двух культур, столь непохожих друг на друга, безусловно, может быть отнесена к числу удивительных исторических парадоксов: если наиболее развитые цивилизации американских аборигенов соответствовали по своему общему уровню самым архаичным формам государственности Древнего Востока, то Европа уже прошла Ренессанс и стояла на пороге антифеодальных революций» (Гуляев 2008: 10. Типологическое сопоставление городов-государств Мезоамерики и Древнего Востока см.: Гуляев 1968: 127-155; 1979). Описывая встречу Монтесумы с Кортесом, ученый констатирует, что «лицом к лицу встретились два исторических персонажа, принадлежавших к абсолютно разным эпохам. Встреча Монтесумы и Кортеса выглядит столь же невероятной, как, например, была бы встреча Гильгамеша с Иваном Грозным или Тутанхамона с Карлом XII» (Гуляев 2008: 371).

Разные социумы в разное время выходили на арену истории и имели за плечами разный «багаж» социально-культурного и политического наследия предшествующих цивилизаций. Непонимание этого фундаментального обстоятельства приводит к ошибочным попыткам механического отождествления государств, которые существовали одновременно, но на деле могли представлять собой совершенно разные уровни социально-политического развития. Именно эта ложная посылка стала методологической основой при «подтягивании» истории России в целом и Древней Руси в частности к истории синхронных ей европейских государств, которое достигло апогея в советской историографии. По словам Ю.В. Кривошеева, обобщившего соответствующие наблюдения ряда русских историков и философов, «историческим эталоном (для советской историографии – М.Ж.) оставалась Европа. История России продолжала писаться с европоцентристских позиций. Это выражалось в сравнении многих процессов, происходивших в Европе с тем, как развивалась Россия. Редко какая книга не начиналась с описания хронологически соответствующих событий в Европе. Реконкиста, война Алой и Белой Роз, Плантагенеты и Тюдоры предваряли

изложение собственно русской истории. Отклонения от магистральной европейской линии развития рассматривались как более или менее существенные отставания... Советские историки непоколебимо отстаивали «европейский путь» России как единственно возможный» (Кривошеев 1996: 94).

В изучении древнерусской истории такой подход вел к тому, что историки стремились во что бы то ни стало найти в Киевской Руси «классическое» феодальное общество и феодальное государство, аналогичные западноевропейским, причем желательнее, чтобы древнерусский феодализм был при этом не намного «младше» европейского (Фроянов 2001а: 225-328). Наиболее четко выразил соответствующие настроения М.Ю. Брайчевский, по мнению которого «рассматривать этот процесс (процесс социально-экономического и политического развития европейских «варваров» I тыс. н.э. – М.Ж.) изолированно нельзя, так как он в равной степени охватывал всю ойкумену, и каждый шаг вперед, сделанный в данном направлении одним народом, имел решительные последствия не только для него, а для всей ойкумены в целом» (Брайчевский 1969: 39). И.Я. Фроянов по этому поводу справедливо отметил, что «единство ойкумены – ничем не доказанный постулат. Однако он позволил М.Ю. Брайчевскому нивелировать социально-экономическую историю племен, разбросанных на огромных пространствах Европы: древних германцев, западных и восточных славян, народов Прибалтики» (Фроянов 2001а: 285-286).

Между тем, подобные построения, настойчиво «подтягивающие» Киевскую Русь к существовавшим с ней одновременно европейским государствам и пытающиеся найти там те же самые общественные институты, игнорируют один фундаментальный момент: западноевропейское общество развивалось на базе римской цивилизационной подосновы, в то время как Русь развивалась как бы «с чистого листа» – без всякой цивилизационной подосновы. Соответственно и сопоставлять ее логично не с постримскими социумами Западной Европы, а с другими «первичными» обществами, которые также начинали свое развитие «с чистого листа». Это утверждение справедливо и по отношению ко всей «варварской Европе» – социумам, начавшим свое государственное развитие на рубеже I-II тыс. н.э. вне зоны романо-германского синтеза. Для национальных историографий восточноевропейских стран также как и для российской историографии характерно стремление «подтянуть» развитие своих государств к государствам Западной Европы.

Апогея эта тенденция достигла в послевоенный период, когда историческая наука восточноевропейских стран взяла за образец советскую историографию с ее ярко выраженным европоцентризмом и «удревнением» феодальных отношений. В итоге вопрос об особенностях социально-политического развития европейских стран, находившихся вне зоны романо-германского синтеза, и об их положении в рамках «исторического времени» остается по сей день очень слабо разработанным (в новейшей историографии нам известно только одно монографическое исследование данной темы:

Modzelewski 2004). Его детальное исследование остается делом будущего, но высказанные нами ниже соображения о принадлежности древнерусского общества к определенному «историческому времени», позволяют, как нам думается, обозначить возможное направление соответствующих поисков.

Итак, как было сказано выше, логично сравнить историю Киевской Руси с историей тех народов и государств, которые также как и она начинали свой исторический путь «с чистого листа» и которые, при этом, избежали в историографии участи быть постоянно «приближаемы» к истории цивилизации, находящейся на совершенно иной стадии общественного развития. История всех «первичных» земледельческих социумов, перешедших на стадию цивилизации, начиналась, как правило, с небольшого социально-политического образования – города-государства, представляющего собой город с прилегающей к нему сельскохозяйственной округой. По К. Ренфрю, для отнесения того или иного общества к стадии цивилизации достаточно двух признаков из трех: наличие городов, наличие письменности, наличие монументальной архитектуры (Renfrew 1972). На Руси сочетание этих признаков наблюдается с рубежа X-XI вв. Характерными признаками которого, на наш взгляд, являются:

1) Сравнительно небольшие размеры. Естественно, понятие «небольшие» является относительным и определяется рядом факторов: общими размерами земельного фонда, количеством населения и его плотностью, урожайностью почв и т.д. Наличие на Руси огромного земельного фонда при слабой урожайности и, соответственно, низкой плотности населения предопределило то, что города-государства Руси занимали существенно большую площадь, чем античные или древневосточные города-государства;

2) Наличие города – политико-административного, сакрального, редиистрибутивного и военного центра. Как правило, город в рамках города-государства наличествует только один. Если какое-то другое поселение достигает городского уровня, то оно обычно стремится получить независимость и структурировать собственную политику. При этом возможно объединение (добровольное или насильственное) городов-государств в конгломераты разной прочности с определенной иерархией между ними. В.В. Пассек, характеризуя соответствующие порядки в Древней Руси, справедливо отмечал в свое время, что в летописях под словом «город» подразумевается нередко «целая страна, область, со всеми ее деревнями, селами и городами, бывшими под защитой главного или стольного города, который собственно и назывался городом, а все другие, находившиеся в той области или уделе, в отношении его считались пригородами» (Пассек 1870: 73). Русь, по мнению историка, «распадалась на области, из которых каждая имела своих старейшин и свой срединный город, который со своими старейшинами господствовал над всею областью» (Пассек 1870: 73). Понятие города, по словам В.В. Пассека «поглощало в себе понятие целой страны. Город есть мысль, сердце, дух страны; он господин, он владыка» (Пассек 1870: 73). Город-государство имеет,

по словам Ю.В. Андреева, «тенденцию к автономии и автаркии» (Андреев 2003: 204);

3) Единство города и прилегающей к нему сельскохозяйственной округи. По мере распада этого единства идет процесс трансформации города-государства в политику других типов. Единство города и его волости, называемой обычно по его имени («Черниговская волость», «Киевская волость», «Смоленская волость» и т.д. См. например: ПСРЛ I: 309, 350, 367), фиксируется в древнерусских источниках многократно (см. например: ПСРЛ III: 253, 268, 277), что дало право С.В. Юшкову заключить, что «территориальный округ, тянувший к городу, так тесно с ним связан, что когда говорят о передаче города, то это означает передачу и всей городской округи. Город без окружающих его земель в этот период не мыслится» (Юшков 1949: 262). Эти наблюдения развил И.Я. Фроянов, по словам которого «главный город не мыслится без “области”, “волости”, т.е. без пригородов и сел. “Город и волость” – стандартное терминологическое сращение древнерусских источников... Город и волость находились в единстве друг с другом, составляя одно территориальное целое» (Фроянов 2001: 706);

4) Наличие в рамках города-государства общины, сохраняющей определенное социально-политическое единство несмотря на социальную и имущественную стратификацию ее членов. Постепенно, по мере генезиса рабовладельческих или феодальных отношений, эта община разлагается и по мере ее разложения, как и по мере распада единства города и сельскохозяйственной округи, происходит превращение города-государства в «территориальное царство». Древнерусские источники пестрят указаниями на коллективные социально-политические акции жителей городов-государств Руси: «смоляне», «кияне», «владимирцы» и т.д. принимают важные социально-политические решения (например, о призвании или изгнании князя), объявляют войну другой волости и заключают с ней мир, идут на войну и т.д.;

5) Деление «большой» общины города-государства на ряд «меньших» общин: городских (районы и улицы города) и сельских, объединение которых (насильственное или добровольное) и приводит к становлению города-государства. Существование в древнерусских городах таких «малых» – кончанских – общин и их важная роль в социально-политической жизни ряда городов нам хорошо известны по источникам (Арциховский 1945: 3-13; Фадеев 1976: 17-31; Петров 2003: 31-62);

6) Важная роль народного ополчения в военной организации города-государства. Огромное значение народного ополчения (которое обычно обозначалось термином «вои» (хотя последний мог относиться и ко всем военным силам волости в целом, т.е. охватывать и княжескую дружину), или по имени своего города-государства: просто «кияне», «смоляне», «новгородцы» и т.д., а иногда согласно летописи на войну может идти «вся новгородская область»: ПСРЛ III: 23, 27, 40, 64, 72, 208, 214, 230-231, 268, 283), без которого – силами одной дружины – победа в серьезном конфликте была невозможна, в городах-государствах Руси хорошо прослеживается по источникам (см. например: ПСРЛ I: 321,

322, 330, 495; ПСРЛ II: 325-326, 383, 577, 759; ПСРЛ III: 33, 34, 35, 220-221, 223, 224) и не раз становилось предметом изучения историков (см. например: Греков 1953: 320-338; Фроянов 2001: 658-686)¹. При этом характерно, что участниками ополчения были как горожане, так и сельские жители (в случае серьезной войны князь мобилизует войско со всей волости, в т.ч. и из сел, после гибели множества людей в бою плач разносится «по градом по всем и по селом». См. например: ПСРЛ I: 494, 509; ПСРЛ II: 800; ПСРЛ III: 63, 267). О подготовке похода русских князей против монголов в 1223-м году летопись говорит: «и начата вои совокуплята, коиждо свою область» (ПСРЛ III: 62, 265).

Именно со стадии города-государства началась история «первичных» цивилизаций Древнего Востока и античного мира, ставших цивилизационной подосновой всего последующего развития человечества, а также «первичных» обществ Мезоамерики и Африки (см. например: де Куланж 1906; Кареев 1910; Дьяконов 1959; Дьяконов, Якобсон 1982: 3-16; Кочакова 1968; Гуляев 1979; Маяк 1983; Андреев 2003; Фролов 2004). По словам И.М. Дьяконова и В.А. Якобсона, «если на поздней ступени развития первобытного строя иногда создаются обширные племенные объединения (союзы племен, конфедерации), то первые государства всегда и везде образуются в небольшом объеме, а именно в объеме одной территориальной общины или чаще – нескольких тесно связанных между собой общин» (Дьяконов, Якобсон 1982: 3). И правы те ученые, которые аналогичным образом рассматривают древнерусский политогенез: на раннем этапе своей истории в IX-X вв. Русь представляла собой «союз племенных союзов»² под главенством полян, испытывавший тенденцию к расширению и подчинению все новых славянских этнополитических союзов (Фроянов 2001: 498-506; 2001б: 727-735), бывший вершиной истории восточных славян на этапе первобытного строя. В конце X – начале XI века в древнерусском обществе происходит постепенный переход к цивилизации (Дворниченко 2006: 190 и сл.) и по мере генезиса территориальной общины и перестройки

общества на территориальных началах³, в восточнославянском мире рождаются политии нового типа – города-государства и «суперсоюз» во главе с Киевом неудержимо распадается. Эти общественные сдвиги нашли свое отражение в смене этнополитонимии Восточной Европы: если в IX-X вв. игроками на политической сцене здесь были этнополитические союзы восточных славян («кривичи», «поляне», «древляне» и т.д.), то теперь им на смену приходят территориально-политические общности: «смоляне», «кияне», «новгородцы» и т.д. При этом если первоначально на Руси полноценных городов (определение выше в пункте 2) и соответственно городов-государств было немного и они имели большую территорию, то по мере роста новых городов и структурирования ими собственных городов-государств политическая карта Руси становится все более и более дробной: как было отмечено, на этой ступени развития два и более города не могут ужиться в рамках одного политического организма и «оперившись» новый город тут же начинал борьбу за свою и своей волости независимость от «метрополии», что мы хорошо видим по древнерусским материалам. Возьмем, к примеру, Галицкую и Волынскую земли. Здесь со временем борьбу за независимость, формальным выражением которой было наличие в городе собственного княжеского «стола», начинают вести Луцк (ПСРЛ II: 491 – в Луцке фиксируется собственный князь, 571 – фиксируется наличие сложившейся волости вокруг Луцка), 389-390 – фиксируется наличие у Луцка собственного войска, 559 – фиксируется формальная независимость Луцка с волостью от Владимира), Берестье (ПСРЛ II: 720-721 – берестейцы хотят сами распорядиться «столом» в своем городе, 928 – берестейцы приглашают собственного князя и поднимают восстание), Червен и Белз (ПСРЛ II: 759), Звенигород (Татищев 1963: 137-138 – фиксируется появление в Звенигороде собственного князя и борьба Звенигорода со «старшим городом» Теребовлем)⁴, Черторыйск (ПСРЛ II: 750) и т.д. И многим городам удается ее добиться.

По словам Л.В. Даниловой, которой принадлежит лучшее исследование истории русской средневековой общины, древнерусская государственность на первом своем этапе, в XI-XIII вв. была представлена в форме «территориальных общин-государств» и являла собой одну из разновидностей «всеобщей формы государственности на ранних стадиях вторичной мега-формации». При этом «растущая имущественная и сословно-классовая дифференциация общинников не разорвала еще общинной оболочки. Представители разных сословий

1 С заявкой на новую трактовку данного вопроса выступил П.В. Лукин, обрушивший суровую критику на своих предшественников (Лукин 2004: 5-58), но после долгих исканий пришедший фактически к тем же самым выводам – «важную роль в военной организации Древней Руси играли городские полки» (Лукин 2004: 57. Ср.: Долгов 2017: 68). Основное отличие позиции П.В. Лукина от предшественников состоит в том, что, по его мнению, сельские жители в ополчении участия не принимали и оно было «привилегией» горожан. Для такого вывода оснований нет, так как в источниках неоднократно зафиксировано участие в древнерусском ополчении сельских жителей.

2 Относительно летописных полян, северян, древлян и т.д. наиболее обоснованной мы считаем мысль А.П. Новосельцева, согласно которой «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским “племенам”, как франки, саксы, бавары и т.д. которые на деле представляли уже союзы племен, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени» (Новосельцев 2000: 49).

3 Существует альтернативная точка зрения, согласно которой падение родовых отношений и формирование территориальной общины в славянском мире произошло гораздо раньше – в эпоху великого славянского расселения VI-VII вв. (Горский 2004: 9-19; 2011: 129-180) или даже ранее (Кузьмин 2001: 12-13; 2003: 294-295). Однако, в этом случае непонятно, почему, если территориальная община у славян господствовала давно, формирование городов-государств началось лишь на рубеже X-XI вв., а не раньше. Предположение И.Я. Фроянова об утверждении господства территориальных связей лишь в этот период объясняет данный момент.

4 Историки обычно оценивают это «татищевское известие» как достоверное (Рапов 1977: 73-74; Котляр 1985: 78; Фроянов, Дворниченко 1988: 130-132).

входили в одни и те же общинные организации (уличанские, кончанские, городские). Сельская община в той мере, в какой она отпочковывалась от городской, была более однородной и прочной. Сказанное не отрицает того факта, что часть общинников, и, видимо, немалая, выпадала из общности (изгои, закупы, рядовичи и др.). Несмотря на совершающийся процесс становления сословно-классового общества, община – и городская, и сельская – во многих отношениях выступала как целостность» (Данилова 1994: 168-169). Таким образом, те социально-политические единицы, из которых состояла Киевская Русь, удовлетворяют всем шести вышеуказанным критериям и потому могут быть с полным основанием названы «городами-государствами» (Фроянов 2001: 687-712; Фроянов, Дворниченко 1988). В древнерусские времена тот социально-политический организм, который мы ныне на языке современной науки называем «город-государство», обозначался термином «волость» (Жих 2009: 9-14).

К такому пониманию природы древнерусского общественного устройства отечественная историография пришла еще в дореволюционное время: взглядов о городской природе древнерусской государственности и о ее общинном характере, с теми или иными вариациями, придерживалось большинство ученых середины XIX – начала XX вв., принадлежавших подчас к самым разным исследовательским школам и направлениям (см. например: Пассек 1870; Самоквасов 1873; Забелин 1876; Градовский 1899; Сергеевич 1899; Никитский 1903; Владимирский-Буданов 1907; Корф 1908; Пресняков 1993).

Впервые в целостном виде эти идеи были сформулированы И.Д. Беляевым. По мнению историка, «любой край в русской земле непременно имел в себе главный город, от которого большею частью получал и свое название, и в каждом краю от главного города зависели тамошние пригороды, т.е. или колонии главного города, или города, построенные на земле, тянувшей к старому городу» (Беляев 1865: 6). Здесь особенно интересны две мысли – о неразрывной связи в древнерусский период таких понятий, как «город» и «государство», а так же мысль о вторичных по отношению к главным (и древнейшим) городам городских центрах – пригородах этих главных городов, возникавших преимущественно в ходе колонизации из главного древнейшего (и потому первичного) центра. И.Д. Беляев обозначал и общинную природу древнейших русских городов (как и всего древнерусского общества в целом): «Городами тогда назывались те главные крупные общины, к которым тянули мелкие общины» (Беляев 1865: 6). Пригороды (вторичные городские центры) управляются из главного города (первичного городского центра): «целый край, тянувший к своему городу, и при власти княжеской управлялся вечем старого города, от которого вече зависели и пригороды» (Беляев 1865: 6). Таким образом, И.Д. Беляев подчеркивал вечевой характер древнейших русских городских и одновременно государственных образований.

Наиболее четко идею о существовании в Киевской Руси городов-государств выразил Н.И. Костомаров,

по мнению которого «где город – там земля; где земля – там город... Земля была община, имевшая средоточие в городе» (Костомаров 1870: 19). Такой подход совершенно логично привел историка к поиску типологических аналогий древнерусским политиям в античном мире (города-государства Древнего Востока и Мезоамерики в этот период исторической науке были еще плохо известны): подчеркнув, что «никакие исторические данные не дают нам право заключить, чтобы Новгород по главным чертам своего общественного состава в давние времена отличался от остальной Руси, как позже в XIV и XV вв.» (Костомаров 1870: 25), ученый сблизил устройство Волховской столицы с греческими республиками (Костомаров 1870: 24).

Н.И. Костомаров был в дореволюционной историографии отнюдь не одинок в таком сопоставлении древнерусских и античных городов-государств. Так, по мнению М.Д. Затыркевича, восточнославянское общественное устройство доваряжского времени «совершенно соответствовало тому государственному строю, с которого началась и на котором закончилась политическая жизнь древних народов», а именно «с устройством городов Древней Греции до завоевания Дорян и Древней Италии до основания Рима сходно было» (Затыркевич 1874: 49). Ученый «удревнил» древнерусские города-государства в доваряжскую эпоху, для чего нет оснований, так как до рубежа X-XI вв. структура восточнославянского общества имела еще этноплеменной, а не территориально-общинный характер.

А.И. Никитский, констатировав неразделимость понятий «город» и «государство» для домонгольской Руси (Никитский 1903: 58, 60), отметил, что «эта неспособность отрешиться от смешения разных по существу понятий города и государства не составляет нисколько исключительной принадлежности древнерусской жизни, а замечается одинаково и в классическом мире, и в истории Рима, и в особенности Греции, Афин, которые политическим устройством своим представляют любопытные черты сходства с Древнею Русью и потому при сличении могут подать повод к поучительным соображениям» (Никитский 1903: 162). При этом историк впервые сопоставил социально-политические институты Руси и античного мира системно, сравнив:

- «малые общины» Руси и античной Греции: концы древнерусских городов «были не что иное, как именно трибы, или филы, как последние были сформированы Клизфеном, то есть местные политические союзы; не что иное, как самые значительные второстепенные политические организмы или общины» (Никитский 1903: 162);

- выборных должностных лиц древнерусских городов-государств и античных полисов: посадники были «русскими консулярами, преториями и эдилциями» (Никитский 1903: 145), посадники и тысяцкие имели «такие же права, как курульские должности: консульство, преторство и эдильство, или позднее квесторство в Риме, как архонат в Греции». Назначаемые концами на вече псковские воеводы напомнили А.И. Никитскому «греческих стратиггов, которые в Афинах, точно

также, как и в Пскове, назначались местными союзами или трибами» (Никитский 1903: 160).

Т.К. Ефименко предпринял попытку сопоставления административной организации в Киевской Руси и в античном мире, показав их сходные элементы, связанные с единством города и его сельской округи (Ефименко 1910: 316). А.Е. Пресняков сблизил соединение ряда малых общин древнерусского города (концы, улицы) с античным синойкизмом (Пресняков 1993: 400). Продолжил типологическое сопоставление городов-государств Руси и античных обществ Н.А. Рожков, который отмечал, что «древнерусские вольные города находят себе параллель в явлениях жизни эллинских городских общин VII и VI вв. до н.э.» (Рожков 1905: 161).

Сформулированную Н.И. Костомаровым, А.И. Никитским и другими историками Древней Руси идею типологического сходства городов-государств Руси и античного мира поддержал Н.И. Кареев (Кареев 1910: 324-325), который одним из первых констатировал универсальность модели города-государства для ранних обществ (Кареев 1910: 320), что впоследствии было полностью наукой подтверждено.

В советской исторической науке, как уже было сказано, возобладала идея европоцентризма, начался поиск в Киевской Руси феодальных отношений и ее «подтягивание» к синхронным западноевропейским государствам. Соответственно, идеи существования в Древней Руси городов-государств, равно как и поиски их типологических аналогий в ранних обществах Древнего Мира были советской наукой на долгие годы оставлены.

Произошло это, однако, не сразу. В своих ранних послереволюционных работах А.Н. Насонов (Насонов 1924: 3-27) и С.В. Юшков (Юшков 1925) еще вполне разделяли идею городских волостей Древней Руси, от которой отошли впоследствии по мере утверждения в советской науке «феодальной» концепции. Позднее П.И. Лященко предпринял попытку в известной мере соединить идеи о городской волости с тезисом о феодализме в Киевской Руси, но его построения имели уже характер некоторого историографического анахронизма в советской науке (Лященко 1952).

В своих более поздних работах С.В. Юшков уже решительно отверг концепцию дореволюционных историков о «городской волости, возникшей ещё в доисторические времена и управлявшейся торгово-промышленной демократией». По мнению учёного «основной территориальной единицей, входившей в состав Киевской державы, первоначально было племенное княжество, а затем, когда родоплеменные отношения подверглись разложению, – крупная феодальная сеньория, возникшая на развалинах этих племенных княжеств. В каждой из этих феодальных сеньорий имелся свой центр – город, но этот город, хотя и превращался в торгово-промышленный центр, был всё же в первую очередь центром феодального властвования, где основной политической силой были феодалы разных видов, а не торгово-промышленная демократия» (Юшков 1939: 136).

Возвращение проблематики сопоставления древнерусских городов с другими первичными политиями

в историографию началось постепенно в позднесоветское время. Так А.В. Куза отметил, что «городовые волости были основными структурными единицами государственной территории Руси» (Куза 1983: 8), приближаясь тем самым к мысли о городах-государствах в Древней Руси. Ученый также, хотя и был сторонником концепции феодализма в Киевской Руси и древнерусского города, как центра феодального общества, тем не менее, допускал гипотетическое сравнение древнерусских городов с городами-государствами древности (Куза 1983: 14).

Ю.В. Павленко, говоря о городах-государствах как об универсальной форме политогенеза раннегосударственных обществ, включал и Киевскую Русь в ареал их распространения (Павленко 1984: 169-218).

Впервые четко мысль о том, что ранняя форма древнерусской социально-политической жизни – это общие для всех раннегосударственных социумов города-государства, вновь прозвучала в работе Л.В. Даниловой и В.П. Данилова. Историки отметили, что «характерные для классической древности города-государства (государства-общины) были гораздо более широко распространены, нежели это принято думать. Они существовали, в частности, у славян в средние века. Типичные примеры таких государств – Великий Новгород с его делением на пятины, концы, сотни, уличанские и сельские общины, Полица и другие средневековые южнославянские республики. Полисное устройство – притом в более раннее время – известно и на Востоке, в частности в Шумере, Ассирии, Финикии, Индии» (Данилова 1978: 36). Впоследствии эти идеи были развиты Л.В. Даниловой в книге о средневековой русской сельской общине (Данилова 1994). Поддержал идею о существовании городов-государств в Древней Руси Ю.Г. Алексеев (Алексеев 1979: 242-274; 1980: 25). Своего наибольшего развития в современной отечественной историографии она достигла в работах И.Я. Фроянова и ученых его школы, которые вернулись к типологическому сопоставлению древнерусских городов-государств с городами-государствами античного мира (Фроянов 2001; 1992; 1995; 1996; 1999; Фроянов, Дворниченко 1988; Дворниченко 1993; 2013; Пузанов 1995; 2017; Майоров 2001; Петров 2003; Кривошеев 2003; Михайлова 2010; Кривошеев 2015; Долгов 2017). По мнению И.Я. Фроянова, типологически сходны следующие социальные и политические институты Руси и Древней Греции:

- единство города и сельской округи;
- республиканская форма общественно-политического устройства и важная роль народного собрания;
- существование ряда малых общин, из которых складывается большая община города-государства;
- важная роль народного ополчения;
- существование аристократической прослойки, из среды которой обычно выдвигались лидеры городов-государств;
- возможность избрания социальных посредников для разрешения назревших общественных противоречий в рамках общины города-государства (например, Солон и Владимир Мономах);
- подчинение более могущественными городами менее могущественных;

- и на Руси и в античной Греции распад городов-государств и переход к иным формам общественной жизни был ускорен внешним вмешательством (Курбатов, Фролов, Фроянов 1986: 334).

По поводу последнего пункта можно заметить, что И.Я. Фроянов и его ученики не уделили должного внимания внутренним причинам кризиса городов-государств на Руси, что привело их к механическому распространению домонгольских реалий на постмонгольское время (Журавель 2010: 172, 186 и сл.), хотя примеры внутреннего «перерождения» полиса в территориальную монархию имеются – вспомним хотя бы историю Древнего Рима. На наш взгляд, именно этот – «римский» – путь трансформации полиса в территориальную монархию являет собой очень интересную аналогию истории Московской Руси, тем более любопытную, что в обоих случаях имела место активная завоевательная политика со стороны города-государства, которая, во-многом, и обусловила соответствующие социально-политические изменения. Детальное сопоставление трансформации этих двух социумов заслуживает обстоятельного исследования.

Что касается различий между античными и древнерусскими городами-государствами, то основное из них, по мнению И.Я. Фроянова, состояло в том, что на Руси так и не получило широкого развития рабовладение и весь домонгольский период основным производственным коллективом оставалась свободная община (сельская и городская). Позднее в Московской Руси единство между городом и деревней распалось, и сельскую общину постепенно вытеснила феодальная вотчина.

Преодолеть указанное слабое место в работах И.Я. Фроянова и его учеников попытался А.В. Журавель, пошедший дальше в типологическом сопоставлении городов-государств Руси и античного мира и впервые в отечественной историографии четко поставивший вопрос о кризисе городов-государств Руси и их трансформации в политику новых типов (Журавель 2010: 173-280). По мнению ученого, «волостной строй древней Руси XII-XIII вв. стадильно соответствовал раннему, а не классическому античному полису. То есть сопоставлять его надо не с афинским полисом времен Перикла, а с архаической Грецией VII-VI вв. до н.э., для которой характерно огромное разнообразие политических форм – от монархии до демократии» (Журавель 2010: 181-182). Это очень важное замечание и на Руси мы, во-многом, видим ту же картину. Развитие городов-государств нередко шло разными путями, особенно контрастны были исторические судьбы Владимиро-Суздальской и Новгородско-Псковской земель: первая стала постепенно эволюционировать в сторону монархии, вторая уверенно шла по пути развития вечевого народоправства. По мнению А.В. Журавеля:

- социальные конфликты в античном обществе указанного периода и в домонгольском обществе Руси были обусловлены одной и той же причиной: социальным расслоением в общине и развитием долгового рабства. Последнее со временем в Греции было полностью запрещено, а на Руси ограничено Владимиром

Мономахом, что было вызвано необходимостью не допустить уменьшения военной мощи города-государства и сокращения числа общинников-военнослужащих. Для той же цели в Греции было предпринято ограничение максимальных размеров земельных владений с наложением на богатых дополнительных налогов на общеполитические нужды. На Руси полного запрета долгового рабства и ограничения размеров земельных владений не произошло потому, что социальное расслоение еще не зашло так далеко, и данная проблема не стояла столь остро, а земельный фонд в домонгольский период был очень далек от исчерпания. Именно это предопределило то обстоятельство, что основным богатством в древнерусский период была не земля, а власть над волостями и их населением, что предопределило движение Руси по пути феодализации, а не развития рабства;

- в древнерусских волостях так же, как и в архаической Греции существовали различные политические тенденции: монархическая, аристократическая и демократическая, каждая из которых могла с большей или меньшей силой проявиться в той или иной земле;

- в ряде греческих полисов установление демократии ускорили тирании, которые опирались на народ и жестко расправлялись с олигархами. С этим можно сопоставить ряд «антибоярских» акций многих князей предмонгольской поры, которые наиболее ярко проявились в Галицкой и Волынской землях (Журавель 2010: 182-185).

Очень важной нам представляется и мысль А.В. Журавеля, согласно которой «аналогия с социальной структурой Римской республики классической эпохи позволяет лучше понять то, что невозможно «вычитать» из дошедших до нас древнерусских источников» (Журавель 2010: 190). Хотя сам ученый приводит в ее подтверждение лишь одно наблюдение («подобно тому как в Риме патриции, отцы города, были потомками первопоселенцев, основавших город, так, видимо, и бояре были по своему происхождению «старей», чем прочие жители Новгорода»: Журавель 2010: 190), думается, что она имеет важное методологическое значение и при грамотном применении намеченный исследователем подход может многое прояснить в жизни городов-государств разных народов и исторических периодов.

Основное содержание процесса феодализации Руси, по мнению А.В. Журавеля, составлял процесс постепенного превращения власти бояр над определенными местностями (которыми они поначалу управляли как лидеры городской вечевого общины) в собственность над землями и их жителями. Начался этот процесс еще в Киевской Руси, а завершился в XV-XVI вв. (Журавель 2010: 186-194). Думается, что намеченная исследователем схема вполне применима к Новгороду (не случайно А.В. Журавель обосновывает ее именно новгородским материалом), но едва ли верна для Московской Руси, где феодализация развивалась главным образом через пожалование земель с крестьянами служилым людям для их обеспечения.

Таким образом, к настоящему времени наукой накоплен значительный материал о типологическом

сходстве между городами-государствами архаической Греции и Киевской Руси. Учеными сопоставлены их общественные структуры и политические институты, намечены черты сходства и различия.

Поддерживая соответствующие наблюдения И.Я. Фроянова и ученых его школы, А.В. Журавеля⁵, равно как и их дореволюционных предшественников, вместе с тем нельзя не отметить определенную односторонность их подхода. Все они сравнивают города-государства Руси преимущественно с городами-государствами античного мира, хотя последние вовсе не были каким-то эталоном города-государства, а представляли собой лишь один из его возможных вариантов. Другой возможный вариант представляли собой города-государства Древнего Востока (города-государства других регионов мира мы пока рассматривать не будем в силу ограниченного объема данной статьи), в первую очередь Шумера⁶, которые существовали период времени, даже превосходящий «классические» античные полисы, прошли в своем развитии разные стадии, гораздо лучше, чем города-государства других восточных регионов освещены источниками. История и вопросы общественной организации городов-государств Шумера к настоящему времени достаточно разработаны (Струве 1941: 64-90; 1961; Никольский 1948; Тюменев 1956; Вулли 1960; Клима 1967; Белицкий 1980; Дьяконов 1959; ИДВ 1983; Kramer 1956; 1963; Крамер 1965; 2010; Bottero 1987; Postgate 1992; Crawford 2004). В дореволюционную эпоху история шумерских городов-государств была еще слабо известна, невнимание же к ней большинства современных историков Древней Руси, которые являются сторонниками теории существования в Киевской Руси городов-государств, является, на наш взгляд, серьезным упущением. По-другому подошла к этой проблематике Л.В. Данилова, которая, напротив, провела аналогию между Русью и Востоком, охарактеризовав на основе детальной теоретической проработки соответствующих вопросов общественный строй домонгольской поры как близкий к азиатскому способу производства.

Города-государства Шумера и античного мира представляли собой две разные модели города-государства (Тюменев 1957: 50-70; Андреев 2003: 203-226). И последовательное сопоставление городов-государств Руси как с первыми так и со вторыми может прояснить вопрос о месте социально-политического устройства Древней Руси в типологическом ряду «первичных» обществ. При этом важно подчеркнуть, что в Микенское время города-государства Греции типологически были

5 Естественно, данное направление в современной историографии не является единственным. Выходят и многочисленные исследования оппонированных ему историков, развивающих и модернизирующих традиционные для советской исторической науки взгляды (см. например: Толочко 1992; Свердлов 2003; Горский 2004; Горский и др. 2008; Вилкул 2009). Однако их общим местом является слабая теоретическая база. Авторы практически никогда не задумываются о природе древнерусской государственности и о месте древнерусского общественного устройства в типологическом ряду.

6 И.Я. Фроянов, к примеру, сначала констатирует типологическую близость древнерусского города-государства как к античному полису так и к городу-государству Древнего Востока (Фроянов 2001: 693-694), а дальше как будто забывает о последнем и все свое внимание сосредотачивает преимущественно на сопоставлении Руси с античным миром.

гораздо ближе к городам-государствам Древнего Востока, чем в «классическую» эпоху и лишь со временем в силу ряда исторических обстоятельств трансформировались постепенно в хорошо нам известные «классические» полисы⁷. Города-государства Востока пошли по иному пути – по пути превращения в территориальные монархии. Аналогичным, хотя и более сложным, оказался и путь Древнего Рима, который успел стать вполне «классическим» полисом. По этой причине его превращение в территориальную монархию оказалось процессом непростым, наполненным рядом драматических событий и многочисленных гражданских конфликтов. На Руси в домонгольское время «классических» полисов со всеми их атрибутами так и не сложилось и она, как ниже будет показано, занимала в типологическом ряду особое положение и стояла как бы на перепутье в вопросе своего дальнейшего развития (могли быть реализованы оба сценария: и «полисный» и «государственный»), что облегчило одним ее политиям в определенных исторических условиях ускоренное превращение в территориальную монархию (Москва), а другим дало возможность развития по «полисному» пути (Новгород).

Выше были сформулированы общие черты, характерные для всех городов-государств. Рассмотрим же теперь специфические черты шумерских городов-государств с одной стороны и греческих – с другой, а потом сопоставим с ними города-государства Древней Руси и подумаем, какое место они занимали в типологии данных политий. При этом, учитывая то обстоятельство, что как шумерские, так и древнегреческие города-государства существовали достаточно долгое время и прошли в своем развитии ряд этапов, сравнивать надо не столько присущие им явления как таковые, сколько тенденции в развитии соответствующих явлений, характерные для двух этих типов городов-государств.

Для полисов Греции (равно как и для Рима) были характерны следующие специфические явления и тенденции развития:

1) С конца II – начала I тыс. до н.э. обозначилась явная тенденция к упадку значения царской власти, которая со временем либо совсем отмирает (Афины) либо приобретает весьма ограниченный характер (Спарта);

2) Значение народного собрания, напротив, возрастает и со временем оно превращается в высший орган власти полиса;

3) В античных полисах практически отсутствовало мощное государственное и/или храмовое хозяйство и государственная и/или храмовая организация сельскохозяйственного производства и экономики в целом и в противовес ему было сильно развито частное хозяйство. Отсутствовало, соответственно, и развитое централизованное распределение продуктов;

7 Аргументы ученых, настаивающих на существовании определенной преемственности между городами-государствами Микенской эпохи и «классическими» полисами являются, на наш взгляд, более убедительными, чем взгляды ученых, рассматривающих их как некое принципиальное новообразование. Основой жизни микенского общества была община и ее освобождение от пришедшей в упадок царской власти и послужило толчком к становлению «классического» полиса (Фролов 2004: 56-93).

4) Сильная социальная дифференциация свободных общинников и бурное развитие «классического рабства» – эксплуатации привозных рабов при упадке разных полурабских и клиентских форм эксплуатации в рамках общины города-государства;

5) Со временем эксплуатация рабов-иноземцев становится основой социально-экономической организации полисов.

Для городов-государств Шумера были характерны следующие специфические явления и тенденции развития:

1) Последовательное усиление царской власти и подчинение ей общинных структур;

2) Снижение роли народного собрания, которое чем дальше, тем больше играло роль лишь на местном уровне: на уровне отдельных «малых» общин;

3) Огромная роль государственного (царского) и/или храмового хозяйства, которое постепенно становится основой экономической жизни города-государства, которая приобретает черты централизованного производства и распределения продукции. Подобная ситуация была обусловлена необходимостью создания и поддержания ирригационной системы, что было возможно только путем объединения усилий нескольких общин при помощи надобщинных структур;

4) Относительно слабая социальная дифференциация массы рядовых свободных общинников, сохранение разнообразных форм полурабской и клиентской зависимости, гораздо менее сильное, чем в античном мире развитие «классического рабства», сохранение долгового рабства;

5) Эксплуатация государством общинников становится со временем основой их социально-экономической организации.

Итак, мы видим, что по ряду весьма важных моментов развитие «классического» античного полиса и городов-государств Шумера шло разными путями и по ряду важных элементов социального и политического строя они существенно отличались друг от друга. Как же дело обстояло на Руси?

1) На Руси княжеская власть имела и играла очень важную роль в политической жизни городов-государств. Какой-либо тенденции к ее отмиранию или снижению ее статуса не прослеживается. Вспомним о том, что летописцы всегда и с большой тревогой тщательно фиксировали все периоды бескняжья. Все нити оперативного повседневного управления городом-государством сходились в руках князя. Князь был верховным военачальником (войско, которым командовал не князь, могло обратиться в бегство только потому, что «зане не бяше ту князя, а боярина не вси слушают»: ПСРЛ II: 332), судьей и начал постепенно приобретать полномочия законодателя. Многие сильные князья вообще могли подчинять себе вече. Хотя в домонгольский период власть князя не была еще монархической, но она содержала в себе соответствующую тенденцию, которая со временем и была реализована в XIII-XV вв. Причем соответствующая трансформация княжеской власти началась в большинстве регионов Руси, очевидно, еще в домонгольский период. Единственным

исключением были Новгород и Псков, где развивалась противоположная тенденция и роль княжеской власти, напротив, последовательно снижалась.

2) Народное собрание – вече – играло в домонгольский период огромную роль. Оно могло решать практически любые внутри- и внешнеполитические вопросы (изгнание и приглашение князя, назначение и смещение должностных лиц, вопросы войны и мира) и нередко брало верх над князем в тех случаях, когда его позиция расходилась с вечевой. В вопросе роли народного собрания в жизни города-государства Русь явно ближе к античной Греции, хотя в дальнейшем одновременно с ростом значения княжеской власти, произойдет и упадок роли народного собрания, полномочия которого будут ограничены местными вопросами.

Такой причудливый и ярко выраженный дуализм княжеской и вечевой властей в домонгольской Руси является явлением, промежуточным между соотношением аналогичных институтов в Шумере и Греции и плохо поддается определению с точки зрения современных юридических понятий (Пресняков 1993: 428). Он содержал в себе два варианта развития, из которых в силу ряда причин в большинстве регионов Древней Руси был реализован тот, который можно назвать близким к «шумерскому».

В антиковедении идет дискуссия о том, можно ли считать полис государством (Раннее государство 2006: 337-412). Очевидно, что «классическим» государством, т.е. таким, в котором наличествуют административная машина и аппарат принуждения, оторванные от общества и стоящие над ним, полис не был. В рамках полиса сама община приняла форму государства. В городах-государствах Востока, напротив, получили развитие структуры «классического» государства, стоящие над общиной. В вопросе соотношения власти правителя и народного собрания Русь стояла в XI-XIII вв. как бы на перепутье: городские вечевые общины воплощали в себе полисное начало, князья с их административным аппаратом – начало государственное. И в разных регионах в разные периоды их соотношение могло выстраиваться по-разному: в Новгороде взяла верх «полисная» тенденция, в Северо-Восточной Руси – монархическая, в Галиции и Волынской землях между ними шла жесткая борьба, которая вплоть до монгольского нашествия не завершилась победой ни одной из сторон и т.д.

3) Княжеское хозяйство начинает на Руси формироваться с X века, к которому относятся первые сведения о княжеских владениях, которые нет оснований подвергать сомнению (Свердлов 2003: 194-195). В дальнейшем оно растет (вспомним, что и «Русская правда» была посвящена, в значительной мере, именно регулированию отношений между княжеским хозяйством и общиной), хотя на протяжении всей домонгольской эпохи масштабы его остаются относительно скромными (равно как и частновладельческих вотчин), а вот впоследствии, в Московской Руси, оно превратится в один из важнейших секторов экономики.

То же самое можно сказать и о церковном хозяйстве на Руси: начав свое развитие еще в домонгольскую эпоху (Щапов 1989: 87-90), оно получит бурное развитие

в Московский период, но в отличие от Шумера не сольется с государственным хозяйством, чему поспособствовала система татарских льгот, предоставленных Церкви.

4) Социальная дифференциация основной массы свободных общинников на Руси в сравнении с античным миром была относительно слабой, сохранялось долговое рабство, различные формы полурабской и клиентской зависимости в рамках общины города-государства (Фроянов 1999). Рабство иноземцев получило относительно слабое развитие и не стало основой экономики, так как рабы были востребованы главным образом в немногочисленных вотчинах князей и бояр.

Это все сближает древнерусское общество с шумерским, однако в силу ряда причин все указанные явления (в первую очередь – долговое рабство) имели в нем куда меньшее распространение.

5) Основой экономики Руси была не эксплуатация рабов-иноплеменников (Греция) или общинников (Шумер), а свободная земледельческая община, независимая по отношению к государственному хозяйству. Этому способствовало наличие огромного массива свободных земель при низкой плотности населения и отсутствие необходимости создания какой-то единой хозяйственной системы (например, ирригационной). В дальнейшем именно наступление государственного и частновладельческого хозяйства на общину и ее подчинение ими составило основное содержание процесса феодализации в Московской Руси (Алексеев 1966). Здесь мы тоже видим аналогию в Шумере, где сельская община также постепенно попала под власть государственных структур и крупных землевладельцев.

Таким образом, мы видим, что древнерусское общество домонгольской эпохи имело черты, сближающие его как с шумерским (сильная княжеская власть, развитие форм полурабской и клиентской зависимости, сохранение долгового рабства, появление и развитие княжеского и церковного хозяйства, сохранение хозяйственной роли крестьянской общины и т.д.), так и с античным (наличие сильного народного собрания, сохранение автономного статуса малых общин и т.д.). В то же время по ряду признаков оно отличалось от них обоим: основой ее экономики была не эксплуатация хозяевами рабов или общинников государством, а труд свободных общинников. Все это позволяет говорить о том, что древнерусская волость занимает особое положение в типологическом ряду городов-государств и не может быть четко отнесена ни к типу полисов, ни к типу древневосточных городов-государств, являя собой особый вариант этой формы общественного устройства. При этом надо подчеркнуть, что круг аналогий, разумеется, в дальнейшем должен быть расширен и города-государства разных регионов мира (на Востоке надо брать не только Шумер, а кроме Востока и Африку, и Мезоамерику) должны быть системно сопоставлены. Но это – задача для монографического исследования. В данной статье мы только обозначили направление поиска.

Очень интересно и сопоставление деятельности трех «социальных посредников»: Урукагины, Солона и Владимира Мономаха, каждый из которых был при-

зван общиной города-государства для того, чтобы разрешить назревшие в ее рамках противоречия. В каждом случае действия «социального посредника» определялись местной спецификой, но налицо и общие черты, связанные с необходимостью обуздания дифференциации внутри городской общины с целью сохранения ее единства перед лицом внешних угроз и возможного социального взрыва. При этом видно, что в Лагаше уже вполне оформилось стоящее над миром общин «классическое» государство и именно урегулирование его отношений с общиной и ослабление ее эксплуатации со стороны государства составляло основное содержание реформ Урукагины. В Афинах «классического» государства не было, и основной проблемой была дифференциация общины с распространением долгового рабства и обезземеливанием рядовых общинников с концентрацией земельных владений в руках знати. Соответственно была проведена ликвидация долгового рабства и ограничение предельного размера земельных владений. На Руси в силу ее огромной территории и низкой плотности населения не было проблемы обезземеливания общинников, и была не столь острой проблема долгового рабства, поэтому оно было лишь ограничено, хотя в дальнейшем, в 1146-м году, со стороны рядовых общинников звучали призывы к его полному запрету, что так и не было осуществлено.

Именно в силу размеров территории и низкого плодородия почв, предопределивших слабую плотность населения, Русь не имела тех задач и проблем, которые стояли перед античной Грецией (необходимость распределения ограниченного земельного фонда между всеми общинниками) или Шумером (необходимость создания и поддержания единой ирригационной системы). Соответственно, в ней не получили развития ни надобщинные государственные структуры, ни, напротив, целенаправленные усилия по укреплению общинного единства. Домонгольская Русь стояла на перепутье. В силу ряда конкретно-исторических факторов (монгольское иго и необходимость консолидации для борьбы с ним. В известном смысле этот фактор сыграл ту же роль, что и необходимость создания ирригационной системы в Шумере – он породил необходимость объединения множества общин в единое целое через систему государственного управления) происходит ослабление «полисных» черт в характере общественного устройства Руси и усиление «государственных»: Северо-Восточная Русь уверенно вступила на путь превращения в территориальную монархию, каковой и стала в XV-XVI вв. Иначе пошло развитие Новгорода, который не находился на переднем крае борьбы с монгольской угрозой и которому, соответственно, не было необходимости в концентрации ресурсов, осуществить которую могли только надобщинные государственные структуры. В Новгороде взяла верх «полисная» тенденция и его развитие пошло не по пути превращения в территориальную монархию, а по пути развития и совершенствования вечевых институтов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1966 - Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI в. Переяславский уезд. М.; Л.: Наука, 1966. 268 с.
- Алексеев 1979 - Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 242-274.
- Алексеев 1980 - Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л.: Наука, 1980. 244 с.
- Андреев 2003 - Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб.: Гуманитарная Академия, 2003. 452 с.
- Арциховский 1945 - Арциховский А.В. Городские концы в Древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 16. С. 3-13.
- Белицкий 1980 - Белицкий М. Забытый мир шумеров. М.: Наука, 1980. 397 с.
- Беляев 1865 - Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1865. 397 с.
- Брайчевский 1969 - Брайчевский М.Ю. Производственные отношения у восточных славян в период перехода от первобытного строя к феодализму // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 39-52.
- Вилкул 2009 - Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с.
- Владимирский-Буданов 1907 - Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Издание пятое. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1907. 716 с.
- Вулли 1960 - Вулли Р. Ур халдеев / Перевод с английского. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 256 с.
- Горский 2004 - Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
- Горский 2011 - Горский А.А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетей, 2011. С. 129-180.
- Горский и др. 2008 - Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. 480 с.
- Градовский 1899 - Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 425 с.
- Греков 1953 - Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
- Гуляев 1968 - Гуляев В.И. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М.: Наука, 1968. 184 с.
- Гуляев 1979 - Гуляев В.И. Города-государства майя. М.: Наука, 1979. 304 с.
- Гуляев 2008 - Гуляев В.И. Древние цивилизации Америки. М.: Вече, 2008. 448 с.
- Данилова 1978 - Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии и истории. М.: Наука, 1978. С. 9-60.
- Данилова 1994 - Данилова Л.В. Сельская община средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.
- Дворниченко 1993 - Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб.: Издательство СПбГУ, 1993. 240 с.
- Дворниченко 2006 - Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI-X вв. // *Rossica antiqua*. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 184-195.
- Дворниченко 2013 - Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI-XV вв. М.: Весь мир, 2013. 232 с.
- де Куланж 1906 - Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1906. 459 с.
- Долгов 2017 - Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI-XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.
- Дьяконов 1959 - Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 304 с.
- Дьяконов, Якобсон 1982 - Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3-16.
- Ефименко 1910 - Ефименко Т.К. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода // Журнал министерства народного просвещения. 1910. Июнь. С. 298-327.
- Жих 2009 - Жих М.И. О понятиях волость и земля в Древней Руси (предварительные замечания) // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка. XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 15-17 апреля 2009 г. / Редакционная коллегия: М.Ю. Шляхов (ответственный редактор) и др. Часть 2. Нижний Новгород, 2009. С. 9-14.
- Журавель 2010 - Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». Книга 1. Куликовская битва и ее след в истории. М.: Русская панорама, 2010. 320 с.
- Забелин 1876 - Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М.: Типография Грачева и К., 1876. 654 с.
- Затыркевич 1874 - Затыркевич М.Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование русского государства в домонгольский период. М.: Университетская типография, 1874. 468 с.
- ИДВ 1983 - История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / Под редакцией И.И. Дьяконова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 534 с.

- Кареев 1910 - Кареев Н.И. Государство-город античного мира. Издание третье. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 362 с.
- Клима 1967 - Клима И. Общество и культура древнего Двуречья / Перевод с чешского. Прага: Academia; Артия, 1967. 274 с.
- Корф 1908 - Корф С.А. История русской государственности. Т. 1. Основные черты Древнерусского государства. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1908. 292 с.
- Костомаров 1870 - Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. Т. VI. С. 5-54.
- Котляр 1985 - Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев: Наукова думка, 1985. 184 с.
- Кочакова 1968 - Кочакова Н.Б. Города-государства йорубов. М.: Наука, 1968. 198 с.
- Крамер 1965 - Крамер С.Н. История начинается в Шумере / Под редакцией и с предисловием академика В.В. Струве. М.: Главная редакция восточной литературы, 1965. 256 с.
- Крамер 2010 - Крамер С.Н. Шумеры. Первая цивилизация на земле / Перевод с английского А.В. Милосердовой. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.
- Кривошеев 1996 - Кривошеев Ю.В. К историософии средневековой Руси в XX веке // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. С. 90-107.
- Кривошеев 2015 - Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. Третье издание, исправленное и дополненное. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.
- Кривошеев 2003 - Кривошеев М.В. Муромо-Рязанская земля: Очерки социально-политической истории XI – начала XIII вв. по материалам повестей. Гатчина: Дон Боско, 2003. 233 с.
- Куза 1983 - Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X-XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 6. М.: Наука, 1983. С. 4-36.
- Кузьмин 2001 - Кузьмин А.Г. Ученые мнения и легенды о славянской прародине // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой в хрестоматийном изложении / Составитель А.Г. Кузьмин. Четвертое издание, исправленное. М.: Флинта; Наука, 2001. С. 3-15.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.
- Курбатов, Фролов, Фроянов 1986 - Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Заключение // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. С. 331-335.
- Лукин 2004 - Лукин П.В. Древнерусские «вои». IX – начало XII в. // Средневековая Русь. Вып. 5. М.: Индрик, 2004. С. 5-58.
- Лященко 1952 - Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. Издание третье. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 656 с.
- Майоров 2001 - Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.
- Маяк 1983 - Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М.: Издательство МГУ, 1983. 272 с.
- Михайлова 2010 - Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. 288 с.
- Насонов 1924 - Насонов А.Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Т. 1. Петроград, 1924. С. 3-27.
- Никитский 1903 - Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Типография К. Замысловского, 1903. 402 с.
- Никольский 1948 - Никольский Н.М. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Минск: Издательство АН БССР, 1948. 162 с.
- Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времен до конца XVII в. / Ответственные редакторы А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М.: АСТ, 2000. С. 39-84.
- Павленко 1984 - Павленко Ю.В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наукова думка, 1984. С. 169-218.
- Пассек 1870 - Пассек В.В. Княжеская и докняжеская Русь // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1870. 158 с.
- Петров 2003 - Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. 352 с.
- Пресняков 1993 - Пресняков А.Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 632 с.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.
- ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.
- Пузанов 1995 - Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X-XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск: Издательство УдГУ, 1995. 191 с.
- Пузанов 2017 - Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 752 с.
- Раннее государство 2006 - Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / Под редакцией Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. 560 с.

- Рапов 1977 - Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII века. М.: Издательство МГУ, 1977. 264 с.
- Рожков 1905 - Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 2. Удельная Русь. Вып. 2. М.: Издание И.К. Шамова, 1905. 224 с.
- Самоковасов 1873 - Самоковасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873. 204 с.
- Свердлов 2003 - Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
- Сергеевич 1867 - Сергеевич В.И. Вече и князь. М.: Типография А.М. Мамонтова, 1867. 424 с.
- Струве 1941 - Струве В.В. История Древнего Востока. М.: Госполитиздат, 1941. 516 с.
- Струве 1961 - Струве В.В. Государство Лагаш: Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV-XXIV вв. до н.э. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 104 с.
- Татищев 1963 - Татищев В.Н. История Российская. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963.
- Толочко 1992 - Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
- Тюменев 1956 - Тюменев А.И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. 565 с.
- Тюменев 1957 - Тюменев А.И. Передний Восток и античность // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 50-70.
- Фадеев 1976 - Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город. Историко-методологический сборник. М.: Наука, 1976. С. 17-31.
- Фролов 2004 - Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 266 с.
- Фроянов 1992 - Фроянов И.Я. Мятельный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 280 с.
- Фроянов 1995 - Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 704 с.
- Фроянов 1996 - Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. 512 с.
- Фроянов 1999 - Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 372 с.
- Фроянов 2001 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. С. 483-714.
- Фроянов 2001a - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. С. 19-330.
- Фроянов 2001b - Фроянов И.Я. К истории зарождения Русского государства // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. С. 717-751.
- Фроянов, Дворниченко 1988 - Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 269 с.
- Щапов 1989 - Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М.: Наука, 1989. 228 с.
- Юшков 1925 - Юшков С.В. Феодальные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратовского университета. Т. 3. Вып. 4. Саратов, 1925.
- Юшков 1939 - Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. 254 с.
- Юшков 1949 - Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 544 с.
- Bottero 1987 - Bottero J. Mesopotamie: L'écriture, la raison et les dieux. Paris: Gallimard, 1987. 373 s.
- Crawford 2004 - Crawford H. Sumer and the Sumerians. New York: Cambridge University Press, 2004. 266 s.
- Kramer 1956 - Kramer S.N. History Begins at Sumer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1956. 404 s.
- Kramer 1963 - Kramer S.N. The Sumerians: Their History, Culture, and Character. University of Chicago Press, 1963. 385 s.
- Modzelewski 2004 - Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa: Iskry, 2004. 520 s.
- Postgate 1992 - Postgate J.N. Early Mesopotamia; Society and Economy at the Dawn of History. London; New York: Routledge, 1992. 367 s.
- Renfrew 1972 - Renfrew C. The Emergence of Civilization: The Cyclades and Aegean in the Third Millennium B.C. London: Methuen, 1972. 664 s.

REFERENCES

- Alekseev 1966 - Alekseev YU.G. Agrarnaya i social'naya istoriya Severo-Vostochnoj Rusi XV-XVI v. Pereyaslavskij uезд [Agrarian and social history of North-Eastern Russia XV-XVI centuries. Pereyaslavsky district], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 268 p. [in Russian].
- Alekseev 1979 - Alekseev YU.G. «CHernye lyudi» Novgoroda i Pskova (k voprosu o social'noj evolyucii drevnerusskoj gorodskoj obshchiny) ["Black people" of Novgorod and Pskov (on the question of the social evolution of the Old Russian urban community)], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], 1979, Vol. 103, pp. 242-274 [in Russian].
- Alekseev 1980 - Alekseev YU.G. Pskovskaya Sudnaya gramota i ee vremya: Razvitie feodal'nyh otnoshenij na Rusi XIV-XV vv. [Pskov Court Charter and its time: The Development of Feudal relations in Russia of the XIV-XV centuries], Leningrad, Nauka Publ., 1980, 244 p. [in Russian].
- Andreev 2003 - Andreev YU.V. Rannegrecheskij polis (gomerovskij period). Izbrannye stat'i [Early Greek polis (Homeric period). Selected articles], Saint-Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2003, 452 p. [in Russian].

- Arcihovskij 1945** - Arcihovskij A.V. Gorodskie koncy v Drevnej Rusi [City ends in Ancient Russia], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], 1945, Vol. 16, pp. 3-13 [in Russian].
- Belickij 1980** - Belickij M. Zabytyj mir shumerov [The Forgotten World of the Sumerians], Moscow, Nauka Publ., 1980, 397 p. [in Russian].
- Belyaev 1865** - Belyaev I.D. Rasskazy iz russkoj istorii [Stories from Russian History], Vol. 1, Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1865, 397 p. [in Russian].
- Bottero 1987** - Bottero J. Mesopotamie: L'écriture, la raison et les dieux [Mesopotamia: Scripture, reason and the gods], Paris, Gallimard Publ., 1987, 373 p. [in French].
- Brajchevskij 1969** - Brajchevskij M.YU. Proizvodstvennye otnosheniya u vostochnyh slavyan v period perekhoda ot pervobytnogo stroja k feodalizmu [Production relations among the Eastern Slavs during the transition from the primitive system to feudalism], in: Problemy voznikoveniya feodalizma u narodov SSSR [Problems of the emergence of feudalism among the peoples of the USSR], Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 39-52 [in Russian].
- Crawford 2004** - Crawford H. Sumer and the Sumerians, New York, Cambridge University Press Publ., 2004, 266 p. [in English].
- Danilova 1978** - Danilova L.V., Danilov V.P. Problemy teorii i istorii obshchiny [Problems of theory and history of the community], in: Obshchina v Afrike: problemy tipologii i istorii [Community in Africa: problems of typology and history], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 9-60 [in Russian].
- Danilova 1994** - Danilova L.V. Sel'skaya obshchina srednevekovoj Rusi [Rural community of medieval Russia], Moscow, Nauka Publ., 1994, 318 p. [in Russian].
- de Kulanzh 1906** - Fyustel' de Kulanzh. Grazhdanskaya obshchina drevnego mira [The civil community of the ancient world], Saint-Petersburg, Tipografiya B.M. Vol'fa Publ., 1906, 459 p. [in Russian].
- Dolgov 2017** - Dolgov V.V. Byt i nrvy Drevnej Rusi. Miry povsednevnosti XI-XIII vv. [The way of life and customs of Ancient Russia. The worlds of everyday life of the XI-XIII centuries], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 592 p. [in Russian].
- Dvornichenko 1993** - Dvornichenko A.YU. Russkie zemli Velikogo knyazhestva Litovskogo: Ocherki istorii obshchiny, soslovij, gosudarstvennosti (do nachala XVI v.) [The Russian Lands of the Grand Duchy of Lithuania: Essays on the History of the Community, Estates, Statehood (before the beginning of the XVI century)], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1993, 240 p. [in Russian].
- Dvornichenko 2006** - Dvornichenko A.YU. O vostochnoslavjanskom politogeneze v VI-X vv. [On the East Slavic politogenesis in the VI-X centuries], in: Rossica antiqua, 2006, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 184-195 [in Russian].
- Dvornichenko 2013** - Dvornichenko A.YU. Gorodskaya obshchina Verhnego Podneprov'ya i Podvin'ya v XI-XV vv. [The urban community of the Upper Dnieper and Podvinya in the XI-XV centuries], Moscow, Ves' mir Publ., 2013, 232 p. [in Russian].
- D'yakonov 1959** - D'yakonov I.M. Obshchestvennyj i gosudarstvennyj stroj drevnego Dvurech'ya [The social and state system of the ancient Two Rivers], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literaturny Publ., 1959, 304 p. [in Russian].
- D'yakonov, YAKobson 1982** - D'yakonov I.M., YAKobson V.A. «Nomovye gosudarstva», «territorial'nye carstva», «polisy» i «imperii». Problemy tipologii ["Nomadic states", "territorial kingdoms", "policies" and "empires". Typology problems], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1982, № 2, pp. 3-16 [in Russian].
- Efimenko 1910** - Efimenko T.K. K voprosu o russkoj «sotne» knyazheskogo perioda [On the question of the Russian "hundred" of the Princely period], in: ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], 1910, June, pp. 298-327 [in Russian].
- Fadeev 1976** - Fadeev L.A. Proiskhozhdenie i rol' sistemy gorodskih koncov v razvitiu drevnejshih russkih gorodov [The origin and role of the system of urban ends in the development of the oldest Russian cities], in: Russkij gorod. Istoriko-metodologicheskij sbornik [Russian city. Historical and methodological collection], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 17-31 [in Russian].
- Frolov 2004** - Frolov E.D. Rozhdenie grecheskogo polisa [The Birth of the Greek Policy], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2004, 266 p. [in Russian].
- Froyanov 1992** - Froyanov I.YA. Myatezhnyj Novgorod: Ocherki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoy bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod: Essays on the History of Statehood, social and Political Struggle of the late IX – early XIII century], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1992, 280 p. [in Russian].
- Froyanov 1995** - Froyanov I.YA. Drevnyaya Rus': Opyt issledovaniya istorii social'noj i politicheskoy bor'by [Ancient Russia: The experience of studying the history of social and political struggle], Moscow; Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 1995, 704 p. [in Russian].
- Froyanov 1996** - Froyanov I.YA. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavyan (VI-X vv.) [Slavery and tributary status among the Eastern Slavs (VI-X centuries)], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1996, 512 p. [in Russian].
- Froyanov 1999** - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus'. Glavnye cherty social'no-ekonomicheskogo stroja [Kievan Rus. The main features of the socio-economic system], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1999, 372 p. [in Russian].
- Froyanov 2001** - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus': Ocherki social'no-politicheskoy istorii [Kievan Rus: Essays on socio-political History], in: Froyanov I.YA. Nachala russkoj istorii. Izbrannoe [The beginning of Russian history. Favourites], Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 483-714 [in Russian].
- Froyanov 2001a** - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus': Ocherki otechestvennoj istoriografii [Kievan Rus: Essays of Russian Historiography], in: Froyanov I.YA. Nachala russkoj istorii. Izbrannoe [The beginning of Russian history. Favourites], Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 19-330 [in Russian].
- Froyanov 2001b** - Froyanov I.YA. K istorii zarozhdeniya Russkogo gosudarstva [On the History of the Origin of the Russian State], in: Froyanov I.YA. Nachala russkoj istorii [The beginning of Russian history. Favourites], Izbrannoe, Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 717-751 [in Russian].
- Froyanov, Dvornichenko 1988** - Froyanov I.YA., Dvornichenko A.YU. Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi [City-states of Ancient Russia], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, 269 p. [in Russian].

- Gorskij 2004** - Gorskij A.A. Rus': Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo carstva [Rus: From the Slavic Settlement to the Muscovite Kingdom], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].
- Gorskij 2011** - Gorskij A.A. Slavyanskoe rasselenie i evolyuciya obshchestvennogo stroya slavyan [Slavic settlement and the evolution of the social system of the Slavs], in: Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E. Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i social'nye aspekty [The Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and social aspects], Saint-Petersburg, Aleteja Publ., 2011, pp. 129-180 [in Russian].
- Gorskij i dr. 2008** - Gorskij A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i social'nogo stroya [Ancient Russia: essays on the political and social system], Moscow, Indrik Publ., 2008, 480 p. [in Russian].
- Gradovskij 1899** - Gradovskij A.D. Sobranie sochinenij [Collected works], Vol. I, Saint-Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1899, 425 p. [in Russian].
- Grekov 1953** - Grekov B.D. Kievskaya Rus' [Kievan Rus], Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953, 568 p. [in Russian].
- Gulyaev 1968** - Gulyaev V.I. Amerika i Staryj Svet v dokolumbovu epohu [America and the Old World in the Pre-Columbian era], Moscow, Nauka Publ., 1968, 184 p. [in Russian].
- Gulyaev 1979** - Gulyaev V.I. Goroda-gosudarstva majya [Mayan city-states], Moscow, Nauka Publ., 1979, 304 p. [in Russian].
- Gulyaev 2008** - Gulyaev V.I. Drevnie civilizacii Ameriki [Ancient civilizations of America], Moscow, Veche Publ., 2008, 448 p. [in Russian].
- IDV 1983** - Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevnejshih klassovyh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoj civilizacii. CH. I. Mesopotamiya / Pod redakciej I.I. D'yakonova [The history of the ancient East. The origin of the oldest class societies and the first centers of slave-owning civilization. Part I. Mesopotamia / Edited by I.I. Dyakonov], Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1983, 534 p. [in Russian].
- Kareev 1910** - Kareev N.I. Gosudarstvo-gorod antichnogo mira. Izdanie tret'e [The state is a city of the ancient world. Third Edition], Saint-Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1910, 362 p. [in Russian].
- Klima 1967** - Klima I. Obshchestvo i kul'tura drevnego Dvurech'ya / Perevod s cheshskogo [Society and Culture of the Ancient Two Rivers / Translated from Czech], Praga, Academia Publ.; Artiya Publ., 1967, 274 p. [in Russian].
- Kochakova 1968** - Kochakova N.B. Goroda-gosudarstva jorubov [Yoruba city-states], Moscow, Nauka Publ., 1968, 198 p. [in Russian].
- Korf 1908** - Korf S.A. Istoriya russkoj gosudarstvennosti. T. 1. Osnovnye cherty Drevnerusskogo gosudarstva [The history of Russian statehood. Volume 1. The main features of the Old Russian state], Saint-Petersburg, Tipografiya Trenke i Fyusno Publ., 1908, 292 p. [in Russian].
- Kostomarov 1870** - Kostomarov N.I. Nachalo edinoderzhaviya v Drevnej Rusi [The beginning of the monarchy in Ancient Russia], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1870, Vol. VI, pp. 5-54 [in Russian].
- Kotlyar 1985** - Kotlyar N.F. Formirovanie territorii i vozniknovenie gorodov Galicko-Volynskoj Rusi IX-XIII vv. [The formation of the territory and the emergence of the cities of Galician-Volyn Rus of the IX-XIII centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, 184 p. [in Russian].
- Kramer 1956** - Kramer S.N. History Begins at Sumer, Philadelphia, University of Pennsylvania Press Publ., 1956, 404 p. [in English].
- Kramer 1963** - Kramer S.N. The Sumerians: Their History, Culture, and Character, University of Chicago Press Publ., 1963, 385 p. [in English].
- Kramer 1965** - Kramer S.N. Istoriya nachinaetsya v SHumere / Pod redakciej i s predisloviem akademika V.V. Struve [The story begins in Sumer / Edited and with a foreword by Academician V.V. Struve], Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1965, 256 p. [in Russian].
- Kramer 2010** - Kramer S.N. SHumery. Pervaya civilizaciya na zemle / Perevod s anglijskogo A.V. Miloserdovoj [The Sumerians. The first civilization on earth / Translated from English by A.V. Miloserdova], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2010, 383 p. [in Russian].
- Krivosheev 1996** - Krivosheev YU.V. K istoriosofii srednevekovoj Rusi v XX veke [Towards the Historiosophy of Medieval Russia in the XX century], in: Srednevekovaya i novaya Rossiya. Sbornik nauchnyh statej k 60-letiyu professora I.Ya. Froyanova [Medieval and New Russia. Collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of Professor I.Ya. Froyanov], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1996, pp. 90-107 [in Russian].
- Krivosheev 2015** - Krivosheev YU.V. Rus' i mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII-XIV vv. Tret'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Rus and the Mongols: A Study on the History of Northeastern Russia of the XII-XIV centuries. Third edition, revised and expanded], Saint-Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury Publ., 2015, 452 p. [in Russian].
- Krivosheev 2003** - Krivosheev M.V. Muromo-Ryazanskaya zemlya: Ocherki social'no-politicheskoi istorii XI – nachala XIII vv. po materialam povestej [Murom-Ryazan land: Essays on the socio-political history of the XI – early XIII centuries. based on the materials of the novels], Gatchina, Don Bosko Publ., 2003, 233 p. [in Russian].
- Kurbatov, Frolov, Froyanov 1986** - Kurbatov G.L., Frolov E.D., Froyanov I.Ya. Zaklyuchenie [Conclusion], in: Stanovlenie i razvitie ranneklassovyh obshchestv: Gorod i gosudarstvo [Formation and development of early class societies: City and State], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1986, pp. 331-335 [in Russian].
- Kuza 1983** - Kuza A.V. Social'no-istoricheskaya tipologiya drevnerusskih gorodov X-XIII vv. [Socio-historical typology of ancient Russian cities of the X-XIII centuries], in: Russkij gorod (issledovaniya i materialy) [Russian City (research and materials)], Vol. 6, Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 4-36 [in Russian].
- Kuz'min 2001** - Kuz'min A.G. Uchenye mneniya i legendy o slavyanskoj prarodine [Scientific opinions and legends about the Slavic ancestral homeland], in: Slavyane i Rus': Problemy i idei: Konceptii, rozhdennye trekhvekovoj polemikoj v hrestomatijnom izlozhenii / Sostavitel' A.G. Kuz'min. CHetvertoe izdanie, ispravlennoe [Slavs and Rus: Problems and ideas: Concepts born of a three-century polemic in a textbook presentation / Compiled by A.G. Kuzmin. Fourth edition, revised], Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2001, pp. 3-15 [in Russian].
- Kuz'min 2003** - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi: Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The Beginning of Russia: The Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].

- Lukin 2004 - Lukin P.V. Drevnerusskie «voi». IX – nachalo XII v. [Old Russian "voi". IX – the beginning of the XII century], in: Srednevekovaya Rus' [Medieval Russia], Vol. 5, Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 5-58 [in Russian].
- Lyashchenko 1952 - Lyashchenko P.I. Istoriya narodnogo hozyajstva SSSR. T. I. Dokapitalisticheskie formacii. Izdanie tret'e [History of the National Economy of the USSR. T. I. Pre-capitalist formations. Third Edition], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1952, 656 p. [in Russian].
- Majorov 2001 - Majorov A.V. Galicko-Volynskaya Rus': Ocherki social'no-politicheskikh otnoshenij v domongol'skij period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina [Galician-Volyn Rus: Essays on Socio-political relations in the Pre-Mongol period. Prince, boyars and the city community], Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001, 640 p. [in Russian].
- Mayak 1983 - Mayak I.L. Rim pervykh carej. Genezis rimskogo polisa [Rome of the first kings. Genesis of the Roman polis], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1983, 272 p. [in Russian].
- Mihajlova 2010 - Mihajlova I.B. Malye goroda YUzhnoj Rusi v VIII – nachale XIII veka [Small towns of Southern Russia in the VIII – early XIII century], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2010, 288 p. [in Russian].
- Modzelewski 2004 - Modzelewski K. Barbarzytska Europa [Barbarous Europe], Warszawa, Iskry Publ., 2004, 520 p. [in Polish].
- Nasonov 1924 - Nasonov A.N. Knyaz' i gorod v Rostovo-Suzdal'skoj zemle [The Prince and the city in the Rostov-Suzdal land], in: Veka. Istoricheskij sbornik [Centuries. Historical collection], Vol. 1, Petrograd, 1924, pp. 3-27 [in Russian].
- Nikitskij 1903 - Nikitskij A.I. Ocherk vnutrennej istorii Pskova [An essay on the internal history of Pskov], Saint-Petersburg, Tipografiya K. Zamyslovskogo Publ., 1903, 402 p. [in Russian].
- Nikol'skij 1948 - Nikol'skij N.M. Chastnoe zemlevladienie i zemlepol'zovanie v drevnem Dvurech'e [Private land ownership and land use in the ancient Two Rivers], Minsk, Izdatel'stvo AN BSSR Publ., 1948, 162 p. [in Russian].
- Novosel'cev 2000 - Novosel'cev A.P. Vostochnye slavjane i obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [Eastern Slavs and the formation of the Old Russian state], in: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII v. / Otvetstvennye redaktory A.N. Saharov, A.P. Novosel'cev [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century / Responsible editors A.N. Sakharov, A.P. Novosel'tsev], Moscow, AST Publ., 2000, pp. 39-84 [in Russian].
- Passek 1870 - Passek V.V. Knyazheskaya i doknyazheskaya Rus' [Princely and pre – Princely Russia], in: CHteniya v Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh [Readings in the Society of Russian History and Antiquities], Vol. 3, Moscow, 1870, 158 p. [in Russian].
- Pavlenko 1984 - Pavlenko YU.V. Osnovnye zakonomernosti i puti formirovaniya ranneklassovykh gorodov-gosudarstv [The main patterns and ways of formation of early class city-states], in: Fridrih Engel's i problemy istorii drevnih obshchestv [Friedrich Engels and the problems of the history of ancient societies], Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, pp. 169-218 [in Russian].
- Petrov 2003 - Petrov A.V. Ot yazychestva k Svyatoj Rusi. Novgorodskie usobicy (k izucheniyu drevnerusskogo vechevogo uklada) [From paganism to Holy Russia. Novgorod strife (to study the Old Russian Veche way of life)], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2003, 352 p. [in Russian].
- Postgate 1992 - Postgate J.N. Early Mesopotamia; Society and Economy at the Dawn of History, London; New York, Routledge Publ., 1992, 367 p. [in English].
- Presnyakov 1993 - Presnyakov A.E. Knyazhoe pravo Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus' [Princely law of Ancient Russia. Lectures on Russian history. Kievan Rus], Moscow, Nauka Publ., 1993, 632 p. [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. T. I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL. II - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Vol. II. The Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].
- PSRL. III - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [The complete collection of Russian Chronicles. Vol. III. Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].
- Puzanov 1995 - Puzanov V.V. Knyazheskoe i gosudarstvennoe hozyajstvo na Rusi X-XII vv. v otechestvennoj istoriografii XVIII – nachala XX v. [Princely and state economy in Russia of the X-XII centuries. in the Russian historiography of the XVIII – early XX century], Izhevsk, Izdatel'stvo UdGU Publ., 1995, 191 p. [in Russian].
- Puzanov 2017 - Puzanov V.V. Ot praslavyan k Rusi: stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obrazy politogeneza) [From the Proto-Slavs to Russia: the formation of the Old Russian state (factors and images of politogenesis)], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 752 p. [in Russian].
- Ranee gosudarstvo 2006 - Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: Sbornik statej / Pod redakciej L.E. Grinina, D.M. Bondarenko, N.N. Kradina, A.V. Korotaeva [The Early State, its alternatives and analogues: A collection of articles / Edited by L.E. Grinin, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotaev], Volgograd, Uchitel' Publ., 2006, 560 p. [in Russian].
- Rapov 1977 - Rapov O.M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X – pervoj polovine XIII veka [Princely possessions in Russia in the X – first half of the XIII century], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1977, 264 p. [in Russian].
- Renfrew 1972 - Renfrew C. The Emergence of Civilization: The Cyclades and Aegean in the Third Millenium B.C., London, Methuen Publ., 1972, 664 p. [in English].
- Rozhkov 1905 - Rozhkov N.A. Obzor russkoj istorii s sociologicheskoy tochki zreniya. CH. 2. Udel'naya Rus' [Review of Russian history from a sociological point of view. Part 2. Specific Russia], Vol. 2, Moscow, Izdanie I.K. SHamova Publ., 1905, 224 p. [in Russian].
- Samokvasov 1873 - Samokvasov D.YA. Drevnie goroda Rossii. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie [Ancient cities of Russia. Historical and legal research], Saint-Petersburg, Tipografiya K. Zamyslovskogo Publ., 1873, 204 p. [in Russian].
- Sergeevich 1867 - Sergeevich V.I. Veche i knyaz' [Veche and the Prince], Moscow, Tipografiya A.M. Mamontova Publ., 1867, 424 p. [in Russian].
- SHChapov 1989 - SHChapov YA.N. Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi X-XIII vv. [The state and the Church of Ancient Russia of the X-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1989, 228 p. [in Russian].
- Struve 1941 - Struve V.V. Istoriya Drevnego Vostoka [History of the Ancient East], Moscow, Gospolitizdat Publ., 1941, 516 p. [in Russian].

- Struve 1961** - Struve V.V. Gosudarstvo Lagash: Bor'ba za rasshirenie grazhdanskogo prava v Lagashe XXV-XXIV vv. do n.e. [Lagash State: The Struggle for the Expansion of Civil law in Lagash XXV-XXIV centuries BC], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literaturnoj Publ., 1961, 104 p. [in Russian].
- Sverdlov 2003** - Sverdlov M.B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia VI – the first third of the XIII century], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].
- Tatishchev 1963** - Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya [Russian History], Vol. II, Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963 [in Russian].
- Tolochko 1992** - Tolochko A.P. Knyaz' v Drevnej Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya [The Prince in Ancient Russia: power, property, ideology], Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, 224 p. [in Russian].
- Tyumenev 1956** - Tyumenev A.I. Gosudarstvennoe hozyajstvo Drevnego SHumera [The state economy of Ancient Sumer], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, 565 p. [in Russian].
- Tyumenev 1957** - Tyumenev A.I. Perednij Vostok i antichnost' [The Front East and Antiquity], in: Voprosy istorii [History issues], 1957, № 6, pp. 50-70 [in Russian].
- Vilkul 2009** - Vilkul T.L. Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyah serediny XI-XIII vv. [People and the prince in the Old Russian chronicles of the middle of the XI-XIII centuries], Moscow, Kvadriga Publ., 2009, 408 p. [in Russian].
- Vladimirskij-Budanov 1907** - Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Izdanie pyatoe [Review of the history of Russian law. Fifth Edition], Saint-Petersburg; Kiev, Izdanie knigoprodavca N.YA. Ogloblina Publ., 1907, 716 p. [in Russian].
- Vulli 1960** - Vulli R. Ur haldeev / Perevod s anglijskogo [Ur of the Chaldees / Translated from English], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literaturnoj Publ., 1961, 256 p. [in Russian].
- YUshkov 1925** - YUshkov S.V. Feodal'nye otnosheniya v Kievskoj Rusi [Feudal relations in Kievan Rus], in: Uchenye zapiski Saratovskogo universiteta [Scientific notes of Saratov University], Vol. 3, Part 4, Saratov, 1925 [in Russian].
- YUshkov 1939** - YUshkov S.V. Ocherki po istorii feodalizma v Kievskoj Rusi [Essays on the history of feudalism in Kievan Rus], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1939, 254 p. [in Russian].
- YUshkov 1949** - YUshkov S.V. Obshchestvenno-politicheskij stroj i pravo Kievskogo gosudarstva [The socio-political system and the law of the Kiev state], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literaturnoj Publ., 1949, 544 p. [in Russian].
- Zabelin 1876** - Zabelin I.E. Istoriya russkoj zhizni s drevnejshih vremen [The history of Russian life since ancient times], Vol. 1, Moscow, Tipografiya Gracheva i K. Publ., 1876, 654 p. [in Russian].
- Zatyркевич 1874** - Zatyркевич M.D. O vliyanii bor'by mezhdu narodami i sosloviyami na obrazovanie russkogo gosudarstva v domongol'skij period [On the impact of the struggle between peoples and estates on the formation of the Russian state in the pre-Mongol period], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1874, 468 p. [in Russian].
- ZHih 2009** - ZHih M.I. O ponyatijah volost' i zemlya v Drevnej Rusi (predvaritel'nye zamechaniya) [About the concepts of volost and land in Ancient Russia (preliminary remarks)], in: Vremya, sobytie, istoricheskij opyt v diskurse sovremennogo istorika. XVI chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR S.I. Arhangel'skogo, 15-17 aprelya 2009 g. / Redakcionnaya kollegiya: M.YU. SHlyahov (otvetstvennyj redaktor) i dr. [Time, event, historical experience in the discourse of a modern historian. XVI readings in memory of Corresponding member of the USSR Academy of Sciences S.I. Arkhangelsky, April 15-17, 2009 / Editorial Board: M.Y. Shlyahov (Executive Editor), etc.], Vol. 2, Nizhnij Novgorod, 2009, pp. 9-14 [in Russian].
- ZHuravel' 2010** - ZHuravel' A.V. «Aki molnia v den' dozhda». Kniga 1. Kulikovskaya bitva i ee sled v istorii ["Like lightning on a day of rain". Book 1. The Battle of Kulikovo and its trace in history], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2010, 320 p. [in Russian].

Жих Максим Иванович

– Международный научный журнал «Исторический формат» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– International Scientific Journal «Historical Format» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОСОЦИОЛОГИИ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ САМБИИ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Изучение палеосоциологии населения западной окраины балтского мира является крайне важным и сложным научным процессом. Этот процесс – синтез данных, полученных при анализе археологических и по возможности письменных источников. Долгие годы он был недоступен европейским археологам ввиду отсутствия необходимого банка данных по археологии эстиев и пруссов. Ныне это препятствие в работе по реконструкции социумов Янтарного края благодаря многолетним работам Балтийской экспедиции Института археологии Российской академии наук устранено. В предлагаемом историографическом обзоре показано, как в последние годы был завершён объёмный процесс реконструкции социальных отношений в обществах западной окраины балтского мира за 14 столетий среднего железного века и вплоть до начала фазы Высокого средневековья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Самбия, палеосоциология социальная градация.

STAGES OF STUDYING PALEOSOCIOLOGY OF ANCIENT SOCIETIES OF SAMBIA

Vladimir Kulakov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Street, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT

The study of the paleosociology of the population of the western edge of the Baltic world is an extremely important and complex scientific process. This process is a synthesis of data obtained from the analysis of archaeological and, if available, written sources. For a long period, it was unattainable to European archaeologists due to the lack of necessary data on the archeology of the Aestians and Prussians. Now the obstacle in the reconstruction of sociums of the Amber Territory has been eliminated thanks to many years of work by the Baltic Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. The proposed historiographical review shows how the extensive process of reconstruction of social relations that took place in the societies of the western outskirts of the Baltic world over the fourteen centuries of the Middle Iron Age and up to the beginning of the High Middle Ages has been completed in recent years.

KEYWORDS: Sambia, paleosociology, social gradation.

Изучение палеосоциологии населения западной окраины балтского мира является крайне важным и сложным научным процессом. Этот процесс – синтез данных, полученных при анализе археологических и по возможности письменных источников. Долгие годы он был недоступен европейским археологам ввиду отсутствия необходимого банка данных по археологии эстиев и пруссов. Ныне это препятствие в работе по реконструкции социумов Янтарного края благодаря многолетним работам Балтийской экспедиции Института археологии Российской академии наук устранено. Ар-

хеологические источники во всём своём многообразии готовы к палеосоциологической интерпретации.

В довоенное время представители прусской археологической школы не уделяли должного внимания палеосоциологическим изысканиям. В послевоенное время первым приступил к такой работе известный советский историк народов Балтии Владимир Терентьевич Пашуто. Опираясь исключительно письменные источники орденового времени, этот замечательный исследователь определил для XIV в. исчезновение прусской патриархальной общины и превращение лично свободных общинников в носителей крепостной зависимости

различных форм. Верхушку прусского общества тогда, по мнению В.Т. Пашуто, составляли крупные феодализирующиеся землевладельцы – нобили (Пашуто 1959: 285). Подтверждение своих традиционных владельческих они получали от орденской администрации, что стало причиной перехода нобилей на сторону Тевтонского Ордена. Таким образом, в рамках господствовавшей в послевоенном СССР марксистской идеологии прусское общество раннеорденского времени было разделено на две полярных и явно антагонистических части.

Первым 20 лет тому назад сделал попытку сформировать палеосоциологическую модель обществ эстиев и пруссов автор этих строк. Используя преимущественно публикации предвоенного времени, мало знакомые современным археологам, удалось по различным стандартам набора погребального инвентаря выявить характеристики различных социальных групп на Самбии на протяжении всего I тысячелетия н.э. (Кулаков 2003-2004: 278-382). Парадигмой упомянутых социальных групп были с необходимой долей условности группы германцев римского времени, реконструированные австрийским историком Вольфрамом по письменным источникам (Вольфрам 2003). В 2005 г. мною была продолжена исследовательская линия предвоенных немецких археологов по изучению «княжеских» захоронений III в. н.э., содержавшие останки германских племенных вождей (Кулаков 2005: 49). Более поздние относительно германских «княжеских» захоронений горизонта *Haßleben-Leuna*, могилы эстиев беднее по составу погребального инвентаря и принадлежат знатным балтским и германским воинам, связанных с деятельностью Янтарного пути (Кулаков 2005: 63). Таков был первый этап палеосоциологических исследований древних обществ Янтарного края.

6 лет тому назад с публикации М.М. Казанского и его соавторов начался второй этап палеосоциологических изысканий в земле пруссов. Авторы статьи сосредоточились не на поисках признаков социальных групп в археологическом материале, а прежде всего на гендерных исследованиях (Казанский, Мاستыкова, Скворцов 2017: 28). С привлечением антропологического материала были получены интересные выводы, в том числе – о соответствии погребального набора детей взрослым пруссам. Правда, появление ок. 450 г. прусской археологической культуры авторы не заметили и называли пруссов традиционным для античности этниконом «эстии». Вслед за Р. Кристляйном М.М. Казанский и его соавторы выделили по богатству инвентаря три группы погребений пруссов в соответствии с их социальным статусом (Казанский, Мастыкова, Скворцов 2017: 30). Т.е. фактически авторы в целом повторяют трёхчастную схему прусского общества сер. I тысячелетия н.э., показанную мною в монографической статье 2003-2004 гг. (Кулаков 2003-2004: 365, 366). Правда, М.М. Казанский уже традиционно для своих работ, посвящённых прусской тематике, не обращает внимания на выводы своего предшественника в прусской археологии, вскользь замечая их «несостоятельность» (Казанский, Мастыкова, Скворцов 2017: 30). С другой стороны, искусственность

выделенных М.М. Казанским групп прусских могил была мною отмечена (Кулаков 2019: 9).

Образцом попытки выделения одного из низших социальных слоёв прусского общества V-VI вв. является статья Я.А. Прасолова. Автор, анализируя погребения с ножами-кинжалами, приходит к ошибочному выводу о «народном» характере этого редкого для Европы вида клинкового оружия, относя владельцев ножей-кинжалов к общинникам (Прасолов 2015: 68). Поисками социальных критериев в археологическом материале Самбии римского времени была посвящена статья О.А. Хомяковой о «самбийских» поясах (Хомякова 2016: 33-48). Польские коллеги традиционно относили роскошные детали погребальных наборов к представителям высшей части общества восточных германцев, западных соседей балтов Самбии (Przybyła 2011: 321-358). Вслед за польской исследовательницей и калининградский краевед К.Н. Скворцов роскошные по своему исполнению находки из некоторых погребений на Самбии, открытые в 2012 г., признаны собственностью неких элитарных воинов скандинавского происхождения, появившихся на Янтарном берегу после климатической катастрофы 536 г. (Скворцов 2015: 68-71; 2016: 146-165). На самом деле все роскошные позолоченные находки. Украшенные в I Общегерманском зверином стиле, опубликованные К.Н. Скворцовым, сделаны скандинавскими (?) мастерами в кон. V – нач. VI вв. на Самбии по заказу, что не исключено, неких потомков видивариев, упомянутых Йорданом (Кулаков 2016: 49).

Второй этап палеосоциологических исследований отмечен публикациями, посвящёнными прусскому обществу Самбии эпохи викингов (Кулаков 2014: 54-64). Были разобраны детали археологических комплексов, имевших значение социальных маркеров (Кулаков 2022: 145-155). Сходную задачу в своей новейшей статье решал живущий во Франции ленинградский археолог М.М. Казанский. В распространении предметов вооружения в составе погребального инвентаря пруссов эпохи Великого переселения народов он заподозрил маркер появления дружины (Казанский 2021: 96), что уже несколько десятилетий тому назад было доказано автором этих строк. Таким образом, за последние годы создана единая система реконструированных по данным археологии палеосоциальных феноменов в обществах эстиев и пруссов на протяжении всего среднего железного века.

Третий этап исследований начался в последние годы и посвящён преимущественно анализу прусских погребальных комплексов пред- и раннеорденского времени. Этот анализ основан преимущественно на материалах могильника *Alt-Wehlau/Прудовка*, позволивших ещё в 90-е годы сделать важные выводы относительно социальной и духовной культуры пруссов раннеорденского времени (Kulakov, Valujev 1996: 493-496). Группа калининградских краеведов подробно разобрала номенклатуру ранее полностью не публиковавшегося комплекса оружия из погребений упомянутого могильника (Денисов, Валуев, Скворцов, 2021: 263-267). Используя весь комплекс данных о могильнике *Alt-Wehlau/Прудовка*, автору этих строк удалось установить принадлежность

его различных погребальных комплексов к представителям разных, в том числе – высших слоёв прусского общества, принявших власть Ордена (Кулаков 2021: 8, 9).

Таким образом, недавно был завершён объёмный процесс реконструкции социальных отношений в обществах западной окраины балтского мира за 14 столетий

среднего железного века и вплоть до начала фазы Высокого средневековья. Нет сомнений в том, что эта работа будет продолжена по мере накопления нового археологического материала из раскопок на территории Калининградской области.

ЛИТЕРАТУРА

Вольфрам 2003 - Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (Опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

Денисов, Валуев, Скворцов 2021 - Денисов С.А., Валуев А.А., Скворцов К.Н. Комплекс вооружения XIII-XV вв. из некрополя Альт-Веллау // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 263. М.: Институт археологии РАН, 2021. С. 263-280.

Казанский 2021 - Казанский М.М. Стратификация погребений с оружием и всадническим снаряжением в могильниках самбийско-нотангийской культуры эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени // Археологические вести. № 33. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2021. С. 86-106.

Казанский, Мастыкова, Скворцов, 2017 - Казанский М.М., Мастыкова А.В., Скворцов К.Н. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-нотангийской культуры в начале средневековья (середина V – VII вв.) // Российская археология. 2017. № 3. С. 28-45.

Кулаков 2003-2004 - Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-XI вв. н.э. // STRATUM plus. 2003-2004. № 4. С. 278-382.

Кулаков 2005 - Кулаков В.И. «Княжеские» захоронения в Балтии фаз В1-С2 // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 218. М.: Наука, 2005. С. 48-64.

Кулаков 2014 - Кулаков В.И. Социумы в прусском обществе Северной Самбии (по данным могильника Малый Кауп) // Матэрыялы па археологіі Беларусі. Вып. 25. Мінск: Беларуская навука, 2014. С. 54-64.

Кулаков 2016 - Кулаков В.И. Звериный стиль в земле пруссов (кон. IV – X вв.) // Исторический формат. 2016. № 2. С. 21-58.

Кулаков 2019 - Кулаков В.И. Наблюдения над социальной структурой общества Самбии римского времени (по данным могильника Lauth/Б. Исаково) // Исторический формат. 2019. № 3-4. С. 8-17.

Кулаков 2021 - Кулаков В.И. Археологические признаки социальных групп в прусском обществе раннеорденского времени // Проблемы межрегиональных связей. 2021. № 16. С. 6-11.

Кулаков 2022 - Кулаков В.И. Социальная специфика воинского снаряжения пруссов X-XIV вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2022. № 3. С. 145-155.

Пашуто 1959 - Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 531 с.

Прасолов 2015 - Прасолов Я.В. Социокультурные аспекты исследования воинских погребений с ножами-кинжалами в ареале самбийско-нотангийской культуры // Российская археология. 2015. № 1. С. 59-72.

Скворцов 2015 - Скворцов К.Н. Социальная стратификация населения Самбийского полуострова в позднеимское время и в эпоху Великого переселения народов (по материалам погребальных памятников) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 68-71.

Скворцов 2016 - Скворцов К.Н. Формирование социальных элит у эстиев в конце римского времени и в эпоху Великого переселения народов // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 244. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 146-165.

Хомякова 2016 - Хомякова О.А. Вопросы социальной интерпретации погребений с «самбийскими» поясами римского времени из ареала культуры Доллькайм-Коврово // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 243. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 33-48.

Kulakov, Valujev 1996 - Kulakov V., Valujev A. Veluva (Alt-Wehlau), ein heidnischer Friedhof im christlichen Nadrauen // Eurasia Antiqua. Bd. 2. Berlin: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1996. S. 493-499.

Przybyła 2011 - Przybyła M.J. Die Regionalisierung der reichen Frauentracht und die Nachweismöglichkeiten Jüngerkaizerzeitlichen Heiratskreise am Beispiel Nordeuropas // Weibliche Eliten in der Frühgeschichte. Mainz: Verlag des Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2011. S. 321-358.

REFERENCES

Denisov, Valuev, Skvorcov 2021 - Denisov S.A., Valuev A.A., Skvorcov K.N. Kompleks vooruzheniya XIII-XV vv. iz nekropolya Alt'-Velau [Weapons complex of the XIII-XV centuries from the Alt-Velau necropolis], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Vol. 263, Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2021, pp. 263-280 [in Russian].

Homyakova 2016 - Homyakova O.A. Voprosy social'noj interpretacii pogrebenij s «sambijskimi» poyasami rimskogo vremeni iz areala kul'tury Doll'kajm-Kovrovo [Questions of social interpretation of burials with "Sambian" belts of Roman time from the area of the Dollkaym-Kovrovo culture], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Vol. 243, Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2016, pp. 33-48 [in Russian].

Kazanskij 2021 - Kazanskij M.M. Stratifikaciya pogrebenij s oruzhiem i vsadnicheskim snaryazheniem v mogil'nikah sambijsko-natangijskoj kul'tury epohi Velikogo peseleniya narodov i rannemerovingskogo vremeni [Stratification of

burials with weapons and equestrian equipment in the burial grounds of the Sambian-Natangian culture of the epoch of the Great Migration of Peoples and the Early Merovingian time], in: Arheologicheskie vesti [Archaeological news], № 33, Saint-Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2021, pp. 86-106 [in Russian].

Kazanskij, Mastykova, Skvorcov, 2017 - Kazanskij M.M., Mastykova A.V., Skvorcov K.N. Priznaki social'noj stratifikacii u naseleniya sambijsko-natangijskoj kul'tury v nachale srednevekov'ya (seredina V – VII vv.) [Signs of social stratification in the population of the Sambian-Natangian culture at the beginning of the Middle Ages (mid-V – VII centuries)], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology], 2017, № 3, pp. 28-45 [in Russian].

Kulakov 2003-2004 - Kulakov V.I. Arheologicheskie kriterii social'noj istorii YAntarnogo berega v I-XI vv. n.e. [Archaeological criteria of the social history of the Amber Coast in the I-XI centuries AD], in: STRATUM plus, 2003-2004, № 4, pp. 278-382 [in Russian].

Kulakov 2005 - Kulakov V.I. «Knyazheskie» zahoroneniya v Baltii faz B1-C2 ["Princely" burials in the Baltic States of phases B1-C2], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Vol. 218, Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 48-64 [in Russian].

Kulakov 2014 - Kulakov V.I. Sociumy v prusskom obshchestve Severnoj Sambii (po dannym mogil'nika Malyj Kaup) [Societies in the Russian Society of Northern Sambia (according to the Small Kaup burial ground)], in: Materialy pa arheologii Belarusi [Materials on the archeology of Belarus], Vol. 25, Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014, pp. 54-64 [in Russian].

Kulakov 2016 - Kulakov V.I. Zverinyj stil' v zemle prussov (kon. IV – X vv.) [Animal decorative style on Prussian lands (at the end of the 4th-10th centuries)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 21-58 [in Russian].

Kulakov 2019 - Kulakov V.I. Nablyudeniya nad social'noj strukturoj obshchestva Sambii rimskogo vremeni (po dannym mogil'nika Lauth/B. Isakovo) [Social structure of the Sambian society in the Roman time (based on materials from the burial of Lauth / B. Isakovo)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2019, № 3-4, pp. 8-17 [in Russian].

Kulakov 2021 - Kulakov V.I. Arheologicheskie priznaki social'nyh grupp v prusskom obshchestve ranneordenskogo vremeni [Archaeological signs of social groups in Early Northern Prussian society], in: Problemy mezhhregional'nyh svyazej [Problems of interregional relations], 2021, № 16, pp. 6-11 [in Russian].

Kulakov 2022 - Kulakov V.I. Social'naya specifika voinskogo snaryazheniya prussov X-XIV vv. [Social specifics of military equipment of the Prussians of the X-XIV centuries], in: Vestnik MGU. Seriya 8. Istorija [Bulletin of Moscow State University. Episode 8. History], 2022, № 3, pp. 145-155 [in Russian].

Kulakov, Valujev 1996 - Kulakov V., Valujev A. Veluva (Alt-Wehlau), ein heidnischer Friedhof im christlichen Nadrauen [Veluva (Old Wehlau), a pagan cemetery in the Christian Nadrauen], in: Eurasia Antiqua, Vol. 2, Berlin, Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein Publ., 1996, pp. 493-499 [in German].

Pashuto 1959 - Pashuto V.T. Obrazovanie Litovskogo gosudarstva [Formation of the Lithuanian State], Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1959, 531 p. [in Russian].

Prasolov 2015 - Prasolov YA.V. Sociokul'turnye aspekty issledovaniya voinskih pogrebenij s nozhami-kinzhalami v areale sambijsko-natangijskoj kul'tury [Socio-cultural aspects of the study of military burials with daggers in the area of Sambian-Natangian culture], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology], 2015, № 1, pp. 59-72 [in Russian].

Przybyła 2011 - Przybyła M.J. Die Regionalisierung der reichen Frauentracht und die Nachweismöglichkeiten Jüngerkerzeitlichen Heiratskreise am Beispiel Nordeuropas [The regionalization of the rich women's costume and the possibilities of verification of younger imperial age marriage circles using the example of Northern Europe], in: Weibliche Eliten in der Frühgeschichte [Female elites in early history], Mainz, Verlag des Römisch-Germanisches Zentralmuseum Publ., 2011, pp. 321-358 [in German].

Skvorcov 2015 - Skvorcov K.N. Social'naya stratifikaciya naseleniya Sambijskogo poluoostrova v pozdnerimskoe vremya i v epohu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov) [Social stratification of the population of the Sambian Peninsula in the Late Roman period and in the era of the Great Migration of Peoples (based on the materials of funerary monuments)], in: Social'naya stratifikaciya naseleniya Kavkaza v konce antichnosti i nachale srednevekov'ya: arheologicheskie dannye [Social stratification of the population of the Caucasus at the end of antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2015, pp. 68-71 [in Russian].

Skvorcov 2016 - Skvorcov K.N. Formirovanie social'nyh elit u estiev v konce rimskogo vremeni i v epohu Velikogo pereseleniya narodov [The formation of social elites among the Estians at the end of Roman times and in the era of the Great Migration of Peoples], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Vol. 244, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2016, pp. 146-165 [in Russian].

Vol'fram 2003 - Vol'fram H. Goty. Ot istokov do serediny VI veka (Opyt istoricheskoy etnografii) [Goths. From the origins to the middle of the VI century (The experience of historical ethnography)], Saint-Petersburg, YUventa Publ., 2003, 656 p. [in Russian].

Кулаков Владимир Иванович

– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov

– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

«НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1648-1676 ГГ.» В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б.М. Кондорский

Независимый исследователь (Донецк, Россия)
e-mail: bmkbox@mail.ru

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Среди украинских историков сейчас наблюдается «мода» на революции. Национальной революцией стали считать события Освободительной войны украинского народа XVII в. Автором сделана попытка критического осмысления и анализа данного исторического периода с позиций революционной концепции исторического развития. Освободительная война украинского народа рассматривается как своеобразный рецидив феодальной революции в Малой Руси, уровень которой, вследствие завоевания этой территории Литвой, носил довольно архаичный характер, что способствовала сохранению архаического социального сознания. Во время войны новая элита проявила не самые лучшие качества, ставя корпоративные интересы казацкой старшины выше общенародных. После смерти Богдана Хмельницкого наступил период гражданской войны, прозванный Руиной и характеризующийся междоусобной войной внутри старшины, политика которой носила эгоистичный характер. Геополитическое положение Украины XVII в. не создавало возможностей для появления здесь самостоятельного политического образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история Украины, феодальная революция, Освободительная война украинского народа, Хмельнитчина, Руина, казацкая старшина.

«NATIONAL REVOLUTION OF 1648-1676» IN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY

Boris Kondorsky

Independent researcher (Donetsk, Russia)
e-mail: bmkbox@mail.ru

ABSTRACT

Among Ukrainian historians there is now a «fashion» for revolutions. The events of the War of Liberation of the Ukrainian people began to be viewed as a national revolution. The author attempted to critically comprehend and analyze this historical period from the standpoint of the revolutionary concept of historical development. The Liberation War of the Ukrainian people is considered as a peculiar relapse of the feudal revolution in Little Russia, the intensity level of which, due to the conquest of this territory by Lithuania, was extremely low, thus contributing to the preservation of archaic social consciousness. During the war, the newly emerged elite showed not the best qualities, putting the corporate interests of the Cossack seniors (the starshina) above the ones of the mass of poorer Cossacks. After the death of Bogdan Khmelnytsky, a period of civil war began, nicknamed the Ruin and characterized by internecine strife within the starshina, the politics of which had a egocentric character. The geopolitical position of Ukraine provided no grounds for the emergence of a sovereign political entity there.

KEYWORDS: history of Ukraine, feudal revolution, Liberation War of the Ukrainian people, Khmelnytsky region, Ruin, Cossack foreman.

ВВЕДЕНИЕ

История имеет такие же объективные законы, как и естественные науки. Попытки выдать желаемое за действительное уводят исследователя в иллюзорное пространство со всеми вытекающими последствиями (Кондорский 2022).

Многие украинские историки довольно быстро «перестроились» еще в начале 90-х годов, когда «идеологически подкованные товарищи» превратились в ярых националистов. Так, нынешний главный специалист по «голодомору» С. Кульчицкий еще в 1981 г. писал

в брошюре, изданной сорокатысячным тиражом: «Благодаря неумолимому труду советских людей, значительно вырос научно-технический потенциал Союза ССР, построено общество развитого социализма, в котором неуклонно растут благосостояние и культура народа» (Кульчицкий 1981: 3).

Появились и новые «иконы» в исторической науке. В первую очередь, в лице М.С. Грушевского. Созданный Грушевским историко-политический конструкт «Украина-Русь» уже в начале XX в. прижился в украинской националистической среде, прежде всего на Западной

Украине и в украинской эмиграции, а после получения Украиной независимости превратился в важнейший идеологический инструмент нового государства, обосновывающий полное разделение и разновекторность украинского и российского народов (Перевезенцев 2018).

К сожалению, реалии XVII-XX веков сейчас часто (в том числе в научных исследованиях) подменяются критериями сегодняшнего дня и оцениваются с точки зрения тех или иных политических сил. Предпринимаются попытки сакрализации элементов государственности в украинской истории. Государственная идеология предстает как форма иллюзорного сознания на основе русофобии и антисоветизма. Понятия народ, нация становятся мистическими, сакральными символами (Михайлюк 2009: 3-4).

Уже в 90-е годы в среде украинских историков появилась идея (а точнее мода) рассматривать Освободительную борьбу украинского народа как «Украинскую национальную революцию». В основном усилиями академика В.А. Смолия и профессора В.С. Степанкова (Смолий, Степанков 1998; 1999; 2009; 2016), и не только их (Балушок 2008: 247; Бойко 2010: 149; Чухліб 2013: 57-58). И это притом, что еще в 1992 г. В.А. Смолий использовал термин «Освободительная война» (Смолий, Степанков 1992). Применяется также довольно странный термин «Национально-освободительные соревнования 60-70-х годов» (Бойко 2010: 160). Термин «национальная революция» пытаются применять и для периода Гражданской войны 1917-1920 гг. и обеих «майданов» (Кондорский 2021б).

В исторической науке для понимания и изучения определенного исторического периода и явления проводят анализ тех или иных фактов и источников, имеющих к этому отношение. При этом, не так часто применяют сравнительный метод (в широком смысле этого слова). Гораздо реже, используют для этого теоретические «конструкции». В первом случае мы имеем подход «снизу», во втором – «сверху». В 80-90-е годы произошла определенная дискредитация второго метода под предлогом его излишней идеологизированности. Однако, практика украинских историков показывает, что при насыщенности их научных работ конкретной информацией, степень националистической идеологизированности выводов часто намного превосходит то, что имело место в советский период.

Мы считаем, что главное – определить положение того или явления и периода в рамках пространственно-временной исторической системы, того или иного этапа исторического развития, выявить потенциал дальнейшего развития.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Исторический процесс состоит из различного рода временных систем. И для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, иногда полезно заглянуть в прошлое.

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем

(Кондорский 2020). Революции, как особое состояние социума, сопровождаются качественными изменениями во всех сферах. Революции, в первую очередь, происходят в голове. Один тип социального сознания, сменяется другим.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы – неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно революции формируют потенциал последующего развития.

Для каждого этапа исторического развития характерен определенный тип социального пространства. Именно элита отвечает за формирование и поддержание структуры этого пространства.

Основной целью всех революций было устранение носителей «старого сознания». Соответственно, чем больше уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низкий потенциал последующего развития мы имеем.

Неолитический этап исторического процесса включал ранний и поздний неолит, энеолит и бронзовый век. Наиболее характерными цивилизациями этого периода были Древнеегипетская и Месопотамская.

На данном этапе отсутствие личности в современном понимании способствовало формированию системы, в рамках которой источником управляющей «силы» являлись божества. Правитель выступал в качестве своеобразного транслятора, распределяя эту «силу» среди своих вельмож и чиновников (Кондорский 2013: 17). Только ее «наличие» позволяло принимать решения, осуществлять управление.

После архаических революций, которые имели место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, Северной Индии и, даже, Китае, появляются социумы поздней древности, в основе которых лежали структуры полисного типа (Кондорский 2013: 17, 21). Здесь революционные изменения в социальном сознании, в первую очередь, были связаны с принципиальными изменениями с богами. Народ уже заключает с богами договор, на основании которого получает управляющую силу в собственное пользование (Кондорский 2017: 145).

На первом этапе мы наблюдаем синкретическое единство всех составляющих социального пространства при доминировании хозяйственного аспекта (не путать с собственно экономическим). В Древнем Египте государство воспринималось как Дом, а фараон как его хозяин (Перепелкин 2000: 94-95).

После архаических революций политическое и социальное пока еще находились в синкретическом единстве. В Риме качества политика оценивались на основе этических и моральных критериев (Утченко 1977: 65).

Полное отделение военно-политического происходит уже во время феодальных революций, в первую очередь в Западной Европе. Здесь наблюдалась наименьшая преемственность с предыдущим периодом. Общины, не имевшие уже ни варварского (племенного), ни латинского сознаний, заключили общественный

договор с корпорацией феодалов и передали ей свою «власть-собственность» (Кондорский 2017: 147).

В дальнейшем, в процессе формирования национального государства, политическая власть отдельных феодалов концентрируется в особе короля. Появляется институт абсолютной монархии. Собственность остается у феодалов, которые в Новое время трансформируются в дворян.

ФЕОДАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ

В Киевской Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, когда появляются внешние признаки, характерные для феодальной формации. Феодальная революция имела место во второй половине XIII в. уже в рамках формирующегося Московского государства и послужила основой его дальнейшего развития. Почти на 300-400 лет позже, чем в Западной Европе (Кондорский 2019: 126).

Основной целью любой революции является устранение носителей «старого сознания», часто путем террора. В Северо-Восточной Руси революция сопровождалась регулярными репрессиями по отношению к городским общинам со стороны Александра Невского и его сына при помощи татар (Оловинцов 2018: 197). В отличие от Даниила Галицкого, Александр Невский отверг западную ориентацию, заключив военный союз с Батыем.

Завоевание Литвой территорий Малой и Белой Руси в XIV в. обусловило крайне низкий уровень здесь феодальной революции (Кондорский 2021: 57). Вследствие этого, восточнославянские земли долго находились на «общинной» стадии развития. С этим была связана масса архаических пережитков доживших до очень поздних времен с учетом наследия, полученными этими землями от времен Киевской Руси. По-прежнему сохранялась суверенность городской общины, политическая активность ее граждан, вечевое правление (Дворниченко 1995: 298-302).

В XVI веке на Украине мы имеем волостную общину с городским центром. Каждая волость представляла уголок древнерусского строя, которой управляло волостное вече. Весь строй волостной жизни был проникнут удивительной архаичностью (Довнар-Запольский 2016: 70). Для этого периода характерна исключительная роль охоты и бортничества, экспорт пушнины. Важная роль играло рыболовство (Гуслистый 1939: 58-59). До половины XVI столетия в Литовском государстве ценными считались земли, на которых можно было вести лесное хозяйство, ловить зверя и рыбу, разводить пчел. При этом черноземные залежи считались малоценными. Обработка земли здесь практиковалась в малых размерах, для первых потребностей хозяйства (Гурбик 1998: 255).

Происходит переход политической власти к магнатам. Только под большим давлением (помимо своей воли) украинские магнаты Александр Чарторыйский, Константин Острожский, Богдан Корецкий, Константин Вишневецкий дали присягу польскому королю Сигизмунду-Августу (Марочкин 1999: 14). Острожские владели

80 городами и 2760 селами, князь Иеремия Вишневецкий имел 230 тыс. подданных, а коронный гетман Станислав Конецпольский – 120 тыс. (Смолий, Степанков 2009: 68).

Шляхта имела беспрецедентные права. У шляхтича нельзя было конфисковать имение, его особа считалась неприкасаемой без судебного решения. Шляхтичу принадлежало право суда над его собственными подданными. Ни одного закона не могло быть принято без согласия посольской избы – нижней палаты сейма. Кардинальные различия простого народа и шляхты даже обосновывались тем, что простолюдины произошли от Хама, а шляхта от Яфетовых потомков (Яковенко 2009: 116-119).

Каждый шляхтич мог вредить король, но не наоборот. Шляхетство достигло совершенной независимости от короля, даже право на рокош – вооруженное выступление против короля (Голобуцкий 1962: 42-43). В своих имениях оно имело абсолютную власть (Буцинский 1882: 16-17). В стране царил полный произвол. Обычным явлением было разорение магнатами сел и городов, принадлежащих другим магнатам (Компан 1954б: 12-13).

Начинается трансформация местной элиты, дети которой учились в Польше и за границей в учебных заведениях, которые обычно находились под контролем иезуитов, всячески внушавших отвращение к вере отцов (Костомаров 1994: 132). Происходит массовый переход элиты Руси в католичество и принятие образа жизни польской аристократии.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА КАК «НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

После того как в 1471 г. Киевское княжество превратилось в воеводство, Литва начала на этой территории вводить феодальный порядок государственного строя, заимствованный в Польше (Костомаров 1994: 8). Под этим влиянием принцип земельного владения на Украине стал складываться совершенно иначе, чем в течение многих веков до этого. Южнорусское население, встретив невиданный порядок вещей и постепенно обезземеливаясь, стал бросать центральные места государства и уходить на окраины, превратившись в казачество (Яворницький 1990: 13).

В 1582 г. Стефан Баторий дал казакам ряд привилегий: личную свободу, право на собственный суд, освобождение от налогов и имущественные права (Лепявко 2012: 6). На смену ополяченной старой элите приходит новая – в виде казацкой старшины. Реестровое казачество, появившееся в середине XVI в., представляло собой типичную корпорацию (Чухліб 2003а: 50) с соответствующим типом сознания. Особенностью любой корпорации и в тот период, и в этот является преобладание внутренних интересов над внешними. Следует обратить внимание, что старшина была сугубо корпоративной элитой, а не элитой украинского народа. При этом имела довольно сложную структуру с четко очерченной социальной дистанцией между различными стратами (Папашенко 1995: 4-5).

Специфический тип социального сознания и относительная автономность от местной администрации способствовали проведению ими самостоятельной внешней политики, обычно в форме грабительских походах (История козацтва 2006: 66). В 1587-1589 гг. они ходили на Бендеры, Очаков, Белгород. Даже пытались посадить на молдавский престол своего ставленника (Лепявко 2012: 80).

Своеволие казаков было «головной болью» для польского руководства, которое уже не могло контролировать казацкую стихию. Им приходилось регулярно получать жалобы от турецкого султана и крымского хана. Основным объектом разбоя были купеческие караваны и суда (Щербак 2000: 76-77).

Другая проблема заключалась в том, что в приграничной зоне казаки, которые были освобождены от уплаты налогов, составляли подавляющее большинство населения в местечках. Отказывались от этого и те, кто просто считали себя казаками вне зависимости от реестра. Все это создавало серьезные финансовые проблемы для местной администрации, которая отвечала за формирование и поддержание защитной инфраструктуры от набегов крымских татар (Щербак 1991: 48).

В то же время, реально казаки не только защищали южные рубежи, но и занимались элементарным грабёжом и накоплением богатств в своих хуторах, пользуясь предоставленными им привилегиями. Относительно терпимое отношение к казачеству было связано с тем, что Польша, в случае войны, использовала их как дешёвую военную силу (Щербак 2000: 93).

Наиболее близкий аналог казаков это «гази» периода войн между Византией и сельджуцкими княжествами в Анатолии. Гази, которые являлись пассионарно настроенными выходцами из разорившихся крестьян, став воинами, в составе небольших отрядов регулярно тревожили территорию Византии. То же самое касается японских самураев – вчерашних крестьян, которые воевали на территории острова Хонсю с его коренным населением – айнами. И те и другие, в отличие от украинских казаков, появились «исторически вовремя». Деятельность анатолийских гази стала основой будущей Османской империи, а ранних самураев – средневековой Японии.

В настоящее время период Освободительной войны украинского народа в работах украинских историков характеризуется как глубокий революционный переворот в сфере социально-экономических отношений, который создал благоприятные условия для развития молодого государства и определил появление новой модели социально-экономических отношений. Революция привела к появлению национального государства (Смолий, Степанков 1999: 335). В процессе Украинской революции шла борьба за национальную независимость и установление буржуазных отношений (Смолий, Степанков 1992: 16; 1999: 340).

Основной целью событий 1648-1676 гг. было провозглашение соборного украинского государства и признание его полноправным субъектом международных отношений (Смолий, Степанков 2014: 16; 2016: 54). Укра-

инская революция стала важнейшей составляющей процесса зарождения и утверждения на континенте новых общественных отношений, новой цивилизации (Смолий, Степанков 2014: 40). Сделана попытка сравнить Украинскую революцию с Нидерландской и Английской. В XVII столетии на европейском континенте было два равноценных события реформационного характера – Английская и Украинская революции (Смолий, Степанков 2014: 31; 2016: 55; Степанков 1997: 7).

Оказывается, в период Хмельнитчины имели место важные изменения в аграрных отношениях, ремесле, торговле, в социальной структуре общества, политическом устройстве, которые носили глубоко прогрессивный характер (Степанков 1991: 131). Казачество выявило огромные потенциальные возможности в плане становления новых общественных отношений, реализовало многовековую мечту европейского крестьянства (Степанков 1997: 5).

Попробуем разобраться, что же было в этот период на самом деле на Украине. Начало Освободительной борьбы нельзя объяснить рациональными причинами. В это время реестровое казачество не подвергалось каким-либо экстраординарным притеснениям и сохраняло свои привилегии. Восстания 1631 и 1632 годов носили локальный характер и были довольно быстро подавлены поляками. Их руководство было подвергнуто весьма жестокому казням (Яковенко 2009: 282-283). Реестровые казаки перед войной отличались заметной зажиточностью, владели хуторами, сенокосами, лесами, пасеками (Крипякевич 1990: 32; Шевченко 1959: 178). Многие казаки обладали значительными по тем временам богатствами и именьями (История казачества 2006: 91).

Кстати, по мнению П. Буцинского (одного из наиболее компетентных специалистов по биографии Хмельницкого) тот поднял восстание из личной мести и связал свое дело с народом только из личных расчетов (Буцинский 1882: 61).

Что касается сравнения Украинской и Английской революций. В Англии мы имеем сначала развитие феодалной формации как системы, со всеми классическими ее стадиями, а затем переход к Новому времени основных сословий страны. В первую очередь, на уровне общественного сознания. Дворянство в период Тюдоров и внешне, и внутренне отличалось от рыцарского сословия периода войны Алой и Белой розы.

Появление землевладельцев-джентри способствовало постепенному формированию предпринимательского сознания в их среде со всеми вытекающими последствиями в развитии английской экономики. Огромную роль в развитии капиталистических отношений сыграла морская, а затем колониальная торговля.

В украинской версии Википедии джентри определяется как среднее и мелкое нетитулованное дворянство. Внешне возможно это и так. Однако между общественным сознанием английского джентри и шляхтича Речи Посполитой имели место кардинальные различия.

В XVI в. в Западной Европе, в связи с ростом городов, резко возрастает потребность в зерне (Сидоренко 1991: 48-49). В Польше становится крайне выгодным его про-

изводство. Начинается процесс разрушения традиционной общины. Появляется фольварковый тип хозяйствования и магнатское земледелие (История селянства 1967: 74; Терещенко 1996: 385). Его основой становится принудительный труд. Крестьяне были обязаны бесплатно работать на полях господина. Панщина, которая в конце XV в. составляла 14 дней в году, в середине XVI в. уже достигала 3-4 дня в неделю и продолжала увеличиваться (История селянства 1967: 112; Компан 1954а: 14). Рабочий день зимой мог достигать 12 часов и 19 часов летом (Мірчук 1973: 42). Европейцев шокировало отношение шляхты к крестьянам, которые относились к ним как скотине и распоряжались их жизнью (Смолий, Степанков 2009: 68).

Во второй половине XVI в. была проведена аграрная («волочная») реформа с целью повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Земля была распределена на волоки в соответствии с производственными возможностями отдельного дворового хозяйства. Крестьяне уже не могли свободно распоряжаться своими наделами (Гурбик 1997: 9-10). Юридически имело место разрушение традиционной общины. Однако сохранились старорусские традиции общественной жизни (Гурбик 1998: 254). Т.е. не произошло кардинальных изменений в архаическом сознании украинского крестьянина.

Здесь нужно обратить внимание на некоторые теоретические моменты. Традиционная община формально находилась в договорных отношениях с государством, а не с отдельными феодалами как в Европе. В собственно феодальный период мы имеем преобладание так называемой феодальной ренты, которая была основой военно-политической и судебной власти феодала. Следует четко различать феодальную зависимость и крепостную зависимость уже в Новое время, которые кардинально различаются между собой. В Новое время уже нет феодализма как системы. Шляхтич не был феодалом. В Новое время в Речи Посполитой мы имеем панщину и оброк натуральными продуктами и деньгами, а не феодальную ренту.

Внутренний рынок Речи Посполитой отличался крайней слабостью. Здесь не было рынка товаров как своеобразной системы, имеющей потенциал прогрессивного развития. Система фольваркового хозяйства была только придатком формирующейся европейской экономической системы и не входила в ее состав. При этом деньги, полученные от продажи зерна, в основном тратились на предметы роскоши, к тому же покупаемые за границей. Польская аристократия имела по существу престижный тип сознания, уходящий своими корнями в архаическое прошлое. Ни король, ни магнаты за триста лет не удосужились построить свой торговый флот. Шляхта была вынуждена продавать зерно гданьским посредникам, имевших свои корабли, по относительно низкой цене (Компан 1954б: 9; Сидоренко 1991: 48-50). Польская шляхта в погоне за роскошью даже перещеголяли западноевропейских «коллег» (Баранович 1959: 27).

Еще более анекдотичным выглядят попытки представить казаков фермерами. Формируется новый тип

хозяйствования, который по своей сути был фермерским и имел огромный потенциал развития (Нечитайло 2004; Смолий, Степанков 1999: 337; 2009: 69; Степанков 1991: 130). Казацкий тип хозяйствования оказался одним из самых передовых в Европе (Борисенко 1998: 188-192; Смолий, Степанков 1997: 22-24). Положение в сельском хозяйстве было близким к таковому в Англии (Смолий, Степанков 1999: 339). В хозяйствах старшины и монастырей использовался наемный труд, что говорит о зарождении буржуазных отношений (Смолий, Степанков 1999: 336).

Делается попытка сравнить украинских крестьян с французскими в период Французской революции. В 1652 г. украинский крестьянин добился такого же положения как во Франции, на полтора столетия раньше (Смолий, Степанков 2014: 39). В годы национально-освободительной революции украинское крестьянство получило такие социальные и экономические завоевания, на которые при иных обстоятельствах ушло 100-200 лет (Борисенко 2006: 27).

На самом деле основой казацкого типа хозяйствования были уходнические промыслы – использование природных угодий, водоемов степей: добыча пушны, ловля рыбы ценных пород, пчеловодство Хутора казаков по существу находились на самообеспечении, включая простые ремесленные изделия, хозяйственный инвентарь и одежду (Український гетьманат 2018: 26; Щербак 2000: 91-92).

В той же Англии фермерство капиталистического типа прошло более чем трехсотлетний путь развития. В середине XVII в. фермерское хозяйство здесь занималось специализированным товарным производством и отличалось высоким уровнем рентабельности (Шабаев 2012: 19). Говорить о «рентабельности» казацких хозяйств – занятие более чем бессмысленное.

Даже в начале XX в. Столыпину так и не удалось разрушить сельскую общину и сделать из кулака фермера. Социальное сознание последнего принципиально не отличалось от сознания обычного крестьянина (Кондорский 2017: 84).

Казаки со своими личными земельными участками больше похожи на турецких сипахов, обладавших небольшими земельными наделами – тимарами.

Утверждается, что в этот период на Украине получило развитие мануфактурное производство (Борисенко 2006: 27; Смолий, Степанков 1999: 339). Странное утверждение, кстати, без приведения конкретных фактов. Даже в гораздо более развитой Чехии оно появилось только в начале XVIII в. (История південних словян: 78-79). В России первые мануфактуры (помещичьи) появились при Екатерине (Оглоблин 1925: 47). Следует также иметь в виду, что мануфактурное производство не было магистральным направлением развития капиталистических отношений. Промышленный переворот означал победу фабричного строя над мануфактурным (Струмилин 1966: 362). По существу, фабричное производство появилась на основе отрицания мануфактурного.

В отношении «огромного потенциала развития» можно только сказать, что уже в 50-70-е годы началось закрепощение крестьян старшиной (Борисенко 1986:

334; Смолий, Степанков 1999: 334), которое усилилось при Мазепе. При нем вышло около 1000 универсалов про передачу земли и крестьян старшине (Дядиченко 1959: 56). В это время начинается закрепощение и самих казаков (Гуржий 1994: 60). Старшина занимается скупкой земли разорившихся казаков, часто используя насильственные методы (Шевченко 1959: 58-59). Даже российское руководство пыталось остановить этот процесс (Когут 1996: 40-41).

Гетманы и полковники бесконтрольно раздавали вольные полковые земли. Крестьяне, которые в период Хмельнитчины освободились от шляхетской зависимости, вскоре оказались в другой – от казацкой старшины (Папашенко 1995: 17-18). Многие представители генеральной старшины владели местечками и городами (История козацтва 2006: 93).

И, наконец, что касается «установления буржуазных отношений». В свое время автор пришел к выводу, что главным препятствием прогрессивных реформ в до-революционной Франции было не столько дворянство, сколько буржуазия того времени, которая существовала в виде целой системы профессиональных корпораций. Именно разрушение этих корпораций и стало основным результатом Французской революции (Кондорский 2015: 107-108).

Попытки найти в XVII в. на Украине буржуазные отношения и буржуазию как таковую предпринимались еще в советский период. По мнению М.Н. Покровского верхушка казачества была буржуазной. Казацкую старшину он называет буржуазией, которая восстала против польского феодализма (Покровский 1933: 148-149). Процесс превращения украинской народности в буржуазную нацию начался еще в XVI в. (Гуслистий 1967: 21-22). Честно говоря, для того чтобы найти хотя бы элементы буржуазного сознания у казаков, нужно обладать очень богатой фантазией.

По своему роду деятельности к буржуазии ближе было еврейское население Речи Посполитой (Боровой 1940: 89-91). Евреи доминировали в экономической жизни. Они активно кредитовали шляхтичей и даже становились арендаторами королевских городов и замков (Марочкин 1999: 107). Однако евреи не имели никаких политических и гражданских прав. Следует также обратить внимание на армянскую общину, представители которой преимущественно занимались торговой деятельностью. Богатство отдельных купцов достигало таких размеров, что польские короли кредитовались у них (Мірчук 1973: 36-38).

Главное не внешний вид того или иного социального явления. Главное – какое место оно занимает в рамках пространственно-временной исторической системы и какой имеет потенциал дальнейшего развития.

Украинские исследователи грешат использованием современных политологических терминов для анализа событий почти четырехсотлетней давности. Даже нашли здесь партиципаторную демократию (Смолий, Степанков 2009: 208). Следует напомнить, что казацкая демократия в своей основе ничего общего не имела с буржуазной демократией.

По отношению к данному периоду украинские историки часто используют термин «нация» «национальный», «национальная армия» «национальное государство» (Смолий, Степанков 1992: 17; 1998: 7; Степанков 1997: 5). Во Франции национальное государство в первом приближении появилось только при Ришелье, а сама нация полностью сформировалась уже в период Второй империи. Здесь уместно вспомнить известную фразу, приписываемую главному объединителю Италии графу Камилло ди Кавуру: «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев». Кстати, с учетом более чем заметных различий в ментальности Севера и Юга страны, этот процесс еще не закончен.

Нация появляется тогда, когда политическая элита начинает понимать, осознавать законы политической системы, когда формируется сама эта система. По мнению Г. Касьянова многие украинские историки попадают в плен исторического мифа, когда находят в XVII веке «национальное сознание», тем самым подвергая явной архаизации этот термин. То же самое, по его мнению, касается понятия «национальная революция» (Касьянов 1999: 285-286).

ХМЕЛЬНИТЧИНА

Весь период Освободительной войны состоит из двух основных этапов. Первый этап можно назвать Хмельнитчиной (1648-1657 гг.). Дело в том, что весь этот период всё – и военная, и дипломатическая, и административная деятельность в первую очередь определялась «железной волей» Богдана Хмельницкого. Его фигура более чем заметно возвышалась над остальной казацкой старшиной.

Хмельнитчину следует рассматривать как рецидив «неполности» феодальной революции. Нужно иметь в виду, что казачество не прошло «горнило» феодальной революции. Этническая основа его социального сознания осталась полностью архаической. Как не покажется странным, даже более архаическим по сравнению с крестьянством и мещанством. В первую очередь это относится к Низовому запорожскому войску (Ульянов 1996: 16).

У старшинской элиты отсутствовал опыт государственного строительства (Смолий, Степанков 2014: 40). К тому же ее сознание еще не доросло до восприятия идеи автономизма. При проведении переговоров с поляками и россиянами главной целью было сохранение и приумножение прав и привилегий (Смолий, Степанков 1997: 31; Степанков 1991б: 136-137). Гетманщина стала химерным сплавом модели Речи Посполитой, которую казацкая старшина приспособила для своих потребностей и сотенно-полковой системы казацкой армии (Яковлева 1998: 57). Нужно также иметь в виду, что в процессе собственно европейских революций Нового времени появлялась элита, способная к государственному строительству и эффективному управлению.

В период Хмельнитчины сложилась крайне слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходящая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. В основе этой системы лежала казацкая демократия, на деле сплошь и рядом оборачивающаяся ох-

лократией. Политическая власть и судопроизводство формировались на основе обычного казацкого права и традиций (Історія козацтва 2007: 135). В Украине так и не сформировалась политическая система, соответствующая реалиям того времени в собственно Европе. Кстати, также как и в Польше.

Хмельницкий неоднократно высказывал мысль о своей власти как самодержавной (Смолій, Степанков 1997: 53), проводил курс на установление монархической формы правления (Смолій, Степанков 2014: 39). Имел место процесс утверждения в сознании казачества восприятия власти гетмана, как данную от Бога (Смолій, Степанков 1997: 63). С 1650 г. Хмельницкий планировал основать династию (Смолій, Степанков 2009: 252).

Однако реально Хмельницкий обладал диктаторской властью, источником которой были его военные победы. Формирование института княжеской власти в дунайских государствах носило довольно длительный характер, еще до перехода их под протекторат Порты. Не надо забывать, что должность гетмана означает «старший» (Струкевич 2002: 50) и воспринималась казачеством в рамках не политического, а сугубо традиционного сознания. Поэтому любая «монархическая оболочка» гетманской власти носила бы чисто формальный характер.

У Хмельницкого и его окружения не было четкого понимания государственной идеи. Не были обеспечены интересы крестьянства и мещанства. Отсутствовала конструктивная работа по созданию управляющей администрации. Управление на основе военных носило архаический характер. Хмельницкий так и не смог связать весь тот клубок социальных, экономических, политических противоречий, которые имели место в тот период (Кремень 2007: 120-124).

Не смотря на то, что Хмельницкий последовательно проводил курс на укрепление гетманской власти, он так и не смог сформировать устойчивую систему политического режима. Власть Хмельницкого держалась на его авторитете, харизме. Для ее подтверждения нужно было регулярно одерживать победы. В то же время политическая система, созданная Петром, не смотря на низкий уровень компетентности Екатерины, Петра II, Анны Иоанновны, выдержала испытание на прочность и показала свою несомненную эффективность.

РУИНА

В конечном итоге, Богдан Хмельницкий оставил Украину в самом неопределенном, хаотическом состоянии как в общественном, так и в политическом отношениях. Он сделал Украину «яблоком раздора», театром войны между соседними державами. Украинский народ не получил от Богдана ничего, кроме ничтожного наследника в лице сына Юрия, ничего кроме смут, волнений, междоусобиц и новых бедствий (Буцинский 1882: 236-237).

После его смерти наступает период гражданской войны, который в народе прозвали Руиной. В середине XIX в. известный историк Н.И. Костомаров ввел понятие «Руина» в историческую литературу характеризуя пери-

од с 1663 по 1687, когда произошло разделение на Левобережную и Правобережную Украину и последняя превратилась в совершенную пустыню (Костомаров 1905: 5). В. Газин считает начало Руины в 1658 г. (Газин 2001: 1), когда после прихода к власти И. Выговского началась гражданская война. С чем мы полностью согласны. Того же мнения придерживается Т. Яковлева, которая видит начало Руины в резком обострении борьбы за власть внутри старшины, накоплением внутренних проблем (Яковлева 1998: 6). Этот период характеризуется полной вычерпанностью энергии и усталостью народных масс (Голобуцкий 1994: 198).

Корпоративные интересы в это время преобладали над государственными. В полной мере проявили себя властолюбие, амбициозность, эгоизм старшины (Смолій, Степанков 2009: 217). Старшинская элита показала свою неспособность предложить народу консолидирующие цели, постоянно игнорировала интересы народа и самого казачества ради собственной выгоды. Начался трагический, по своим последствиям, процесс паралича органов власти, что сопровождалось анархизацией социально политической жизни (Українська держава 2014: 39). Во время Руины для внешней политики украинских гетманов был характерен высокий уровень изменчивости.

И. Выговский в 1658 году пребывал в номинальной зависимости от московского царя и турецкого султана и еще хотел получить покровительство со стороны Трансильвании и Швеции. В конечном итоге перешел под протекторат польского короля на основе Гадячского договора, одновременно пытаясь найти защиту у австрийского императора (Чухліб 2013: 58). После взятия Полтавы и казни промосковского Пушкаря, Выговский приказал расстрелять 7 тыс. пленных, а остальных отдал татарам. Татарам было позволено разграбить Полтавщину. Все это сопровождалось репрессиями Выговского против местного населения (Смолій, Степанков 2009: 310).

В этот период идея создания относительно самостоятельной державы уходит в сторону и начинают доминировать внутренние противоречия в борьбе за власть. Гетманы искали союза с иностранными государствами в первую очередь для сохранения своей власти и подавления оппозиции (Яковлева 2003: 405).

Брюховецкий, который регулярно клялся в своей верности Москве, начал тайные переговоры с Портой в 1665 г. с целью принятия ее протектората (Смолій, Степанков 2009: 338). Гетман во всех бедах обвинил русских воевод (Гуржій 1996: 47) и даже призвал население Левобережной Украины подняться на борьбу против московской неволи (Смолій, Степанков 1993: 42).

После того как Дорошенко принял протекторат Османской империи, та предъявила ультиматум Польше отказаться от части Украины (Чухліб 2003а: 55). Разочаровавшись в Порте, Дорошенко снова стал заигрывать с Москвой. В октябре 1675 г. он отрекся от турецкой протекции и присягнул на верность царю (Смолій, Степанков 2014: 170).

Своеобразным символом в борьбе за власть внутри казацкой старшины в период Руины стала Чорная рада

на окраине Нежина в 1663 г., когда между противоборствующими сторонами произошли вооруженные столкновения (Горобець 2013). Причиной конфликта были непомерные амбиции претендентов на гетманскую булаву. Победивший Иван Брюховецкий тут же казнил своих соперников Якима Сомко и Василя Золотаренко по обвинению в государственной измене.

В период Руины наблюдались регулярные вторжения польских, турецких и крымских войск в Правобережную Украину. В частности, в 1668-69 гг. и в 1674 г. Этноцидом обернулись действия польско-крымских войск в период с января по март 1655 г. и в 1664 – первой половине 1665 гг., когда произошло массовое уничтожение и захват в ясырь украинского населения (Смолий, Степанков 2014: 40). Все это привело к массовой эмиграции населения с правобережной Украины на Левобережную (Борисенко 1986: 42).

В результате событий периода Руины к середине 70-х годов не было ни одного города или села, где не имели бы место разрушения (Смолий, Степанков 1999: 335). Людские потери составили 65-70% населения (Смолий, Степанков 2014: 40). Правобережье практически полностью обезлюдело (Борисенко 1986: 42). Все это явилось конечным результатом так называемой «украинской национальной революции».

В этот период редкий гетман не изменял царю. Издаваемые в оправдание универсалы поражают неразборчивостью лжи (Ульянов 1996: 78-79).

РОЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

В середине XVII в. в Европе сформировались две геополитические системы – Вестфальская и Восточноевропейская. Основными субъектами последней были Польша, Россия и Турция. Попытки Швеции «втиснуться» в это пространство с целью полного доминирования в балтийском регионе, в процессе четырех польско-шведских войн первой половины XVII века, фактически окончились ничем. Даже во время Потопа (шведско-польской войны 1655-1660 гг.) не смотря на то, что шведские войска установили контроль над большей территорией Речи Посполитой, дело закончилось для Швеции лишь подтверждением ее прав на Ливонию.

Здесь нужно понять очень важный момент. После окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира религиозный фактор перестал играть какую-либо определяющую роль. Даже во время этой войны Ришелье, будучи католическим кардиналом и первым министром католической страны, тем не менее, выступил на стороне антикатолической коалиции.

После заключения мира появляется система, где основную роль начинают играть собственно политические законы, основанные на принципе европейского равновесия. Последующая история показала, что любые попытки одной из стран стать гегемоном, встречали сопротивление со стороны коалиций, куда могли входить страны с самым различным политическим устройством.

Следует отметить, что геополитическое положение Украины не давали ей никаких шансов стать суверенным политическим образованием, проводить самосто-

ятельную политику. Руководству Гетманщины оставалось только лавировать всеми доступными средствами между тремя субъектами Восточноевропейского пространства.

Не смотря на блестящую победу под Батогом над поляками в июне 1652 г. в 1653 г. геополитическая ситуация приняла для Войска Запорожского угрожающий характер. Оформилась коалиция в составе Польши и Дунайских княжеств. Безрезультатно окончился поход Хмельницкого в Подолию. Польское правительство категорически отказалось от проведения переговоров. Украинское посольство, прибывшее для заключения нового договора на основе Зборовского договора, было арестовано (Степанков 1991: 131).

Заключение Переяславского договора следует рассматривать как следствие кризисной ситуации (Степанков 1991а: 131). Перед этим была предпринята попытка Хмельницкого перейти под протекторат Турции. Однако переговоры в 1653 г. не дали положительных результатов (Борисенко 2006: 12). Договор был рациональным выбором старшины, который целиком отвечал интересам Гетманата. Союз с Россией значительно усилил позиции Войска Запорожского и в политическом и в военном отношении (Горобець 2007: 431).

Однако уже после Переяславля Хмельницкий устанавливает контакты со Швецией (Чухліб 2003б: 50). Делает даже определенные шаги в направлении принятия протектората Шведской короны (Чухліб 2005: 75). Хмельницкий не видел противоречий между присягой московскому царю и переговорам со шведами о поддержке. И это при том, что Россия и Швеция тогда были врагами (Когут 1996: 66). Хмельницкий как бы одновременно пребывал под протекторатом Османской империи, Крымского ханства, Московского царства и Швеции (Гвоздик-Прицак 1999: 136).

В период Руины любые благие цели украинской старшины обычно имели обратный эффект. Попытка Дорошенко в 1671 г. укрепить государственные институты, сплотить элиту, консолидировать общество закончилась тем, что летом 1672 года началась война между Турцией и Польшей. Правобережная Украина стала ареной жестоких военных действий. В 1674 году начался интенсивный процесс разрушения государственных институтов на Правобережной Украине (Смолий, Степанков 1998: 8). При этом нужно иметь в виду, что война стала прямым следствием принятия Дорошенко турецкого протектората в 1669 г. Все это закончилось разделом Украины между Турцией и Речью Посполитой на основе Бучачского договора. Попытки Дорошенко договориться и с Польшей, и с Россией ни к чему положительному не привели (Смолий, Степанков 1993: 44-45).

В начале 60-х годов сложилась ситуация своеобразных «качелей». Попытка русских войск перейти на правый берег Днепра закончилась Чудновской катастрофой. В свою очередь, поход польского войска с целью завоевания Левобережной Украины в 1663-1664 гг. закончился неудачей (Чухліб 2003а: 52). Силы обеих сторон были в значительной степени истощены.

Логическим следствием стал раздел на Левобережную и Правобережную Украину на основе Андрусовско-

го перемирия 1667, которое было направлено против Турции (Чухліб 2003а: 53-55), и затем закрепленное Вечным миром в 1686 г. В конечном итоге, на основе Бучачского, Журавенского, Бахчисарайского, Андрусовского договоров Украина полностью утратила свою субъективность. Польша, Россия, Турция преследовали здесь свои интересы. Украина, в конечном итоге, превратилась в обычную «разменную монету».

Восточноевропейское геополитическое пространство имело трех основных субъектов и свои законы. По существу, и Хмельничину и Руину можно рассматривать как своеобразные пространственно-временные системы, где события развивались на основе объективной внутренней логики, включавших помимо самой Украины – Россию, Польшу и Турцию. Деятельность индивидуальных субъектов этих систем определялась именно этой логикой и законами геополитического пространства.

Интересный и показательный момент. Османская империя также входила в XVI в. в состав Вестфальского геополитического пространства. Однако тяжелое поражение турок под Веной в 1683 г., а затем в битве при Зенте, исключило турок из этой системы. Это повлияло на ситуацию и характер равновесия в рамках уже Восточноевропейской системы. По условиям Карловицкого мира Польша вернула себе Подолию.

ВЫВОДЫ

Крайне низкий уровень феодальной революции предопределил архаическую основу не только основной массы населения, но и украинской элиты. Освободительная война украинского народа так и не решила все те глубинные проблемы, которые накопились к ее началу.

Здесь мы имеем не революцию в полном смысле этой категории (как это пытаются сделать украинские историки), а рецидивы феодальной революции. То же самое касается событий Гражданской войны 1917-1920 гг. и обоих «майданов», которые также пытаются преподнести как «национальные революции».

Конечно революция, не смотря на все социальные издержки, приятно режет слух историка, придает тем или иным событиям оттенок благородности. Именно стремление украинской элиты стать, выглядеть «благородной», на фоне крайне выраженного комплекса неполноценности, и предопределила «руинный» характер всех этих «революций».

Освободительная война украинского народа состоит из двух основных этапов – Хмельничины и Руины. В 1648-1657 гг. внутренняя и внешняя политика целиком и полностью определялась «железной» волей Богдана Хмельницкого. В 1658 г. мы видим начало гражданской войны, которая продолжалась до 1676 г. и сопровождалась вооруженным соперничеством между различными кланами внутри казацкой старшины, при самом активном участии соседних держав. Гетманы выступали в качестве сутенеров, предлагая страну тем или иным своим соседям, лишь бы удержаться у власти. В результате Руины Украина лишилась две третьих своего населения, погибших в результате военных действий, умерших от эпидемий, угнанных в ясырь. Правобережная Украина полностью обезлюдилась.

И Английская, и Французская, и Российская революции носили системный характер, имели ряд закономерных этапов и свою внутреннюю логику. Ни в период Хмельничины, ни тем более во время Руины найти какую-то системную логику, которая имела бы потенциал дальнейшего прогрессивного развития – невозможно. Также как в Гражданскую войну с учетом того факта, что власть в Киеве за три года менялась более десяти раз.

Геополитическое положение Украины не позволило появиться здесь относительно самостоятельному политическому образованию. В конечном итоге Украина была разделена между Россией, Польшей и Турцией. В этот период сформировался архетип, который воспроизводился в период Гражданской войны и после обретения независимости, т.е. в процессе исторического развития мы имеем три «Руины».

ЛИТЕРАТУРА

Балушок 2008 - Балушок В.Г. Українська етнічна спільнота: етногенез, історія, етнімія. Біла Церква: Видавець О.В. Пшонківський, 2008. 304 с.

Баранович 1959 - Баранович А.Н. Украина накануне Освободительной войны середины XVII в. (социально-экономические предпосылки войны). М.: Издательство АН СССР, 1959. 210 с.

Бойко 2010 - Бойко О.Д. Історія України. Київ: Академвидав, 2010. 688 с.

Борисенко 1986 - Борисенко В.Й. Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. Київ: Наукова думка, 1986. 283 с.

Борисенко 1998 - Борисенко В.Й. Курс української історії. Київ: Либідь, 1998. 614 с.

Борисенко 2006 - Борисенко В.Й., Буковинський А.Г., Візер С.О. Еволюція українсько-російських відносин у другій половині XVII ст. Київ: Старий світ, 2006. 256 с.

Боровой 1940 - Боровой С.Я. Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины // Исторические записки. Т. 9. М.: Издательство АН СССР, 1940. С. 81-124.

Буцинский 1882 - Буцинский П.Н. О Богдане Хмельницком. Харьков: Типография Зильберберга, 1882. 240 с.

Газін 2001 - Газін В. Гетьманство Павла Тетері: спроба подолання суспільно-політичної кризи в Українській державі (1663-1665 рр.). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2001. 20 с.

Гвоздик-Прицак 1999 - Гвоздик-Прицак Л. Економічна і політична візія Богдана Хмельницького та її реалізація в державі Військо Запорозьке. Київ: ІУАД НАНУ, 1999. 216 с.

- Голобуцкий 1962 - Голобуцкий В. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. Киев: Госполитиздат УССР, 1962. 360 с.
- Голобуцький 1994 - Голобуцький В. Запорозьке козацтво. Київ: Вища школа, 1994. 539 с.
- Горобець 2007 - Горобець В. «Волимо царя східного...». Український гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ: Критика, 2007. 462 с.
- Горобець 2013 - Горобець В.М. «Чорна рада» 1663 р.: подія та її соціополітичний контекст // Український історичний журнал. 2013. № 4. С. 78-111.
- Гурбик 1997 - Гурбик А.О. Аграрна реформа в Україні XVI в. Київ: ІУ НАНУ, 1997. 63 с.
- Гурбик 1998 - Гурбик А.О. Еволюція соціально-територіальних спільнот в середньовічній Україні. Київ: ІУ НАНУ, 1998. 319 с.
- Гуржій 1994 - Гуржій О.І. Еволюція соціальної структури селянства Лівобережної та Слобідської України (друга половина XVII-XVIII ст.). Київ: ІУ НАНУ, 1994. 107 с.
- Гуржій 1996 - Гуржій О. Українська козацька держава в другій половині XVII-XVIII ст.: кордони, населення, право. Київ: Основа, 1996. 222 с.
- Гуслистий 1939 - Гуслистий К.Г. Нариси з історії України. Вип. II. Київ: Видавництво АН УРСР, 1939. 194 с.
- Гуслистий 1967 - Гуслистий К.Г. До питання про утворення української нації. Київ: Знання УРСР, 1967. 54 с.
- Дворниченко 1995 - Дворниченко А.Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. С. 294-318.
- Довнар-Запольский 2016 - Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2016. 591 с.
- Дядиченко 1959 - Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII - XVIII. Київ: Видавництво АН УРСР, 1959. 532 с.
- Історія південних 1966 - Історія південних і західних слов'ян / Ред. В.А. Жебокрицький. Київ: Видавництво Київського університету, 1966. 423 с.
- Історія селянства 1967 - Історія селянства Української РСР. Т. 1 / Ред. В.А. Дядиченко. Київ: Наукова думка, 1967. 551 с.
- Історія козацтва 2006 - Історія українського козацтва: нариси. Т. 1 / Ред. В.А. Смолій. Київ: Києво-Могилянська академія, 2006. 799 с.
- Історія козацтва 2007 - Історія українського козацтва: нариси. Т. 2 / Ред. В.А. Смолій. Київ: Києво-Могилянська академія, 2007. 723 с.
- Касьянов 1999 - Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму. Київ: Либідь, 1999. 352 с.
- Когут 1996 - Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760-1830. Київ: Основи, 1996. 318 с.
- Компан 1954а - Компан О.С. Вплив визвольної війни українського народу на розвиток антифеодального руху в Польщі. Київ: Видавництво політичної літератури, 1954. 46 с.
- Компан 1954б - Компан О.С. Участь міського населення у визвольній війні українського роду 1648-1654 рр. Київ: Видавництво АН УРСР, 1954. 112 с.
- Кондорский 2013 - Кондорский Б.М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16-28.
- Кондорский 2015 - Кондорский Б.М. Сравнительно-исторические предпосылки революционных событий в Китае // Россия - Китай: история и культура. Сборник статей VIII Международной конференции. Казань: КазФУ, 2015. С. 105-112.
- Кондорский 2017а - Кондорский Б.М. Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX - начале XX века с позиций концепции революционного периода // Журнал региональной истории. 2017а. № 3. С. 73-91.
- Кондорский 2017б - Кондорский Б.М. Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. VI Зиминские чтения. М.: Древлехранилище, 2017б. С. 143-157.
- Кондорский 2019 - Кондорский Б.М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019. № 3. С. 112-131.
- Кондорский 2020 - Кондорский Б.М. Революционная концепция процесса исторического развития // VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества». М.: МГУ ФГП, 2020. С. 566-571.
- Кондорский 2021а - Кондорский Б.М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021а. № 1. С. 54-81.
- Кондорский 2021б - Кондорский Б.М. «Революции» в научных публикациях украинских историков // Свободная мысль. 2021б. № 4. С. 143-155.
- Кондорский 2022 - Кондорский Б.М. Влияние специфики исторического развития на современные социально-политические процессы // Ноосферные исследования. 2022. № 4. С. 143-155.
- Костомаров 1905 - Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV. Руина. Гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1905. 815 с.
- Костомаров 1994 - Костомаров Н.И. Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий. М.: Чарли, 1994. 768 с.
- Кремень 2007 - Кремень В.Г. Філософія національної ідеї. Людина. Освіта. Соціум. Київ: Грамота, 2007. 576 с.
- Крипякевич 1990 - Крипякевич І.П. Богдан Хмельницький. Львів: Світ, 1990. 408 с.
- Кульчицкий 1981 - Кульчицкий С.В. Партия Ленина - сила народная. Киев: Радянська школа, 1981. 112 с.
- Лепявко 2012 - Лепявко С.А. Козацькі війни К. Косинського та Наливайко. Київ: Світок, 2012. 121 с.
- Марочкін 1999 - Марочкін В.П. Українське місто від XV до середини XVII ст. Звичайно-правова атрибутика як історичне джерело. Торонто: Nupertext Plus, 1999. 156 с.

- Михайлюк 2009 - Михайлюк О.В. Концепція «української революції»: pro et contra // Гуманітарний журнал. 2009. № 3-4. С. 3-19.
- Мірчук 1973 - Мірчук П. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. Нью-Йорк: НТ ім. Шевченка, 1973. 318 с.
- Нечитайло 2004 - Нечитайло В. Селянське господарство фермерського типу в Україні: історія і сучасність. Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2004. 436 с.
- Оглоблин 1925 - Оглоблин А.П. Очерки истории украинской фабрики. Мануфактура в Гетманщине. Киев: Госиздат Украины, 1925. 268 с.
- Оловинцов 2018 - Оловинцов А. Статус Руси в XIII-XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние? М.: Алгоритм, 2018. 432 с.
- Папашенко 1995 - Папашенко В.В. Соціальна еліта Гетьманщини (друга половина XVII – XVIII ст.). Київ: ІУ НАНУ, 1995. 212 с.
- Перевезенцев 2018 - Перевезенцев С.В. Украина на исторических баррикадах, 2018 / Электронный ресурс: https://ruskline.ru/opp/2018/aprel/12/ukraina_na_istoricheskikh_barrikadah/ (Дата обращения – 23.03.2022).
- Перепелкин 2000 - Перепелкин Ю.М. История Древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2000. 559 с.
- Покровский 1933 - Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. II. М.: Соцэкгиз, 1933. 258 с.
- Сидоренко 1991 - Сидоренко О.Ф. До питання про участь України у європейській торгівлі Речі Посполитої // Україна і Польща в період феодалізму. Київ: Наукова думка, 1991. С. 47-59.
- Смолій, Степанков 1992 - Смолій В., Степанков В.С. У пошуках нової концепції історії Визвольної війни українського народу XVII ст. Київ: ІУ НАНУ, 1992. 41 с.
- Смолій, Степанков 1993 - Смолій В., Степанков В.С. Правобережна Україна у другій половині XVII – XVIII ст.: проблема державотворення. Київ: ІУ НАНУ, 1993. 71 с.
- Смолій, Степанков 1997 - Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII-XVIII століть: проблеми формування, еволюції і реалізації. Київ: Альтернативи, 1997. 367 с.
- Смолій, Степанков 1998 - Смолій В.А., Степанков В.С. Українська національна революція 1648-1676 рр. Крізь призму століть // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 3-12.
- Смолій, Степанков 1999 - Смолій В., Степанков В.С. Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 рр.). Київ: Альтернативи, 1999. 352 с.
- Смолій, Степанков 2009 - Смолій В., Степанков В.С. Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 рр.). Київ: Київ-Могиланська академія, 2009. 447 с.
- Смолій, Степанков 2014 - Смолій В.А., Степанков В.С. Інститут влади в політичній системі України (середина – друга половина XVII ст.). Київ: Наукова думка, 2014. 244 с.
- Смолій, Степанков 2016 - Смолій В.А., Степанков В.С. Українська національна революція (1648-1676 рр.). Київ: Арі, 2016. 480 с.
- Степанков 1991а - Степанков В.С. Богдан Хмельницький і проблема державності України // Український історичний журнал. 1991. № 11. С. 127-139.
- Степанков 1991б - Степанков В.С. Антифеодальна боротьба у роки Визвольної війни та її вплив на формування Української держави (1648-1654). Львів: Світ, 1991. 196 с.
- Степанков 1997 - Степанков В.С. Українська революція 1648-1676 рр. в контексті європейського революційного руху XVI-XVII ст.: спроба порівняльного аналізу // Український історичний журнал. 1997. № 1. С. 3-21.
- Струкевич 2002 - Струкевич О.К. Гетьманство у політико-культурному сприйнятті старшинської еліти // Український історичний журнал. 2002. № 4. С. 49-59.
- Струмилин 1966 - Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 514 с.
- Терещенко 1996 - Терещенко Ю.І. Україна і європейський світ: нарис історії від утворення старокиївської держави до кінця XVI ст. Київ: Перун, 1996. 496 с.
- Українська держава 2014 - Українська держава другої половини XVII-XVIII ст.: політика, суспільство, культура / Ред. В.С. Смолій. Київ: ІУ НАНУ, 2014. 671 с.
- Український гетьманат 2018 - Український гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII-XVIII ст. Кн. 1 / Ред. В.С. Смолій. Київ: ІУ НАНУ, 2018. 580 с.
- Ульянов 1996 - Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. 278 с.
- Утченко 1977 - Утченко С.Л. Политические учения древнего мира. М.: Наука, 1977. 257 с.
- Чухліб 2003а - Чухліб Т.В. Переяславська угода у контексті міжнародного утвердження ранньомодерної Української держави: причини, укладення, наслідки. Ч. II // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 43-63.
- Чухліб 2003б - Чухліб Т.В. Переяславська угода в контексті міжнародного утвердження ранньомодерної Української держави: причини, укладення, наслідки. Ч. III // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 46-61.
- Чухліб 2005 - Чухліб Т.В. Гетьмани і монархи. Українська держава у міжнародних відносинах 1648-1714 рр. Київ: Арістей, 2005. 640 с.
- Чухліб 2013 - Чухліб Т.В. «Руїна» як історичний та історіографічний термін: проблема різночитання // Вісник Київського національного університету. 2013. Вип. 3. С. 55-59.
- Шабаев 2012 - Шабаев А.Н. Два типа фермеров предпринимателей в Англии начала XVII в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1098-1102.
- Шевченко 1959 - Шевченко Ф.П. Політичні і економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ: Видавництво АН УРСР, 1959. 500 с.
- Щербак 1991 - Щербак В.О. Козацтво в класово-становій структурі українського суспільства (друга половина XV – середина XVII ст.) // Український історичний журнал. 1991. № 11. С. 43-52.

Щербак 2000 - Щербак В.О. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. Київ: Academia, 2000. 300 с.

Яворницький 1990 - Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1990. 560 с.

Яковенко 2009 - Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ: Критика, 2009. 584 с.

Яковлева 1998 - Яковлева Т.Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття: причини і початок Руїни. Київ: Основа, 1998. 447 с.

Яковлева 2003 - Яковлева Т.Г. Руїна Гетьманщини. Від Переяславської ради – до Андрусівської угоди (1659-1667). Київ: Основи, 2003. 651 с.

REFERENCES

Balushok 2008 - Balushok V.G. Ukraïns'ka etnichna spil'nota: etnogenez, istoriya, etnonimiya [Ukrainian ethnic community: ethnogenesis, history, ethnonymy], Bila Tserkva, Vidavec' O.V. Pshonkivs'kij Publ., 2008, 304 p. [in Ukrainian].

Baranovich 1959 - Baranovich A.N. Ukraina nakanune Osvoboditel'noj vojny serediny XVII v. (social'no-ekonomicheskie predposylki vojny) [Ukraine on the eve of the Liberation War of the middle of the XVII century (socio-economic prerequisites of the war)], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, 210 p. [in Russian].

Bojko 2010 - Bojko O.D. Istoriya Ukraïni [History Of Ukraine], Kyiv, Akademvidav Publ., 2010, 688 p. [in Ukrainian].

Borisenko 1986 - Borisenko V.J. Social'no-ekonomichnij rozvitok Livoberezhnoï Ukraïni v drugij polovini XVII st. [Socio-economic development of Left-Bank Ukraine in the second half of the XVII century], Kyiv, Naukova dumka Publ., 1986, 283 p. [in Ukrainian].

Borisenko 1998 - Borisenko V.J. Kurs Ukraïns'koï istoriï [Ukrainian history course], Kyiv, Libid' Publ., 1998, 614 p. [in Ukrainian].

Borisenko 2006 - Borisenko V.J., Bukovins'kij A.G., Vizer S.O. Evolyuciya Ukraïns'ko-rosijs'kih vidnosin u drugij polovini XVII st. [Evolution of Ukrainian-Russian relations in the second half of the XVII century], Kyiv, Starij svit Publ., 2006, 256 p. [in Ukrainian].

Borovoj 1940 - Borovoj S.YA. Nacional'no-osvoboditel'naya vojna Ukraïnskogo naroda protiv pol'skogo vladychestva i evrejskoe naselenie Ukrainy [The National Liberation War of the Ukrainian people against Polish rule and the Jewish population of Ukraine], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Vol. 9, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1940, pp. 81-124 [in Russian].

Bucinskij 1882 - Bucinskij P.N. O Bogdane Hmel'nickom [About Bogdan Khmel'nitsky], Harkov, Tipografiya Zil'berberga Publ., 1882, 240 p. [in Russian].

CHuhlib 2003a - CHuhlib T.V. Pereyaslavs'ka ugoda u konteksti mizhnarodnogo utverdzhennya rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavi: prichini, ukladennya, naslidki. CH. II [Pereyaslav agreement in the context of international approval of the early modern Ukrainian state: causes, conclusion, consequences. Part II], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 2003, № 3, pp. 43-63 [in Ukrainian].

CHuhlib 2003b - CHuhlib T.V. Pereyaslavs'ka ugoda v konteksti mizhnarodnogo utverdzhennya rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavi: prichini, ukladennya, naslidki. CH. III [Pereyaslav agreement in the context of international approval of the early modern Ukrainian state: causes, conclusion, consequences. Part III], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 2003, № 4, pp. 46-61 [in Ukrainian].

CHuhlib 2005 - CHuhlib T.V. Get'mani i monarhi. Ukraïns'ka derzhava u mizhnarodnih vidnosinah 1648-1714 rr. [Hetmans and monarchs. Ukrainian state in international relations 1648-1714], Kyiv, Aristej Publ., 2005, 640 p. [in Ukrainian].

CHuhlib 2013 - CHuhlib T.V. «Ruïna» yak istorichnij ta istoriografichnij termin: problema riznochitannya ["Ruin" as a historical and historiographical term: the problem of discrepancies], in: Visnik Kiïvs'kogo nacional'nogo universitetu [Bulletin of the Kyiv National University], 2013, Vol. 3, pp. 55-59 [in Ukrainian].

Dovnar-Zapol'skij 2016 - Dovnar-Zapol'skij M.V. Istoriya Belorussii [History of Belarus], Minsk, Belarus' Publ., 2016, 591 p. [in Russian].

Dvornichenko 1995 - Dvornichenko A.YU. K probleme vostochnoslavjanskogo politogeneza [On the problem of East Slavic politogenesis], in: Rannie formy politicheskoy organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti [Early forms of political organization: from Primitiveness to Statehood], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, pp. 294-318 [in Russian].

Dyadichenko 1959 - Dyadichenko V.A. Narisi suspil'no-politichnogo ustroyu Livoberezhnoï Ukraïni kincy XVIII – XVIII [Essays on the socio-political structure of Left – Bank Ukraine at the end of the XVII-XVIII centuries], Kyiv, Vidavnictvo AN URSSR Publ., 1959, 532 p. [in Ukrainian].

Gazin 2001 - Gazin V. Get'manstvo Pavla Teteri: sproba podolannya suspil'no-politichnoï krizi v Ukraïns'kij derzhavi (1663-1665 rr.). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Hetmanate of Pavel Teteri: an attempt to overcome the socio-political crisis in the Ukrainian state (1663-1665). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences], Kyiv, 2001, 20 p. [in Ukrainian].

Golobuckij 1962 - Golobuckij V. Diplomaticeskaya istoriya Osvoboditel'noj vojny Ukraïnskogo naroda 1648-1654 gg. [Diplomatic history of the Liberation War of the Ukrainian people 1648-1654], Kiev, Gospolitizdat USSR Publ., 1962, 360 p. [in Russian].

Golobuc'kij 1994 - Golobuc'kij V. Zaporoz'ke kozactvo [Zaporozhye Cossacks], Kyiv, Vishcha shkola Publ., 1994, 539 p. [in Ukrainian].

Gorobec' 2007 - Gorobec' V. «Volimo carya skhidnogo...». Ukraïns'kij get'manat ta rosijs'ka dinastiya do i pislya Pereyaslava ["We will call the king of the East". Ukrainian hetmanate and Russian dynasty before and after Pereyaslav], Kyiv, Kritika Publ., 2007, 462 p. [in Ukrainian].

Gorobec' 2013 - Gorobec' V.M. «Chorna rada» 1663 r.: podiya ta її sociopolitichnij kontekst [The black Council of 1663: an event and its socio-political context], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 2013, № 4, pp. 78-111 [in Ukrainian].

- Gurbik 1997** - Gurbik A.O. Agrarna reforma v Ukraïni XVI v. [Agrarian reform in Ukraine of the XVI century], Kyiv, IIU NANU Publ., 1997, 63 p. [in Ukrainian].
- Gurbik 1998** - Gurbik A.O. Evolyuciya social'no-teritorial'nih spil'not v seredn'ovichnij Ukraïni [Evolution of socio-territorial communities in medieval Ukraine], Kyiv, IIU NANU Publ., 1998, 319 p. [in Ukrainian].
- Gurzhiy 1994** - Gurzhiy O.I. Evolyuciya social'noi strukturi selyanstva Livoberezhnoï ta Slobids'koï Ukraïni (druga polovina XVII-XVIII st.) [Evolution of the social structure of the peasantry of Left-Bank and Sloboda Ukraine (second half of the XVII-XVIII centuries)], Kyiv, IIU NANU Publ., 1994, 107 p. [in Ukrainian].
- Gurzhiy 1996** - Gurzhiy O. Ukraïns'ka kozac'ka derzhava v drugij polovini XVII-XVIII st.: kordoni, naseleennya, pravo [Ukrainian Cossack state in the second half of the XVII-XVIII centuries: borders, population, law], Kyiv, Osnova Publ., 1996, 222 p. [in Ukrainian].
- Guslistij 1939** - Guslistij K.G. Narisi z istorii Ukraïni [Essays on the history of Ukraine], Vol. II, Kyiv, Vidavnictvo AN URSR Publ., 1939, 194 p. [in Ukrainian].
- Guslistij 1967** - Guslistij K.G. Do pitannya pro utvorennya Ukraïns'koï nacii [On the question of the formation of the Ukrainian nation], Kyiv, Znannya URSR Publ., 1967, 54 p. [in Ukrainian].
- Gvozdik-Pricak 1999** - Gvozdik-Pricak L. Ekonomichna i politichna viziya Bogdana Hmel'nic'kogo ta ii realizaciya v derzhavi Vijs'ko Zaporoz'ke [Economic and political vision of Bohdan Khmelnytsky and its implementation in the State Army of Zaporozhye], Kyiv, IUAD NANU Publ., 1999, 216 p. [in Ukrainian].
- Kas'yanov 1999** - Kas'yanov G.V. Teorii nacii ta nacionalizmu [Theories of nation and nationalism], Kyiv, Libid' Publ., 1999, 352 p. [in Ukrainian].
- Kogut 1996** - Kogut Z. Rosijs'kij centralizm i Ukraïns'ka avtonomiya. Likvidaciya Get'manshchini 1760-1830 [Russian centralism and Ukrainian autonomy. Liquidation Of The Hetmanate 1760-1830], Kyiv, Osnovi Publ., 1996, 318 p. [in Ukrainian].
- Kompan 1954a** - Kompan O.S. Vpliv vizvol'noi vijni Ukraïns'kogo narodu na rozvitok antifeodal'nogo ruhu v Pol'shchi [Influence of the liberation war of the Ukrainian people on the development of the anti-feudal movement in Poland], Kyiv, Vidavnictvo politichnoï literaturi Publ., 1954, 46 p. [in Ukrainian].
- Kompan 1954b** - Kompan O.S. Uchast' mis'kogo naseleennya u vizvol'nij vijni Ukraïns'kogo rodu 1648-1654 rr. [Participation of the urban population in the liberation war of the Ukrainian family of 1648-1654], Kyiv, Vidavnictvo AN URSR Publ., 1954, 112 p. [in Ukrainian].
- Kondorskij 2013** - Kondorskij B.M. Arhaicheskaya revolyuciya v drevnem Kitae (popytka sravnitel'no-istoricheskogo analiza) [Archaic Revolution in Ancient China (an attempt at comparative historical analysis)], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLIII, Part 2, Moscow, IV RAN Publ., 2013, pp. 16-28 [in Russian].
- Kondorskij 2015** - Kondorskij B.M. Sravnitel'no-istoricheskie predposylki revolyucionnyh sobytij v Kitae [Comparative historical background of revolutionary events in China], in: Rossiya – Kitaj: istoriya i kul'tura. Sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj konferencii [Russia – China: History and Culture. Collection of articles of the VIII International Conference], Kazan, KazFU Publ., 2015, pp. 105-112 [in Russian].
- Kondorskij 2017a** - Kondorskij B.M. Popytka analiza haraktera razvitiya kapitalizma v Rossii v konce XIX – nachale XX veka s pozicij koncepcii revolyucionnogo perioda [An attempt to analyze the nature of the development of capitalism in Russia in the late XIX – early XX century from the standpoint of the concept of the revolutionary period], in: ZHurnal regional'noj istorii [Journal of Regional History], 2017a, № 3, pp. 73-91 [in Russian].
- Kondorskij 2017b** - Kondorskij B.M. Harakter formirovaniya i razvitiya knyazheskoj vlasti v Drevnej Rusi [The nature of the formation and development of princely power in Ancient Russia], in: Tvorcheskoe nasledie A.A. Zimina i sovremennaya rossijskaya istoriografiya. VI Ziminskije chteniya [A.A. Zimin's creative heritage and modern Russian historiography. VI Winter Readings], Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2017b, pp. 143-157 [in Russian].
- Kondorskij 2019** - Kondorskij B.M. Recidivy arhaicheskikh social'nyh institutov v ramkah politicheskikh rezhimov postsovetskih gosudarstv [Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet States], in: Istorija i sovremennost' [History and modernity], 2019, № 3, pp. 112-131 [in Russian].
- Kondorskij 2020** - Kondorskij B.M. Revolyucionnaya koncepciya processa istoricheskogo razvitiya [The revolutionary concept of the process of historical development], in: VI Mezhdunarodnyj nauchnyj kongress «Globalistika 2020: Global'nye problemy i budushchee chelovechestva» [VI International Scientific Congress "Globalistics 2020: Global Problems and the Future of Humanity"], Moscow, MGU FGP Publ., 2020, pp. 566-571 [in Russian].
- Kondorskij 2021a** - Kondorskij B.M. K voprosu ob istorii gosudarstvennosti Ukrainy [On the question of the history of statehood of Ukraine], in: Istorija i sovremennost' [History and modernity], 2021a, № 1, pp. 54-81 [in Russian].
- Kondorskij 2021b** - Kondorskij B.M. «Revoljucii» v nauchnyh publikacijah Ukraïns'kih istorikov ["Revolutions" in scientific publications of Ukrainian historians], in: Svobodnaya mysl' [Free thought], 2021b, № 4, pp. 143-155 [in Russian].
- Kondorskij 2022** - Kondorskij B.M. Vliyanie specifiki istoricheskogo razvitiya na sovremennye social'no-politicheskie processy [The influence of the specifics of historical development on modern socio-political processes], in: Noosfernyje issledovaniya [Noospheric research], 2022, № 4, pp. 143-155 [in Russian].
- Kostomarov 1905** - Kostomarov N.I. Sobranie sochinenij. Istoricheskie monografii i issledovaniya. Kn. 6. T. XV. Ruina. Getmanstvo Bryuhoveckogo, Mnogogreshnogo i Samojlovicha [Collected works. Historical monographs and research. Book 6. Volume XV. Ruin. Hetmanate of Bryukhovetsky, Mnogogreshny and Samoilovich], Saint-Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha Publ., 1905, 815 p. [in Russian].
- Kostomarov 1994** - Kostomarov N.I. Materialy i issledovaniya. Bogdan Hmel'nickij [Materials and research. Bogdan Khmelnytsky], Moscow, CHarli Publ., 1994, 768 p. [in Russian].
- Kremen' 2007** - Kremen' V.G. Filosofiya nacional'noi idei. Lyudina. Osvita. Socium [Philosophy of the National idea. A man. Education. Society], Kyiv, Gramota Publ., 2007, 576 p. [in Ukrainian].
- Kripyakevich 1990** - Kripyakevich I.P. Bogdan Hmel'nic'kij [Bohdan Khmelnytsky], Lviv, Svit Publ., 1990, 408 p. [in Ukrainian].
- Kul'chickij 1981** - Kul'chickij S.V. Partiya Lenina – sila narodnaya [Lenin's Party is a people's power], Kiev, Radyans'ka shkola Publ., 1981, 112 p. [in Russian].

- Lepyavko 2012** - Lepyavko S.A. Kozac'ki vijni K. Kosins'kogo ta Nalivajko [Cossack wars of K. Kosinsky and Nalyvaiko], Kyiv, Svitok Publ., 2012, 121 p. [in Ukrainian].
- Marochkin 1999** - Marochkin V.P. Ukraïns'ke misto vid XV do seredini XVII st. Zvichajno-pravova atributika yak istorichne dzherelo [Ukrainian city from the XV to the middle of the XVII century of course-legal paraphernalia as a historical source], Toronto, Hupertext Plus Publ., 1999, 156 p. [in Ukrainian].
- Mihajlyuk 2009** - Mihajlyuk O.V. Koncepciya «ukraïns'koi revolyucii»: pro et contra [The concept of the "Ukrainian Revolution": pro et contra], in: Gumanitarnij zhurnal [Humanitarian Journal], 2009, № 3-4, pp. 3-19 [in Ukrainian].
- Mirchuk 1973** - Mirchuk P. Koliïvshchina. Gajdamac'ke povstannya 1768 r. [Koliivshchyna. Gaidamak uprising of 1768], New York, NT im. SHEvchenka Publ., 1973, 318 p. [in Ukrainian].
- Nechitajlo 2004** - Nechitajlo V. Selyans'ke gospodarstvo fermers'kogo tipu v Ukraïni: istoriya i suchasnist' [Farm-type farming in Ukraine: history and modernity], Kamenets-Podolsky, Aksioma Publ., 2004, 436 p. [in Ukrainian].
- Ogloblin 1925** - Ogloblin A.P. Ocherki istorii ukraïnskoj fabriki. Manufaktura v Getmanshchine [Essays on the history of the Ukrainian factory. Manufacture in the Hetmanate], Kiev, Gosizdat Ukrainy Publ., 1925, 268 p. [in Russian].
- Olovincov 2018** - Olovincov A. Status Rusi v XIII-XVI vekah. Tyurki ili mongoly? Igo ili protivostoyanie? [The status of Russia in the XIII-XVI centuries. Turks or Mongols? Yoke or confrontation?], Moscow, Algoritm Publ., 2018, 432 p. [in Russian].
- Papashenko 1995** - Papashenko V.V. Social'na elita Get'manshchini (druga polovina XVII – XVIII st.) [Social elite of the Hetmanate (second half of the XVII-XVIII centuries)], Kyiv, IIU NANU Publ., 1995, 212 p. [in Ukrainian].
- Perepelkin 2000** - Perepelkin YU.M. Istoriya Drevnego Egipta [History of Ancient Egypt], Saint-Petersburg, Letnij sad Publ., 2000, 559 p. [in Russian].
- Perevezencev 2018** - Perevezencev S.V. Ukraina na istoricheskikh barrikadah [Ukraine on the historical barricades], 2018, Electronic resource: https://ruskline.ru/opp/2018/aprel/12/ukraina_na_istoricheskikh_barrikadah/ (Date of access – 23.03.2022) [in Russian].
- Pokrovskij 1933** - Pokrovskij M.N. Russkaya istoriya s drevnejshih vremen [Russian history since ancient times], Vol. II, Moscow, Socekgiz Publ., 1933, 258 p. [in Russian].
- SHabaev 2012** - SHabaev A.N. Dva tipa fermerov predprinimatelej v Anglii nachala XVII v. [Two types of farmers entrepreneurs in England at the beginning of the XVII century], in: Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [News of the Penza State Pedagogical University. Humanities], 2012, № 27, pp. 1098-1102 [in Russian].
- SHCHerbak 1991** - SHCHerbak V.O. Kozactvo v klasovo-stanovij strukturi ukraïns'kogo suspil'stva (druga polovina XV – seredina XVII st.) [Cossacks in the class-class structure of Ukrainian society (second half of the XV – middle of the XVII century)], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 1991, № 11, pp. 43-52 [in Ukrainian].
- SHCHerbak 2000** - SHCHerbak V.O. Ukraïns'ke kozactvo: formuvannya social'nogo stanu. Druga polovina XV – seredina XVII st. [Ukrainian Cossacks: formation of social status. The second half of the XV – middle of the XVII century], Kyiv, Academia Publ., 2000, 300 p. [in Ukrainian].
- SHevchenko 1959** - SHEvchenko F.P. Politichni i ekonomichni zv'yazki Ukraïni z Rosieyu v seredini XVII st. [Political and economic relations of Ukraine with Russia in the middle of the XVII century], Kyiv, Vidavnictvo AN URSS Publ., 1959, 500 p. [in Ukrainian].
- Sidorenko 1991** - Sidorenko O.F. Do pitannya pro uchast' Ukraïni u evropejs'kij torgivli Rechi Pospolitoï [On the issue of Ukraine's participation in the European trade of the Polish-Lithuanian Commonwealth], in: Ukraïna i Pol'shcha v period feodalizmu [Ukraine and Poland during the period of feudalism], Kyiv, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 47-59 [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 1992** - Smolij V., Stepankov V.S. U poshukah novoi koncepcii istorii Vizvol'noi vijni ukraïns'kogo narodu XVII st. [In search of a new concept of the history of the Liberation War of the Ukrainian people of the XVII century], Kyiv, IIU NANU Publ., 1992, 41 p. [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 1993** - Smolij V., Stepankov V.S. Pravoberezhna Ukraina u drugij polovini XVII – XVIII st.: problema derzhavotvorennia [Right-bank Ukraine in the second half of the XVII-XVIII centuries: the problem of the state], Kyiv, IIU NANU Publ., 1993, 71 p. [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 1997** - Smolij V.A., Stepankov V.S. Ukraïns'ka derzhavna ideya XVII-XVIII stolit': problemi formuvannya, evolyucii i realizacii [Ukrainian state idea of the XVII-XVIII centuries: problems of formation, evolution and implementation], Kyiv, Al'ternativi Publ., 1997, 367 p. [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 1998** - Smolij V.A., Stepankov V.S. Ukraïns'ka nacional'na revolyuciya 1648-1676 rr. Kriz' prizmu stolit' [Ukrainian national revolution of 1648-1676 through the prism of centuries], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 1998, № 3, pp. 3-12 [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 1999** - Smolij V., Stepankov V.S. Ukraïns'ka nacional'na revolyuciya XVII st. (1648-1676 rr.) [Ukrainian national revolution of the XVII century (1648-1676)], Kyiv, Al'ternativi Publ., 1999, 352 p. [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 2009** - Smolij V., Stepankov V.S. Ukraïns'ka nacional'na revolyuciya XVII st. (1648-1676 rr.) [Ukrainian national revolution of the XVII century (1648-1676)], Kyiv, Kiïvo-Mogilyans'ka akademiya Publ., 2009, 447 p. [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 2014** - Smolij V.A., Stepankov V.S. Institut vladi v politichnij sistemii Ukraïni (seredina – druga polovina XVII st.) [Institute of power in the political system of Ukraine (mid – second half of the XVII century)], Kyiv, Naukova dumka Publ., 2014, 244 p. [in Ukrainian].
- Smolij, Stepankov 2016** - Smolij V.A., Stepankov V.S. Ukraïns'ka nacional'na revolyuciya (1648-1676 rr.) [Ukrainian national revolution (1648-1676)], Kyiv, Arij Publ., 2016, 480 p. [in Ukrainian].
- Stepankov 1991a** - Stepankov V.S. Bogdan Hmel'nic'kij i problema derzhavnosti Ukraïni [Bohdan Khmelnytsky and the problem of Ukrainian statehood], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 1991, № 11, pp. 127-139 [in Ukrainian].
- Stepankov 1991b** - Stepankov V.S. Antifeodal'na borot'ba u roki Vizvol'noi vijni ta ii vpliv na formuvannya Ukraïns'koi derzhavi (1648-1654) [Anti-feudal struggle during the war of liberation and its influence on the formation of the Ukrainian state (1648-1654)], Lviv, Svit Publ., 1991, 196 p. [in Ukrainian].

- Stepankov 1997** - Stepankov V.S. Ukraïns'ka revolyuciya 1648-1676 rr. v konteksti evropejs'kogo revolyucijnogo ruhu XVI-XVII st.: sproba porivnyal'nogo analizu [The Ukrainian revolution of 1648-1676 in the context of the European revolutionary movement of the XVI-XVII centuries: an attempt at comparative analysis], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 1997, № 1, pp. 3-21 [in Ukrainian].
- Strukevich 2002** - Strukevich O.K. Get'manstvo u politiko-kul'turnomu sprijnyatti starshins'koï eliti [Hetmanate in the political and cultural perception of the senior elite], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical journal], 2002, № 4, pp. 49-59 [in Ukrainian].
- Strumilin 1966** - Strumilin S.G. Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR [Essays on the Economic History of Russia and the USSR], Moscow, Nauka Publ., 1966, 514 p. [in Russian].
- Tereshchenko 1996** - Tereshchenko YU.I. Ukraïna i evropejs'kij svit: naris istorii vid utvorennya starokiïvs'koï derzhavi do kincy XVI st. [Ukraine and the European world: an outline of the history from the formation of the starokiev state to the end of the XVI century], Kyiv, Perun Publ., 1996, 496 p. [in Ukrainian].
- Ukraïns'ka derzhava 2014** - Ukraïns'ka derzhava drugoi polovini XVII-XVIII st.: politika, suspil'stvo, kul'tura / Red. V.S. Smolij [Ukrainian state of the second half of the XVII-XVIII centuries: politics, society, culture / Editor V.S. Smolij], Kyiv, IIU NANU Publ., 2014, 671 p. [in Ukrainian].
- Ukraïns'kij get'manat 2018** - Ukraïns'kij get'manat: narisi istorii nacional'nogo derzhavotvorennya XVII-XVIII st. Kn. 1 / Red. V.S. Smolij [Ukrainian hetmanate: essays on the history of the national state of the XVII-XVIII centuries. Book 1 / Editor V.S. Smolij], Kyiv, IIU NANU Publ., 2018, 580 p. [in Ukrainian].
- Ul'yanov 1996** - Ul'yanov N.I. Proiskhozhdenie ukrainskogo separatizma [The origin of Ukrainian separatism], Moscow, Indrik Publ., 1996, 278 p. [in Russian].
- Utchenko 1977** - Utchenko S.L. Politicheskie ucheniya drevnego mira [Political teachings of the ancient world], Moscow, Nauka Publ., 1977, 257 p. [in Russian].
- YAkovenko 2009** - YAkovenko N. Naris istorii seredn'ovichnoi ta rann'omodernoï Ukraïni [Essay on the history of medieval and Early Modern Ukraine], Kyiv, Kritika Publ., 2009, 584 p. [in Ukrainian].
- YAkovleva 1998** - YAkovleva T.G. Get'manshchina v drugij polovini 50-h rokiv XVII stolittya: prichini i pochatok Ruïni [Hetmanate in the second half of the 50s of the XVII century: causes and beginning of ruins], Kyiv, Osnova Publ., 1998, 447 p. [in Ukrainian].
- YAkovleva 2003** - YAkovleva T.G. Ruïna Get'manshchini. Vid Pereyaslavs'koï radi – do Andrusivs'koï ugodi (1659-1667) [Ruin Of The Hetmanate. From the Pereyaslavl Rada to the Andrusovo agreement (1659-1667)], Kyiv, Osnovi Publ., 2003, 651 p. [in Ukrainian].
- YAvornic'kij 1990** - YAvornic'kij D.I. Istorija zaporoz'kih kozakiv [History of Zaporozhye Cossacks], Vol. 2, Kyiv, Naukova dumka Publ., 1990, 560 p. [in Ukrainian].
- Istorija pivdennih 1966** - Istorija pivdennih i zahidnih slovyan / Red. V.A. Zhebokric'kij [History of Southern and Western Slavs / Editor V.A. Zhebokritsky], Kyiv, Vidavnictvo Kiïvs'kogo universitetu Publ., 1966, 423 p. [in Ukrainian].
- Istorija selyanstva 1967** - Istorija selyanstva Ukraïns'koï RSR. T. 1 / Red. V.A. Dyadichenko [History of the peasantry of the Ukrainian SSR. Volume 1 / Editor V.A. Dyadichenko], Kyiv, Naukova dumka Publ., 1967, 551 p. [in Ukrainian].
- Istorija ukraïns'kogo kozactva 2006** - Istorija ukraïns'kogo kozactva: narisi. T. 1 / Red. V.A. Smolij [History of the Ukrainian Cossacks: essays. Volume 1 / Editor V.A. Smolij], Kyiv, Kievo-Mogilyans'ka akademiya Publ., 2006, 799 p. [in Ukrainian].
- Istorija ukraïns'kogo kozactva 2007** - Istorija ukraïns'kogo kozactva: narisi. T. 2 / Red. V.A. Smolij [History of the Ukrainian Cossacks: essays. Volume 2 / Editor V.A. Smolij], Kyiv, Kievo-Mogilyans'ka akademiya Publ., 2007, 723 p. [in Ukrainian].

Кондорский Борис Михайлович

– Независимый исследователь (Донецк, Россия).

Boris Kondorsky

– Independent researcher (Donetsk, Russia).

bmkbbox@mail.ru

ЗАЩИТА НАСЛЕДИЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ. И СОВРЕМЕННОЕ ЮНОШЕСТВО РОССИИ

А.А. Карпенко

Волгодонский Техникум информационных технологий, бизнеса и дизайна им. В.В. Самарского
Россия, 347380, Ростовская область, Волгодонск, ул. Гагарина, 13
e-mail: alnikar1953@mail.ru
Researcher ID: F-1250-2018
<http://orcid.org/0000-0001-5905-2313>
SPIN-код: 1459-5673

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В период с 30 октября по 2 ноября 2023 г. среди учащихся Волгодонского техникума информационных технологий, бизнеса и дизайна имени В.В. Самарского (возраст опрашиваемых от 16 до 20 лет) было проведено анкетирование на тему «Пересмотр итогов Второй Мировой войны: вызов России, или веление времени?». Результаты опроса представляют несомненный интерес для исследователей. Волгодонск – типичный средний (около 170 тысяч человек) город Российской Федерации, в своё время собранный из выходцев со всего Союза, что для любого опроса представляется немаловажным. В целом, опрос, проводившийся менее чем за одну неделю, показал, по крайней мере, внешний, легко угадываемый в ответах, патриотический настрой современного учащегося юношества. Это тем более важно, что количество молодых людей, обучающихся в сфере среднего профессионального образования, очень велико, и результаты опроса, хоть и с некоторыми оговорками, можно проецировать на всё современное российское юношество.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, опрос, историческое наследие.

PROTECTION OF THE LEGACY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 AND PRESENT-DAY YOUTH OF RUSSIA

Andrey Karpenko

Volgodonsk College of Information Technology, Business and Design named after V.V. Samarsky
Russia, 347380, Rostov region, Volgodonsk, Gagarin Street, 13
e-mail: alnikar1953@mail.ru

ABSTRACT

In the period from October 30 to November 2, 2023, a survey was conducted among students (age of respondents was from 16 to 20 years) of the Volgodonsk Technical College of Information Technologies, Business and Design named after V.V. Samarsky on the topic Revision of the Results of the Second World War: A Challenge to Russia, or the Dictate of the Time? The survey results are of undoubted interest to researchers. Volgodonsk is a typical medium-sized (about 170 thousand people) city of the Russian Federation, at one time made up of people from all over the Union, which is of high importance for any survey. On the whole, the survey, conducted in less than one week, showed, at least externally, the patriotic mood, easily guessed in the answers, in today's young students. This is all the more important because the number of young people enrolled in secondary vocational education is very large, and the survey results, although with some reservations, can be projected onto the entire present-time Russian youth.

KEYWORDS: Great Patriotic War, survey, historical heritage.

Памяти Александра Николаевича Карпенко (1953-2023) посвящается

В период с 30 октября по 2 ноября 2023 г. среди учащихся Волгодонского техникума информационных технологий, бизнеса и дизайна имени В.В. Самарского (возраст опрашиваемых от 16 до 20 лет) было проведе-

но анкетирование на тему «Пересмотр итогов Второй Мировой войны: вызов России, или веление времени?».

Результаты опроса представляют несомненный интерес для исследователей. Хотя опрос был проведён

в одном небольшом городе, всё же, представляется, что данные в целом по России мало бы чем отличались. Волгодонск – типичный средний (около 170 тысяч человек) город Российской Федерации, в своё время собранный из выходцев со всего Союза, что для любого опроса представляется немаловажным¹.

От участников опроса требовался один ответ на каждый из 8 вопросов. Опрос проводился как в письменной форме среди учащихся одного из старейших техникумов (с 2009 года). От участников опроса требовался один ответ на каждый из вопросов. Камеральная обработка проводилась по всем 251 ответам. Опрашивал: автор данного исследования, преподаватель Волгодонского техникума информационных технологий, бизнеса и дизайна имени В.В. Самарского – А.А. Карпенко. Подсчёт проводился у всех 251-ти опрошенных.

Ответы на вопросы опровергли сложившееся распространённое мнение об отсутствии патриотизма среди современного юношества и её полной апатии к изучению истории, о невнимании к современной политической жизни в стране и мире и т.д.

На вопрос № 1: «Кем было спровоцировано крупномасштабное советско-германское столкновение в Восточной Европе в 1-й половине 40-х гг.?, то есть, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. лишь 3 человека (около 1 %) «затруднились ответить» или поставили «другое» (Г), что говорит о его актуальности и правильности формулировки. Как и ожидалось, абсолютное большинство (226 человек, или около 90% респондентов) посчитало зачинщиками войны между Германией и СССР на Восточном фронте «немецко-фашистские милитаристские круги и их союзников» (А), то есть Гитлеровскую Германию и её сателлитов, а абсолютное меньшинство (10 человек, или около 4% респондентов) – «Советский Союз или лично Сталина» (Б). К немалому удивлению всего 12 человек (или около 5% респондентов) считают виновником войны «некую третью силу (США и Великобританию, «Мировое правительство», масонов, сионистов)» и других (В). Это можно объяснить либо полным отсутствием распространения или популярности в среде молодёжи идей национал-социализма, либо же обострением отношений между Германией и Россией при современном канцлерстве в Германии Олафа Шольца.

1 Карпенко А.Н., Карпенко А.А. Анкета социального опроса (рукопись). К сожалению, 31 августа 2023 г. на 71-ом году жизни скоропостижно скончался соавтор, использованной в работе анкеты, к.и.н. Александр Николаевич Карпенко. Это был известный на Дону учёный и журналист, у которого был ряд публикаций в крупных российских научных журналах (в том числе в таких журналах как «Российская история» (ныне «Отечественная история»), альманах «Казачество», «Исторический формат» и др.). Круг вопросов, затрагиваемых им в своих работах был чрезвычайно широким – от ранней истории нашей страны и соседних стран до истории казачества XIX-XX вв. и истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Помимо этого, в течении 43-х лет он совмещал педагогическую деятельность в различных школах, техникумах, СУЗах (в том числе в Волгодонском Техникуме информационных технологий, бизнеса и дизайна имени В.В. Самарского, с которым он был знаком лично при его жизни) и ВУЗах с журналистской работой, являясь одним из старейших журналистов города (свыше 200 его материалов было опубликовано только в первую пятилетку нынешнего века, а публиковался он с 1970-х гг.). Вечная ему память и Царствие ему Небесное!

На вопрос № 2: «Как Вы считаете, каково было соотношение вклада в Победу во Второй Мировой войне СССР и союзников?» «затруднились ответить», или поставили «другое» (Г) лишь 5 человек (2 %). «Решающим вклад СССР при минимально допустимой помощи союзников» (А) посчитало большинство респондентов – почти половина (119 человек, или около 47%). «Весомым вклад СССР, при максимально допустимой помощи союзников» (Б) посчитало около трети опрошенных (83 человека, или около 33%). «Равным вклад в Победу со стороны всех стран участников – США, СССР, Великобритании, Франции, Китая и других» (В), посчитало всего 44 человека (около 18% опрошенных). То есть, несмотря на засилье в 1990-х – до начала 2020-х гг. на наших телеэкранах (и особенно в кинотеатрах) западных фильмов, пропагандирующих решающий вклад США и их союзников в Победу, почти половина студентов по-прежнему считают двумя главными действующими силами войны – СССР и Германию (47%). Равный вклад СССР и союзников признают – лишь 18%, а «максимально возможной или допустимой» помощь, оказанную союзниками, – около 1/3 студентов (около 33%).

На вопрос № 3: «Как Вы считаете, каким был характер участия СССР во Второй Мировой войне?» «затруднились ответить», или выбрали «другой» вариант ответа (Г) всего 4 человека (около 2% опрошенных). Характер участия СССР во Второй Мировой войне посчитало «справедливым, так как пришлось защищать свою территорию от нападения агрессоров» (А) посчитало почти 2/3 опрошенных (154 человека, или 61 %), что говорит о глубоком чувстве патриотизма среди современного юношества. У 72 человек (29% опрошенных), вероятно, вызвала обиду реакция современных Восточноевропейских стран на героические усилия Советской Армии по их освобождению. И они посчитали характер участия СССР во Второй мировой войне «частично справедливым, так как СССР участвовал в освобождении стран Восточной Европы, якобы не желавших этого освобождения» (Б). И лишь около 8% респондентов (21 человек) посчитало характер участия СССР во Второй Мировой войне «несправедливым, так как война была неизбежной и СССР, наряду с Германией, участвовал в переделе мира» (В). Даже эта, корректно сформулированная, прагматичная версия ответа, не вызвала сколько-нибудь значительного сочувствия у современной российской молодёжи.

На вопрос № 4: «Как Вы считаете, что послужило глубинными предпосылками для постановки вопроса о пересмотре итогов Второй Мировой войны?» «затруднилось ответить?» «затруднились ответить» (Г) всего 29 человек (около 11,5%). Зато 50,5% (127 человек) посчитало справедливость аргументации «выводов А и Б вместе взятых» (В), что говорит об их справедливости. И здесь главным оказывается «полная потеря влияния нашей страны в Центральной и Восточной Европе в 80-е и 90-е гг. XX в.» (Б) (67 человек, или около 27%), и лишь следствием этого является, для студентов, «безработная сдача ГДР и вывод Западной Советской группировки войск оттуда» (А) (28 человек, или около 11%). То есть, студенты не отделяют события в Восточной Германии

в 1989-1994 гг. от общей картины событий в Центральной и Восточной Европе в 1980-1990-е гг., что похвально. Но ослабление СССР, по их мнению, судя по полученным данным, началось до событий в ГДР. С исторической точки зрения данный тезис не бесспорен, но с точки зрения патриотизма он имеет смысл. Учащиеся, вероятно, не могут полностью осознать или принять тот факт, что именно неграмотная политика руководства СССР за достаточно короткое время, по сути, развалила разрушила систему Социалистического лагеря.

На вопрос № 5: «Как Вы считаете, что является главной причиной активизации сил, стремящихся к пересмотру итогов Второй Мировой войны, в отношении России?» «затруднились ответить» (В) вдвое большее число учащихся, чем на предыдущий (всего 57 человек, или около 22,5%), несмотря на наличие варианта «Другое» (Д), за которое ответили 2 человека (или 1% опрошенных). Но то, как студенты отвечали на первые два пункта вопроса, говорит о том, что патриотизм отнюдь не перекрывает явления реальной действительности. Главной причиной активизации процесса пересмотра итогов Второй Мировой войны они склонны видеть скорее в «усилении на международной арене позиций стран – бывших агрессоров и их бывших сателлитов (Германии, Японии и других)» (Б) (148 человек, или около 59%), нежели чем в «слабости России и неспособности бывших наших властей отстаивать интересы страны» в 1990-е гг. (А) (44 человека, или около 17,5%).

На вопрос № 6: «Нужно ли позволить Калининградской области войти в Европейские структуры отдель-

но от России?», что это сделать не нужно и нельзя, так как «это приведёт к потере Калининграда и фактической сдаче позиций России в Балтийском море» (В) и «мы потеряем самые крупные в Мире месторождения янтаря» (Г), а «русское население, будет постепенно «выдавливаться» из этого региона» (Д) посчитало 218 человек (около 87%) (соответственно 141 человек, или около 56% + 39 человек, или около 16% + 38 человек, или около 15%). То есть, почти 9/10 опрошенных респондентов посчитало невозможным в принципе, или важным, не внедрять российский анклав в Европейские структуры отдельно от России. Этот ныне вовсе неактуальный вопрос часто ставился в среде российской общественности и особенности в самом этом регионе до событий весны 2014 года.

Возможным это сделать, «так как исторически Калининград был частью Восточной Пруссии, входившей в состав Германии» – европейской страны, посчитали, как и ожидалось, немногие (всего 10 человек, или около 4%) (Б). Удивляет другое: основной мотивировкой сторонников внедрения Калининграда в Европейские структуры раньше России являлся тот аргумент, что «жители Калининграда страдают из-за двойной изоляции (территориальной – А.К.) – от России, и (политико-экономической – А.К.) – от Европы» (А). Но подобную аргументацию, к удивлению, принимает небольшое число респондентов (всего 23 человека, то есть, около 9%). То есть студенты в основном не желают допускать и намёка на уступку хоть пяди российской земли, даже если Европа будет всячески блокировать и мешать жиз-

ни русского анклава внутри себя, что, к сожалению, ныне и наблюдается.

На вопрос № 7: «Необходимо ли вернуть Японии четыре «спорных» острова Курильской гряды?» «затруднились ответить» менее 4% респондентов (10 человек) (Д). То, что это «не нужно, так как потеря четырёх островов затем приведёт к потере всех остальных островов Курильской гряды, а затем и Южного Сахалина, став первым шагом на пути к широкомасштабному «исходу» русских из Сибири и Дальнего Востока» (В), «так как Охотское море, – ныне внутреннее море России, станет международным» (Г) посчитало почти три четверти опрошенных – около 72% (180 человек) (соответственно 118 человек, или около 47% + 62 человека, или около 25%). То, что эти острова необходимо вернуть, так как «они являются исторически японскими (договоры 1875, 1905 гг.), а Россия при этом мирного договора после окончания Второй Мировой войны так и не заключила» (А) посчитало очень не очень большое число опрошенных – около 15% (38 человек). Но поразил другой момент: российские сторонники передачи российских островов Японии часто мотивировали своё мнение тем, что «у жителей этих островов уровень жизни – недопустимый для существования» (Б). Из 251 человека лишь 23 (около 9%) посчитали эту причину действенной. Вероятно, в шкале ценностей российского юного и молодого человека важнее жить беднее, – но в России, чем богаче, – но за рубежом.

На вопрос № 8: «Как Вы считаете уравнивание в правах «ветеранов стран агрессоров с ветеранами-антифашистами в Латвии, Румынии, Молдавии и др. странах Европы это» «затруднилось ответить» всего около 16% (41 человек) (Д). Что это есть «вполне естественный процесс, так как большинство населения этих стран участвовало на стороне агрессора» (А) согласилось

77 человек (или около 31% респондентов). В «заговор против России» верит всего 9% (23 человека) студентов. 1/3 часть опрошенных настроены пессимистично и поддерживают мнение, что это «старт планомерного, но неуправляемого процесса кардинального пересмотра характера Второй Мировой войны в Восточной Европе, а затем и в Мире» (82 человека, или около 33%) (В). Но принципиально важно, что лишь втрое меньшее число учащихся не отвергает принципиальной обратимости этого процесса, что это есть лишь промежуточный «результат слабости России и недосмотра международного сообщества» в 1990-е гг. (Б) (28 человек, или около 11%). Принципиальность и неотвратимость поднятия этого вопроса и конфликта с ним связанного вытекает из представленных результатов вполне отчётливо.

В целом опрос, проводившийся менее чем за одну неделю с 30 октября по 2 ноября 2023 г. показал, по крайней мере, внешний, легко угадываемый в ответах, патриотический настрой современной учащегося юношества. Это тем более важно, что количество молодых людей, обучающихся в сфере среднего профессионального образования, очень велико и результаты опроса, правда, хотя и с некоторыми оговорками, можно проецировать на всё современное российское юношество. Правда не следует, и переоценивать результаты и данные опроса, поскольку во время его проведения – почти сразу после празднования 80-летия победы в Курской битвы и накануне празднования двойного праздника Казанской иконы Божьей Матери 4 ноября и освобождения Москвы из рук польских интервентов в 1612 году ополчением под предводительством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского – уже медленно начал проявляться подъём патриотических настроений в средствах массовой информации.

Карпенко Андрей Александрович

– Преподаватель Волгодонского Техникума информационных технологий, бизнеса и дизайна им. В.В. Самарского (Волгодонск, Россия).

Andrey Karpenko

– Teacher of the Volgodonsk College of Information Technology, Business and Design named after V.V. Samarsky (Volgodonsk, Russia).

alnikar1953@mail.ru

ПРЕДКИ ПИСАТЕЛЯ К.А. ТРЕНЕВА И ИХ ПОТОМКИ

М.С. Тренева

Кандидат медицинских наук, независимый исследователь (Москва, Россия).

e-mail: trenemarina@mail.ru

SPIN-код: 8400-7295

Scopus author ID: 56899050800

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Сведения о родословной Треневых, к которым относится советский писатель Константин Андреевич Тренев (1876-1945), существенно расширены многолетними изысканиями автора. С 1746 года по настоящее время представлены 8 поколений. Сведения о них могут стать своеобразными «генеалогическими почками» для реконструкции ветвей нынешних потомков рода Треневых. С особой тщательностью удалось собрать информацию о двух ветвях, к одной из которых относятся потомки писателя, к другой – родные автора статьи. Представлена информация о 16 современных представителях рода, с которыми автор общалась в процессе исследования. Автор располагает сведениями более чем о 200 персоналиях рода в 10 поколениях и будет рада общению с потомками рода Треневых, новой информации о них.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: К.А. Тренев, генеалогия, родословная.

ANCESTORS OF THE WRITER K.A. TRENEV AND THEIR DESCENDANTS

Marina Treneva

Candidate of Medical Sciences, independent researcher (Moscow, Russia).

e-mail: trenemarina@mail.ru

ABSTRACT

The genealogy of the Trenev, whom the Soviet writer Konstantin Andreevich Trenev (1876-1945) belongs to, has been significantly expanded by the author's many years of research. From 1746 to the present, the family tree includes eight generations. Information about them produces peculiar «genealogical buds» for reconstructing the branches of the current descendants of the Trenev family. With particular care the author gathered data about two branches, to one of which the descendants of the writer belong, and to the other - relatives of the author of the article. Information from sixteen present-day relatives of the family with whom the author communicated during the research process is provided. The author has found more than 200 persons of the family in 10 generations and will be glad to communicate with any descendants of the Trenev family and to receive new information about them.

KEYWORDS: K.A. Trenev, genealogy, family tree.

Год, два, три, пять, десять, пятнадцать, почти двадцать... Столько времени заняли поиски материалов для этой статьи. Материал публикуется впервые и имеет целью подытожить собранные из архивных и других источников сведения по родословной Треневых, расширив и углубив её.

Начну с себя. Двадцать лет назад я стала частью семьи Треневых, выйдя замуж на Николая Николаевича Тренева. Естественно, начала интересоваться историей семьи. Мне рассказывали о родственном общении Георгия Семёновича Тренева, деда моего мужа, с писателем Константином Андреевичем Треневым, о продолжившихся в следующем поколении родственных контактах Георгия Георгиевича Тренева с писателем и его дочерью Натальей Константиновной. При этом мои попытки составить общее генеалогическое древо провалились.

Пути-дороги потомков в новом веке разошлись, а предстателей старших поколений уже не было в живых...

В семейном архиве Тренева Михаила Георгиевича, сына Георгия Георгиевича Тренева, сохранилась почтовая открытка от писателя, написанная в июне 1944 года, когда Георгий был слушателем Военной электротехнической академии связи, эвакуированной в г. Томск (рис. 1, 2, 3). Написанное даёт основание полагать, что общение было близким и тёплым: «Дорогой Юра! Спасибо за письмо и память. Оч[ень] рад твоим успехам и давеча, и впредь. У вас, д[олжно] б[ыть], ещё нет весны? У нас по кр[айней] мере, только ещё начался посев огородов. Собираемся проведать Крым. Привет К. Тренев 10.VI.1944».

В архиве дочери Г.Г. Тренева, Елены Георгиевны Трениной, хранится документ, который также публикуется впервые с её согласия, написанный К.А. Треневым

на собственном бланке писателя-орденоносца и депутата Моссовета (рис. 4): «Справка. В бытность мою преподавателем русского языка и литературы в Волчанской (б.Харьковской губернии) учительской семинарии Георгий Семенович Тренев учился и окончил полный курс этой семинарии, как лучший ученик. Лауреат Сталинской премии К.Тренев 15/VII-41 г.».

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится письмо Георгия Семёновича Тренева писателю К.А. Треневу. На рис. 5 представлены две страницы письма: «11.1.1935 г. Дорогой Костя! Несколько раз заходил в театр, но не удалось тебя захватить, теперь невылазно сижу за составлением годового отчёта, поэтому в Москве не бываю и пытаюсь найти тебя в Симферополе написав адрес: «дедушке на деревню». Мы все живы и здоровы, шлём привет тебе, Ларисе Ивановне и всему Вашему семейству. Я работаю старшим бухгалтером в совхозе. Дело в следующем: меня неудержимо тянет на юг, особенно в последнее время, никак не привыкну к северу за 6 лет. В Каменск ворочаться не хочется, поэтому решил спросить тебя, сколько стоит, примерно, домик в Симферополе в 2-3 комнаты, не больше. Если можно купить недорого – до 6-ти тысяч рублей, то я охотно перееду туда, купив домик. Кстати, там есть высшая электро-механическая школа для Юры, он теперь в Вятке застрял. Работает электромехаником, никак его не отпускают. Знаю, что ты относительно этого вопроса не в курсе дела, но не откажи спросить у знакомых, т.к. этот вопрос для меня в данный момент один из важнейших. Если на это письмо не получу ответа, буду писать до тех пор, пока ты ответишь. Теперь вопрос другого порядка: как дорога жизнь в Симферополе и какие преимущества или недостатки она имеет перед Москвой в продуктивном, материальном и др. материально-бытовых вопросах. Передайте мой искренний привет Ларисе Ивановне и передай мою просьбу помочь мне получить ответы на интересующие меня вопросы. Жду ответа. Целую. Твой Георгий. Адрес: Москва, п/о Бескудниково Савеловской ж.д., Совхоз “Вешки”, Треневу Г.С.» (РГАЛИ. Ф. 1398. Оп. 2. Ед. хр. 500. Л. 1 – 1 об.).

Представленные документы свидетельствуют о тесном общении семей Трневых. По выражению моей свекрови, «они по жизни шли рядом, помогая и поддерживая друг друга». Почти всегда при этом апеллировала к их возрасту: родились в одно и то же время, жизненные интересы ровесников были схожи.

Кем и каким были Георгий Семёнович Тренев и его семья? Наилучшее представление даёт альбом с фотографиями, который хранится у потомков старшего сына Георгия Семеновича, Георгия Георгиевича Тренева. Фотографии датированы 1911-1915 годами и публикуются с разрешения семьи (рис. 6, 7, 8, 9, 10).

О себе Георгий Семёнович написал в автобиографии: «Происхожу я из крестьян слободы Белого Колодезя бывшей Харьковской губернии Волчанского уезда (ныне Харьковская область), там же окончил 2х-классное училище в 1899 г. с 6ти-годичным обучением. В 1901 г. поступил в Волчанскую Учительскую Семинарию с 4х-годичным обучением, после окончания ко-

торой с 1905 до 1920 г. работал учителем земской школы Волчанского уездного земства в хуторе Романове, причём одновременно с 19...[утрачен текст] по 1920 г. вёл счётную работу в кредитном товариществе соседнего села Ивановка, а так же без отрыва от производства с 1913 по 1919 г. прослушал и сдал экзамены за 2 курса при 4х-годичном обучении бывшего Харьковского Коммерческого Института. Имея практический опыт по сельскому хозяйству, в частности по пчеловодству, а также получив теоретические познания по садоводству и пчеловодству на курсах для учителей Волчанского уездного земства в лето 1911 г., я с марта 1920 г. по ноябрь 1922 г. работал инструктором по сельскому хозяйству и пчеловодству в Агрослужбе Северо-Донецкой железной дороги в г.Харькове, а после этого до 1924 г. выполнял эту же работу и вёл бухгалтерскую работу в Семхозе Северо-Донецкого Союза сельско-хозяйственных и Трудовых кооперативов ... при ст.Миллерово Юго-Восточной железной дороги, после чего до декабря 192...? г. [текст утрачен] бухгалтер сельско-хозяйственного кредитного Товарищества на ст.Каменская той же дороги. С февраля 1930 г. по октябрь 1935. работал бухгалтером в подмосковных совхозах, возглавляя бухгалтерский учет, а с октября 1935 г., постоянно проживая на ст.Пушкино Ярославской железной дороги, работал старшим и главным бухгалтером в торговых и торгово-промышленных организациях г.Москвы и его пригородов (Пушкинское с/п, Пушкинский и Мытищенский торг, 101 и 57 хлебопекарня 1-го Гостреста Хлебопечения, Пушкинский Головной буфет). Последнее место работы – Пушкинская База 2-го Главного Геологического Управления Министерства Геологии, где я работал главным бухгалтером. Семья моя состоит из 4-х человек: Я, жена-домохозяйка, сын военно-служащий и сын-студент МГУ. Гражданин Тренев».

Рассказать о семье Георгия Семёновича можно много славного, хорошего. Это было бы достойного отдельного подробного повествования. Здесь скажу, что его старший сын, Георгий Георгиевич Тренев, был полковником войск связи, начальником отдела Центрального научно-исследовательского института связи Министерства обороны СССР. Младший, Николай Георгиевич Тренев, кандидат технических наук, начальником отдела Центрального научно-исследовательского радиотехнического института.

Какова была степень родства Трневых Георгия Семёновича и писателя Константина Андреевича? На этот вопрос проливает свет автобиография писателя. Единственное возможное упоминание – в самом начале: «Вечером в комнате вдоль стен сидели мужики, братья и друзья отца. Мы с дедушкой забрались на печку, а отец по обыкновению большими шагами ходил от стола до порога. Скорбно вздыхали, полушепотом говорили об убийцах-панах: убили царя за то, что крестьян у них отнял. Отец и чувствительный двоюродный дядя Семен вытирали слезы» (Тренев 1951: 7). Увы, это всё... Если исходить из этой информации, то отец писателя приходился двоюродным братом отцу Георгия Семёновича, а Георгий и Константин, следовательно, были троюрод-

ными братьями. Оставалось отыскать общего для них предка. Этим я и занялась.

Кстати, в упомянутом выше семейном альбоме были всего две фотографии людей старшего поколения. Моё предположение, что на них – отец и мать Георгия Семёновича. Тот самый «чувствительный двоюродный дядя Семён». Вот эти снимки (рис. 11, 12).

Поиски общего предка привели к семейным тайнам, которые совсем не были известны нынешним поколениям живущих и благополучно покоились вместе с усопшими. Однако превратности генеалогических поисков вскрыли умолкнувшие было навсегда и неизвестные доселе факты. Объяснений им пока нет. Только общие соображения о тех беспокойных временах, в которые всем Треневым тех лет выпало жить.

В самом начале поиска, естественно, были просмотрены материалы, размещённые в открытом доступе в интернете. О предках писателя Константина Андреевича Тренева написал Дмитрий Губин (Губин 2020). Самой дальней датой семейной истории в этой публикации обозначен 1881 год (забегая вперёд, скажу, что мой поиск уведёт нас гораздо дальше, в 1746 год). Источники информации в материале не указаны. Вот что пишет Дмитрий Губин: «В Волчанском уезде на хуторе Ромашове (Ромашово) (совр. пос. Бакшеевка Новоалександровского сельсовета. – Авт.) жили крестьяне Пацакул, Марадуда, Тренёвы, Жегловы и Брехунченко. Дед будущего драматурга Кирилл был крепостным Веры Фёдоровны Скалон, а до неё – графов Гендриковых. Судя по тому, что его сыновья Филипп и Андрей крепостными не названы ни в одном исследовании, Кирилл Тренёв выкупился из зависимости. Когда Константину было пять лет, отец и дядя с семьёй переехали в пределы Области Войска Донского [...] в 1881 году [...] основали хутор Мокрая Журавка».

Рядом с Мокрой Журавкой появилась Тренёвка. Его историей, сбором материалов о писателе и его родственниках с 1961 года занималась жительница хутора Тренёвка краевед Любовь Андреевна Иванова (Иванова 2016). Она сообщает, что один из основавших хутор братьев, Филипп, жил со своей семьёй замкнуто. В то время как другой, Андрей, отец писателя, очень много времени, сил и здоровья потратил на строительство для жителей хутора церкви и школы.

Здесь, забегая вперёд, замечу, что дед моего мужа является потомком не Филиппа и не Андрея, а их дяди Якова, который не участвовал в упомянутом выше переезде и остался на хуторе Ромашово (он же хутор Романов). Этот хутор – место рождения как писателя Тренева, так и Георгия Семёновича Тренева.

Вот документ (рис. 13) из РГАЛИ – выписка из метрической книги о рождении на хуторе Ромашово Константина Андреевича Тренева. Обратите внимание на то, что часть документа утрачена. Держа его в руках, определить точный год рождения не представляется возможным, поскольку соответствующая часть листа оторвана (РГАЛИ. Ф. 1398. О. 1. Ед. хр. 41. Свидетельство о рождении К.А. Тренева 21 мая 1876 г. часть листа с годом рождения утрачена. 4 июня 1911 г.). Точная дата рождения писателя (21 мая 1876 года) указана в соот-

ветствующей Белому Колодезю Волчанского района Харьковской области книге (запись № 44 от 03 июня 1876 года), на что ссылаются Министерство Юстиции Украины, о котором я скажу чуть позже, а также Л.А. Иванова – на документ, хранящийся в Государственном архиве Харьковской области (ГАХО. Ф. 40. Оп. 113. Д. 13. Л. 302) (Иванова 2016: 39). Показанная же на фото 13 выписка была выдана на руки. И в том виде, как мы видим её сейчас, позволяла предполагать год рождения с разбросом почти в 10 лет.

А вот другая выписка из метрической книги (рис. 14). Тоже «с секретом». О рождении на хуторе Романове Георгия Семёновича Тренева в 1878 году. Выписка торжественно открывает семейный альбом фотографий, хранящийся у внучки Георгия Семёновича Елены Георгиевны Трениной. Документ в целостности и сохранности. Полное доверие к нему. Информацию эту, естественно, использую в поиске, но тщетно... Запросы в архивы с просьбой проследить линию родословной остаются без результата. Более того, в 2008 году, когда я сделала запрос в отношении писателя, Георгия Семёновича, его брата Василия Семёновича, а также Домникии Петровны, Министерство Юстиции Украины подтвердило наличие записей в соответствующих «регистрационных книгах» для всех, кроме Георгия Семёновича (Министерство юстиции Украины, Главное управление юстиции в Харьковской области, документ № 3491-01-02-17 от 10.09.08 в соответствии с Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в Минске 22.01.1993 года (в редакции протокола к Конвенции от 29.03.1997 года)). Очень странно! Почему так? Ведь выписка из метрической книги о рождении Георгия на руках и не вызывает сомнения. В 2019 году, повторно вернувшись к исследованию этой странности, было установлено, что запись о рождении Георгия Семёновича Тренева на том же хуторе, в тот же месяц и день у того же отца и с теми же крёстными родителями (восприемниками), сделана тем же священником, в метрической книге этой же церкви, но... на десять лет позже, в 1888 году. Не совпадает только имя матери: в выписке 1878 года указана Иулиания Ивановна. В метрической книге в 1888 году – Мария Ермолаевна. Причём именно Мария Ермолаевна указана матерью Василия Семёновича, младшего брата Георгия Семёновича, как в ответе упомянутого выше Министерства Юстиции Украины, так и в материалах дела об аресте и последующей реабилитации Василия Семёновича Тренева в 1935 году (СССР. НКВД. Управление по Курской области. Дело № П-14169 (№ 25838) по обвинению Середенко Петра Касьяновича и Тренева Василия Семеновича. 1935 г.). Тогда несоответствие имён матерей у двух братьев я сама для себя объяснила возможной смертью Иулиании Ивановны к тому моменту, когда в 1891 году родился Василий от Марии Ермолаевны.

Трагедия, когда одна жена умерла, а овдовевший мужчина женился повторно, не такая уж и редкая для тех времён, как выяснилось. У К.А. Тренева есть рассказ «Шесть недель», в котором он описывает горе мальчика и его сестры, в сознательном возрасте переживших смерть матери, а через шесть недель – повтор-

ную женитьбу отца и знакомство с чужой для него махей (Тренев 1955: 145-156). Впечатление от рассказа было чрезвычайно сильным. Как можно так написать, не пережив подобное самому? Я сохранила как вариант подобное объяснение, и с этим «лекалом» подходила к нестыковкам в родословной.

Например, при анализе информации из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации (<https://goskatalog.ru/>). Здесь все музеи России обязаны разместить фотографии всех экспонатов с кратким описанием. В отношении фотографических снимков, писем и других документов ресурс бесценен, поскольку в отличном качестве одномоментно можно изучать все фотографии из запасников самых разных музеев в отношении интересующей персоны. В моём случае это был писатель Тренев. И несколько сотен снимков, множество лиц из разных эпох. Скрупулёзно выписывая имена и степень родства представленных на фотографиях людей, я утвердилась в том, что у отца писателя было две жены и, соответственно, дети от первого и второго браков.

Уточнить подробности чудесным образом мне помогла моя тёзка Марина Тренева, родная сестра писателя. Сквозь столетие она «протянула руку помощи» через своего правнука, знаменитого фотографа-художника Владимира Клавихо-Телепнева. Владимир бережно хранит фото- и видеоматериалы семьи, а также обычный лист печатного формата, на котором сокращённо зафиксирована бесценная, на мой взгляд, информация о родственных связях. Конспект сделан Маргаритой Николаевной, бабушкой Владимира Клавихо-Телепнева, во время беседы со своей мамой Мариной Андреевной Трениной. Казалось бы, всего лишь черновой набросок с обрывками имён... Владимир сохранил его. И первым очень открыто, по-дружески ответил на формальный запрос о контакте в соцсетях фразой: «Марина, мы родственники?!» В результате накопленная мною разрозненная информация стала доказательной и структурированной, пополнилась новыми персонами и сведениями. У отца писателя К.А. Тренева, Андрея Кирилловича Тренева, от первой жены Матроны Семёновны родились семеро детей, в числе которых и сам писатель. От второй жены, Анны Семёновны Шкондиной, которая родом из слободы Греково, шестеро детей, причём пятеро – девочки. Однако конкретики по генеалогической связи двух семей Трениных, которой посвящена данная статья, установлено, к сожалению, не было.

С любезного разрешения Владимира Клавихо-Телепнева привожу фотографию из его архива (рис. 15), на которой запечатлён Андрей Кириллович Тренев с детьми от первой жены. В РГАЛИ есть чёрно-белый менее чёткий вариант этой фотографии. Последующая перепечатка, как мне кажется. У Владимира хранится оригинал с добротным паспарту в благородных оттенках сепии.

Оставалось уповать на архивные поиски. Метрические книги с записями о рождениях пересмотреть было невозможно. Во-первых, потому что не все они сохранились и находятся в разных архивах. Во-вторых, даже если бы и сохранились, у нашей семьи не было возможности столько времени и финансов потратить на пои-

ски, сколько требует подобный подход. В-третьих, метрическая запись фокусируется только на одной персоне по факту её рождения или смерти, ничего не сообщая о братьях-сестрах, дедушках и бабушках, равно как и отношениях возрастов в большой семье. Более подходящими для моей цели явились исповедные ведомости и ревизские сказки, в которых записывали сведения о всей семье на определённую дату.

Так, в исповедной ведомости Иверско-Богородичной церкви слободы Белый Колодезь, в отношении хуторов Романов и Верин за 1915 год есть запись о нескольких семьях Трениных, в числе которых – прадед моего мужа с домочадцами (ГАХО. Ф. 40. Оп. 11. Ед. хр. 931. Л. 609 об.). Семён Яковлевич Тренев с женой Марией Ермолаевной, сыном Георгием Семёновичем, который женат на Домникии Петровне. Всё сходится: «Тренев Симеон Яковлев 68 лет; жена его Мария Ермолаева 65 лет; дети их: Агрипина 30 лет; Георгий 26 лет; Василий 24 лет; Фекла 22 лет; Георгия жена Домникия Петрова 20 лет. Племянница Симеона Акилина Феодосиева Тренина 48 лет».

Эта запись ещё раз свидетельствовала о факте рождения Георгия Семёновича на 10 лет позже, нежели он хотел показать, а также позволила вычислить год рождения главы семьи. В 1915 году Семёну Яковлевичу 68 лет. Значит, он примерно 1847 года рождения. Что важно для обращения к ревизским сказкам.

Ревизии помещичьих крестьян в Российской империи проводились десять раз. К настоящему моменту проследить нужных мне Трениных посчастливилось в семи ревизских документах: 1858, 1850, 1834, 1816, 1811, 1795 и 1782 годов. Замечу, что во всех ревизиях записаны очень много разных семей Трениных. Вполне вероятно, что все они родня между собой. Будем надеяться, что в будущем станет возможно построение общего древа для всех переписанных Трениных.

Особо запомнился некто Иосиф Тренев. Ему в 1834 году помещик доверил провести ревизию крестьян, составить по форме соответствующий документ, подписать вместо помещика, сдать в переписную комиссию, получить свидетельство о сдаче и привезти его помещику: «Слободско-Украинской Губернии Волчанского уезда хутора Романова крестьянину моему Иосифу Иванову сыну Тренину. По наступающей восьмой ревизии поверяю тебе принадлежащим мне и деду моему помраченному в уме и на попечении моем находившемуся гвардии порутчику Михайле Бакшееву всем людям и крестьянам и малороссиянам учинить перепись и написать по форме ревизские сказки двойным числом наивернейшим образом без пропусков и к оной вместо меня руку приложить, оные в ревизскую комиссию представить, в приеме оных получить свидетельство и ко мне доставить в чем я тебе верю и что ты по сему случаю законно учинишь. Спорить и прикословить не буду. Марта 27 дня 1834 года помещик твой» (ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 230. Л. 359).

Это было более чем за 40 лет до рождения писателя Константина Андреевича Тренина. Иосиф Тренев не только грамоте разумел, но и заменял помещика в конкретном делопроизводстве.

Оформление документации и хлопоты по строительству школы и церкви для хуторян вёл спустя десятилетия отец писателя, Андрей Кириллович Тренев. И он, и Иосиф Тренев с успехом воплощали в жизнь значимые для общества миссии. Бытует мнение, что хутор Тренёвка зовётся так в память об отце писателя.

Анастасия Кирилловна Зотова (Зворыкина) – внучка Ольги Андреевны Трениной, родной сестры писателя. Анастасия Кирилловна бережно хранит в памяти и в сердце образы бабушкиных сестёр Анны Андреевны и Марии Андреевны Трениных. В семейном архиве – фотографии своего прадеда Андрея Кирилловича Тренина и прабабушки Анны Семёновны, второй супруги А.К. Тренина. С любезного разрешения Анастасии Кирилловны привожу их здесь (рис. 16, 17). Фотографии публикуются впервые.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится почтовая открытка (фото 18, 18а), направленная Андреем Кирилловичем Трениным 22 февраля 1910 года в г. Симферополь своему сыну Константину Андреевичу Тренину (РГАЛИ. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 1 об.). Мне приятно познакомить читателя с начертанными рукой Андрея Кирилловича строками. Полагаю, что при получении открытки Виталий, сын Константина Андреевича, приложил руку с карандашом к посланию деда. И, надо отметить, впоследствии стал писателем.

Здесь выражу мнение, которое подкрепилось знакомством с представителями более чем шести ветвей рода Трениных. Многие Тренины, не зная друг друга и живя в разных местах и временах, проявили недюжинные и значительно отличающиеся от средних знания, навыки и умения. Не затерялись среди современников, заявили о своём уме и таланте в разных областях науки и техники, что явствует из многочисленных биографий. Считаю это характерной чертой, назову её «тренинской жилкой». С исключительной силой и яркостью она проявилась литературным творчеством Константина Андреевича Тренина. И так, к материалам ревизских сказок.

«1858 год мая 25 дня Харьковской губернии Вовчанского уезда хутора Романова помещика и порутчика и кавалера Николая Егорова и жены его Екатерины Ивановой дочери Гангардт о состоящих мужеска и женска пола дворовых людяхъ и крестьянахъ» (ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 431. Л. 601).

Записаны «Кирило Филипов Тренев 53 года, его сын Андрей 12 лет. Яков Филипов Тренев 47 лет, Якова Филипова сын Семен 14 лет». Это ещё почти за четверть века до переезда на Дон. На том самом известном нам хуторе Романове живут подростки Андрей Кириллович Тренев и Семён Яковлевич Тренев. Каждый со своими родителями. Отцы, соответственно, Кирилл Филиппович и Яков Филиппович Тренины. Об их отце не написано ничего. Следовательно, его на момент переписи нет в живых.

«1850 год сентября 30 дня Харьковской губернии Вовчанского уезда Хутора Романова помещика и порутчика и кавалера Николая Егорова сына и жены его Екатерины Ивановой дочери Гангардт о состоящих му-

жеска и женска пола дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ» (ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 325. Л. 900).

Записаны «Филипа Федорова сын Яков 40 лет, Кирилла Филиппова Тренина сын Андрей 5 лет, Якова Филипова сын Семен 4 лет». Андрей Кириллович Тренев и Семён Яковлевич Тренев – ещё пока малыши. Отец Андрея, Кирилл Филиппович, будучи старше Якова, живёт своим самостоятельным хозяйством, отдельно от отца. С отцом, Филиппом Федоровичем, общее хозяйство ведёт младший Яков со своей семьёй. При этом помечено, что в 1844 году семья Кирилла Филипповича Тренина с сыновьями Филиппом и Андреем, была переведена на хутор Романов Волчанского уезда Харьковской губернии из слободы Вознесенской Корочанского уезда. Обе вотчины принадлежали поручику Николаю Гонгардт и его жене Екатерине. Также и семья Филиппа Федоровича Тренина с проживающими вместе с ним тремя его сыновьями, в числе которых Яков, была переведена на хутор Романов Волчанского уезда Харьковской губернии из Корочанского уезда вотчины поручика Николая и жены его Екатерины Гонгардт в 1844 г. Тем самым, до 1844 года Тренины жили в слободе Вознесенской Корочанского уезда. Ныне это Вознесенка Шебекинского района Белгородской области России.

«1834 год апреля 10 дня Курской губернии Корочанского уезда слобода Вознесенской помещика коллежского ассесора Сергея Савина сына Мальцева о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях великороссийских и малороссийских крестьянахъ» (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 637. Л. 356 об., 357, 393 об., 394).

«Филипп Федоров сын Тренев 59 лет, его третий сын Кирилла 30 лет, четвёртый сын Яков 24 лет». В это время и Кирилл, и Яков живут одним хозяйством со своим отцом Филиппом. У обоих пока ещё не родились дети. Помечено, что в 1824 году все они достались владельцу слободы по наследству «от деда надворного советника Романа Бакшеева».

«Ревижская сказка 1816 года февраля дня Курской губернии Корочанского уезда помещика умершаго надворного советника Романа Владимировича сына Бакшеева наследников его незаплативших государственному вспомогательному банку своих повинностей слободы Вознесенской о состоящих под опекою мужеска и женска пола крестьянахъ» (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 504. Л. 545 об., 546).

Перечислены «Филип Трень 41 года, его дети Кирило 12 лет и Яков 6 лет».

«Ревижская сказка 1811-го года сентября дня Курской губернии Корочанского уезда умершаго надворного советника Романа Владимировича сына Бакшеева слободы Вознесенской о состоящих за долг государственному вспомогательному банку под опекою крестьянъ» (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 335. Л. 199 об.).

Указан «Филип Федоров сын Трень 37 лет» и у него вновь рождённые по отношению к предыдущей ревизии сыновья Кирило 8 лет и Яков 2 лет.

«1795 года мая дня вотчины господина надворного советника Романа Владимировича Бокшеева Харьковского наместничества Волчанской округи слободы Вознесенской атаман Федор Тренев по силе состоявагося

Федор Иванов сын Тренев (около 1746 г.р.; умер не ранее 1795 и не позднее 1811 г.)

Филип Федоров сын Тренев (1774-1847)

Кирило Филипов Тренев (1803 - позже 1858)

Яков Филипов Тренев (1810-1878)

Андрей Кириллович Тренев (1845 - позже 1913)

Семен Яковлевич Тренев (1843-1932)

Константин Андреевич Тренев (1876 – 1945)

Георгий Семенович Тренев (1888-1984)

Николай Георгиевич Тренев (1927-1974)

Николай Николаевич Тренев (1961 г.р.)

1794 году июня 23-го дня Ея Императорского Величества и в народ публикованного указа с ведома господина своего дал сию скаску о положенных в нижеписанной господина моего вотчине по последней 782 года ревизии в подушном окладе малороссийских крестьянех с показанием истого числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рожденных и прибылых, по самой истине без всякой утайки; а буде кем впредь обличен явлюсь, или по свидетельству найдется что кого либо утаил, то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия» (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 224. Л. 259 об.).

Впервые появляется свидетельство о ещё одном поколении в роду Треневых: Федор Иванов сын Тренев 49 лет. У него жена и дети, в числе которых сын Филипп 21 года. Примечательно, что атаманом, проводившим ревизию, также был Федор Тренев. Очень вероятно, что атаман и Федор Иванов сын Тренев 49 лет – одно и то же лицо.

«1782 году июля дня Харьковского наместничества Волчанской округи в слободе Вознесенской помещика надворного советника Романа Владимировича сына Бакшеева атаман Карней Жегло по силе состоявшегося 1781 года ноября 16 дня Ея Императорского Величества и в народ публикованного манифеста дал сию скаску о состоящих в Волчанской округи воозначеной слободе Вознесенской мужеска и женска пола неизключая самых малолетных и престарелых подданных черкас по самой истине без всякой утайки, а буде кем впредь обличен явлюсь или по свидетельству найдется что кого либо утаил то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия» (ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 10. Л. 848, 853).

Перечислены «Федор Иванов сын Тренев 36 лет», его жена и дети, в числе которых сын Филипп 8 лет. Примечательно, что семья числится в «подданных черкасах». И дальнейшие изыскания будут направлены на тех, кто значился черкасами ранее 1781 года.

Таким образом, многолетние изыскания генеалогической связи двух семей Треневых успешно завершены! Филип Федоров сын Тренев (1774-1847) был общим предком семей моего мужа и семьи писателя К.А. Тренева. Общая родословная дополнена Федором Ивановым сыном Треневым (около 1746 г.р., умер не ранее 1795 г.), который на сегодняшний день известен нам как самый давний предок рода Треневых (ну, если не считать его отца Ивана, о котором ничего не известно).

Выстроено генеалогическое взаимоотношение предков моего супруга Николая Николаевича Тренева и писателя Константина Андреевича Тренева по мужской линии.

Мною было составлено расширенное родословие Треневых. К сожалению, на родословное дерево по техническим причинам не удалось вместить ещё два молодых поколения со многими давними представителями рода. Каждый – своеобразная почка, из которых при должном старании могут быть восстановлены генеалогические ветви живущих ныне потомков. Конечно, в нём могут быть недочёты, поэтому надеюсь, что со временем в результате кропотливой работы таковых не останется. Файл с генеалогическим древом можно скачать отдельно по ссылке: <http://histformat.com/wp-content/uploads/2022/trennev-tree.pdf>

Далее следует перечислить современных представителей рода Треневых, с кем я общалась в большей или совсем-совсем малой степени за двадцать лет поисков.

ПОТОМКИ АНДРЕЯ КИРИЛЛОВИЧА ТРЕНЕВА (1845 Г.Р.)

Тренева Елизавета Витальевна (1944 г.р.), внучка писателя К.А. Тренева. Журналист, телевизионный обозреватель и критик.

Каптелин Георгий Никитич (1977 г.р.), внук Виталия Константиновича Тренева, сына писателя К.А. Тренева. Медиаменеджер и журналист-международник, теле-

визионный ведущий, автор программ и телефильмов, член Союза журналистов России.

Павленко Петр Андреевич (1965 г.р.), внук Наталии Константиновны Тренивой, дочери писателя К.А. Тренива. Известный японист, кандидат политических наук. Торговый представитель Российской Федерации в Японии.

Клавихо-Телепнев Владимир (1962 г.р.), правнук Марины Андреевны Тренивой, сестры писателя К.А. Тренива. Фотограф-художник. Признан классиком отечественной фотографии. Автор и основоположник уникальных техник печати. Его работы находятся в коллекциях государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Русского музея в Санкт-Петербурге, Московского Кремля и в частных собраниях.

Зотова (Зворыкина) Анастасия Кирилловна (1955 г.р.), внучка Ольги Андреевны Тренивой, сестры писателя К.А. Тренива. Выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова. Филолог, лингвист, переводчик, преподаватель иностранных языков.

Зворыкин Андрей Кириллович (1953 г.р.) – инженер-программист. Занимался прикладной математикой, прикладной геодезией. Участник геологических экспедиций.

ПРАВНУКИ НИКИТЫ ФИЛИППОВИЧА ТРЕНЕВА (1876 Г.Р.)

Тренив Михаил Иванович (1968 г.р.). Врач-хирург.

Курьянова Алла Петровна (1961 г.р.). Несколько высших образований. Занималась ресторанным бизнесом. В настоящее время ведёт арендный бизнес.

Курьянов Николай Александрович (1986 г.р.) – кандидат экономических наук, преподаёт экономические дисциплины, английский и китайский языки в высших учебных заведениях.

Хлопонина (Курьянова) Елена Александровна (1983 г.р.) – кандидат экономических наук. Занята воспитанием троих прекрасных детей.

Тренив Василий Александрович (1948 г.р.). Лётчик-испытатель, заслуженный пилот РФ.

ПРАВНУК АКИЛИНЫ ФЕОДОСИЕВНЫ ТРЕНЕВОЙ (1867 Г.Р.)

Петухов Михаил Игоревич (1957-2020). Высшее техническое образование. Занимал руководящие должности на заводах, в банках, страховых компаниях, администрации Курской области. Поэт, член международного союза писателей.

ВНУКИ ГЕОРГИЯ СЕМЁНОВИЧА ТРЕНЕВА (1878 Г.Р.)

Тренив Михаил Георгиевич (1954 г.р.). Выпускник МФТИ, кандидат технических наук. Начальник отдела тепломассобмена и аэрофизики в АО «ЦНИИмаш».

Тренива Елена Георгиевна (1952 г.р.). Выпускница МГУ по специальности «Физика», кандидат физико-математических наук. В настоящее время занимается фармбизнесом.

Тренив Василий Николаевич (1957-2018). Выпускник МФТИ, доктор технических наук, профессор. Занимался управленческим и инвестиционным консалтингом.

Тренив Николай Николаевич (1961 г.р.). Выпускник МФТИ, доктор экономических наук. Занимался стратегическим управлением, корпоративными финансами, управлением инвестициями. Автор более 10 книг по управлению.

***

Естественно, здравствующих ныне и предшествовавших им Тренивых гораздо больше, нежели упомянуто в этой статье. Составленное мною родословие содержит без малого 200 персоналий, но очень хочется написать более подробно обо всех. Если читателя интересует род Тренивых, добро пожаловать ко мне на электронную почту. Буду рада общению и верю, что наступит время собраться всем здравствующим Тренивым вместе на своеобразный «пионерский слёт», познакомиться друг с другом и в дружном общении хранить «тренивскую жилку», продолжать летопись семьи с сознанием того, что за плечами каждого – сила большого и славного рода.

P.S. Вне логической последовательности материала статьи остался «глас из прошлого», который сохраняю здесь в память о родном брате писателя К.А. Тренива – Игнате Трениве. Сто лет назад он жил в Тренивке, от которой до Луганска чуть больше сотни километров. И в 1920-е годы написал Константину несколько писем, приуроченных либо к Дню Ангела, либо к Светлому празднику Пасхи (рис. 19). Листки писем небольшие и сложены втрое, в результате чего письма были чуть больше размера спичечного коробка по формату. Посылали ли их почтой? Или передавали с оказией? Неизвестно. Письма хранятся в РГАЛИ. Привожу текст с моим выделением наиболее впечатливших меня фрагментов:

«Дорогой Костя! Поздравляю тебя с днем твоего Ангела. Желаю тебе здоровья и благополучия от Бога. Что-то долго нет от тебя известий. Я думал, что ты ко дню своих именин прибудешь в Тренивку и здесь хотелось после долгой разлуки вместе помолиться и отпраздновать день твоего Ангела. Почему я несколько поздно тебя поздравляю. По письмам Мариши видно было, что Вы собирались к концу мая сюда, а из посланного её письма поездка ваша откладывается до Троицы или перед Троицей. Из письма же Нюси на Мальчевскую заметно, что с поездкой Вы не торопитесь, да и неизвестно ещё ничего о пропуске или командировке. Неужели и это лето мы не увидимся? Очень уж большая тягота на сердце легла за пережитое время, время скорби и печали. Потребность свидания прямо-таки непреодолима. Жизнь так уж измяла, что не знаешь, что будет завтра и сколько этой жизни ещё осталось в твоём распоряжении. Мне поехать к Вам совсем сейчас невозможно, хоть и есть свободное время. Хлопочи себе командировку от того или другого ведомства, чтобы иметь отдельный вагон, или хотя определенное место в вагоне. Для Мариши м[ожет] б[ыть] Коля что исхлопочет. Верочка пишет, что она непременно приедет на Мальчев-

скую. Самое лучшее и удобнее ехать вместе всем, если, конечно, это возможно. Передай привет Марише и Коле. Спасибо ей за письма. Привет Ларисе, Нюсе, Вере (...) детей поцелуй за меня всех. Мы пока все здоровы, слава Богу, 25 мая вчера у нас прошел первый дождь от Пасхи. Освежил хорошо совсем уже было загоревшие хлеба и травы. Теперь явились надежды, что урожай выйдет хоть небольшой. Если бы прошло ещё два-три таких дождя, вскоре бы получился и хороший урожай яровых, озимые же уже полились слабовато, колос мелок от засухи. Пчеловодство тоже требует дождя. Сенокоса же совсем нет, но корм для скота еще держится. Мотины дети были все у меня во время лечения Маней глаза в Ростове. [...]. Вчера Лелю отвез к бабушке на Мальчевскую. Отдельно друг от друга ребята ведут себя лучше. Сережа уехал 3-го дня в Тифлис из Ростова на курсы красного командования. Очевидно, и Леонид не мог его отговорить от этой поездки. [...] Маня пишет, что он болел инфлуэнцией и сильно исхудал. Может, разумеется, от плохого питания заболеть легкими. [...] Будь здоров и пиши, когда придёте. И. Тренев». (РГАЛИ. Ф. 1398. Оп. 2. Ед. хр. 501. Л. 6 – 6 об., 7 – 7 об.).

Письмо Игнатия Андреевича Тренева, брата писателя, к К.А. Треневу [...] от 6 мая (23 апреля) 1921 г.: «Христос Воскресе! Дорогой Костя! Что-то долго нет твоего письма. Все ли здоровы у тебя и сам здоров ли? Мы, слава Богу, все здоровы. Провели 3 дня праздника Св[етлой] Пасхи все вместе – кроме Серёжи, который на праздник не приезжал со службы. Вам, к сожалению, не пришлось вместе с нами встретить здесь праздник. Как Вы встречали его у себя? Может быть, к престольному нашему празднику приедете? Весна у нас очень хороша. Обещает урожай. Я посеял всякого хлеба и злака понемногу и всех огородных овощей и бахчу. Сейчас сею десятину подсолнухов и кукурузы. Пчеловодство также находится в благоприятном состоянии: из зимовки благополучно вышли все мои 6 семейств и 15 ульев общественных, которые находятся под моим наблюдением. Словом, дело и занятие есть для всех, но в семье, собственно, после смерти Папаши вся работа легла почти на меня одно с работником. Дети малы, а старшие не любят сельский труд. Неужели же и это лето судьба лишит возможности нам свидеться? Это будет очень тяжело и обидно. Пиши, как и что, есть ли надежда приехать Вам сюда и пр. Вскоходы и травы у нас великолепны. Как-то все это удастся использовать... Ну, целуй за меня детей и передай всем привет. Пошли Бог всех благ Вам. И. Тренев» (РГАЛИ Ф. 1398. Оп. 2. Ед. хр. 501. Л. 1, 2).

Письмо Игнатия Андреевича Тренева, брата писателя, к К.А. Треневу: «Христос Воскресе, Дорогие! С Светлым праздником Вас всех приветствую. Пусть будет светло и на душе у Вас. И так, значит, к празднику Пасхи мы не дождалась Вас к себе. Вчера лишь получились твои Мариша письмо и открытка, где ты не обещаешь приехать к Пасхе. Да, действительно, невозможно сейчас проехать, в поездах уж очень переполнено. Может быть после праздника явится возможность Вам попасть в поезд. Напрасно, Мариша, ты пересылаешь деньги для детей. Они пока все самое необходимое имеют и деньги у меня есть, но на них ничего не купишь. Пока,

слава Богу, мы имеем и питание волне удовлетворительное благодаря своим коровам. Надо бы скорей приехать Мусю сюда подпитать молочком. После праздника вероятно Мотиных детей отправлю на Мальчевскую и одну корову с ними. Там теперь хорошо, много зелени около дома. Сейчас Котика взял сюда, чтобы подпитать лучше его молочком, а Лёлю взамен отправил на Мальчевскую. Котик замечательно умный и трудолюбивый мальчик, на него не нарадуешься. Только жаль, бледненький, немного заикается; временами заикание меньше. Он стал заикаться еще в Чеботовке, когда лето было у меня с Мотей, вероятно, от простуды или испуга собаки. Со временем, говорят, что должно пройти. Я сделал понемногу посева пшеницы, ячменя, картофеля и пр. Огородных растений; вчера посадили арбузов и дынь на бахчах. Приезжайте теперь полоть и кушать. Как Бог уродит. Ну, да хранит Вас Господь всех. Целую и заочно христосуюсь со всеми Вами. Будьте здоровы. И. Тренев. Великая пятница. Хут. Треневка» (РГАЛИ. Ф. 1398. Оп. 2. Ед. хр. 501. Л. 4 – 4 об., 5 – 5 об.).

Почему один из племянников, о которых пишет Игнатий Тренев, «бледненький, немного заикается»? «Стал заикаться после пребывания в Чеботовке, [...] вероятно, от простуды или испуга собаки».

От Тренёвки до Чеботовки 55 км. Чеботовка находится в Тарасовском районе. В нём Андрей Кириллович Тренев, отец писателя К.А. Тренева, «арендовал песчаные земли и говорил: “На этих неплодородных землях я буду учить своих учеников сельскохозяйственной школы выращивать хорошие урожаи”» (Иванова 2016: 23).

Я обратилась к справочной информации о Чеботовке и нашла уникальную книгу Геннадия Коваленко, который собрал свидетельства и факты о временах гражданской войны в станице Митякинской Тарасовского района (Коваленко 2018). Вот выдержки:

«На территории Митякинской станицы с 1920 года по 1924 год, действовал казачий отряд Чугреева, состоящий из казаков станицы Митякинской и окрестных хуторов, недовольных советской властью. Взяв в руки оружие, они открыто выступили против большевиков. Однако вскоре отряд превратился в банду отчаявшихся людей».

«В отряде Чугреева, в разное время, было до 100 хорошо вооружённых казаков близлежащих хуторов. [...] Все они были на лошадях, вооружены пулемётами, винтовками и шашками. [...] ... повстанцы совершали налёты, громя органы советской власти в райцентре п. Тарасовском и окружающих хуторах».

«В результате нескольких кровавых вылазок против новой власти, казаки убили многих советских работников и расстреляли четырёх милиционеров в окрестностях станицы. Правда, в саму станицу казаки предпочитали не соваться. Так как в ней располагался отряд милиционеров в 40 человек при нескольких пулемётах. Плюс к этому вооружённый партийно-комсомольский актив и отряд самообороны. Впрочем, это не помешало казакам, в один прекрасный день устроить засаду в самом центре Митякинской, у школы, в которую попал отряд ЧОН. В ходе ожесточённой перестрелки несколько чоновцев и комсомольцев из местных жителей было

убито. Но эта вылазка дорого обошлась и чугреевцам, поспешно отступившим. Это не прибавило любви большинства станичников к ним, открыто называвших их бандитами.

Чугреевцы преследовали продработорников, не допуская, чтобы они собирали с жителей налоги. Кроме того, под их горячую руку попал первый секретарь комсомола Сутормин и весь актив комсомольцев станицы Митякинской. Все убитые комсомольцы были похоронены у Митякинской школы».

«Самым отчаянным среди чугреевцев был казак Башмаков, уроженец х. Нижне-Митякинского. Он никогда не расставался с ручным пулемётом «Льюис», наводя ужас не только на советских работников и милиционеров, но и на своих хуторян. Однажды, возвращаясь ещё с двумя казаками, после побывки из дома в балку Моховатку, в Гнилой балке он столкнулся со своим хуторским приятелем Платоном Швечиковым, косившим спозаранку сено. Башмакову не понравилось, как Платон с ним поздоровался, и недолго думая, высек того до крови нагайкой. Впоследствии, в семидесятых годах, дед Платон Матвеевич сокрушался, говоря, как он мог, ведь они с Башмаком были друзьями».

«...На участке от Луганска до Каменск-Шахтинского летом 1921 года действовали казачьи отряды Попова, Петренко, Ковалёва, Усачёва, Кошелева, Сибилева, Забабурина, Фёдорова. [...] В 1921-1922 годах, в районе станицы Митякинской действовала группа Попова, но очень быстро была разгромлена местным отрядом сомообороны, сам Попов с 4 казаками добровольно сдался. Численность этого отряда составляла около 50 человек. Среди них было два офицера из хутора Чеботовки, бывший атаман станицы Митякинской, и как поговаривали, даже «генерал» из хутора Прогнойского. Эта группа дислоцировалась в Митякинских лесах и совершала нападения на партийных и советских работников как в самой Митякинской, так и в хуторах Дубовском, Нижние Грачики, Садки, Средне-Дубовском».

«В очерке “Семен Иванович Кудинов (по страницам романа “Тихий Дон”)” Б. Челышев приводит рассказ одного из героев романа – участника съезда казаков-фронтовиков в станице Каменской в 1918 году. Семен Кудинов – реальное историческое лицо, изображенное в “Тихом Доне”. Его избрали на съезде в состав Донского ревкома, председателем которого стал Подтелков. Спустя много лет Кудинов рассказал журналисту:

– Есть у нас под Каменской небольшой хутор Чеботовка. Так вот, приехал туда в семнадцатом году на побывку казак, георгиевский кавалер Никанор Миронов... Отец его – вылитый Пантелей Прокофьевич из шолоховского “Тихого Дона” – по этому случаю собрал всю родню. Сидят за столом, беседуют, слушают рассказы фронтовика. Самогон рекою льется. Как водится, разговор зашел о большевиках. И тут выясняется, что Никанор – большевик. В комнате – гнетущая тишина. Вдруг отец затрясся, заорал: – Проваливай отселева, большевистское отродье. Заре-е-жу!

Старик выскочил из хаты и тут же вбежал обратно с огромным колом. Через минуту сын лежал мертвым

с проломленным черепом. А спустя несколько дней хуторяне читали приказ войскового атамана Каледина “За проявление патриотизма, мужества и решимости в борьбе с изменником Дону сыном Никанором Мионовым Тихона Мионова, урядника, произвести в старшие урядники и представить к награждению Георгиевским крестом”».

Возможно, что-то подобное видел племянник Игната Тренева, гостивший летом на хуторе. И поэтому был бледненьким и заикался. Да и слова самого Игната из письма к брату о том, что «очень уж большая тягота на сердце легла за пережитое время, время скорби и печали»; что «жизнь так уж измяла, что не знаешь, что будет завтра и сколько этой жизни ещё осталось в твоём распоряжении»; что «потребность свидания прямо-таки непреоборима» воспринимаются особенно остро... И ещё прекраснее звучат строки из его же писем о пчеловодстве, урожае яровых, первом дожде от Пасхи, травах, сенокосе, мирных посевах «всякого хлеба и злака», подсолнухов и кукурузы, огородных овощей, арбузов и дынь на бахчах на плодородных землях хуторов.

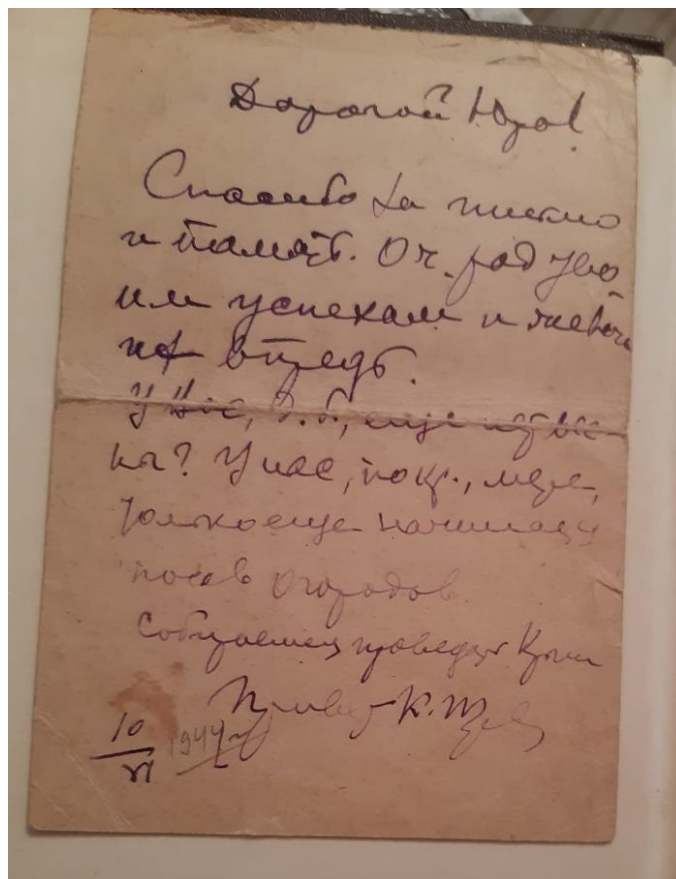

Рис. 1. Почтовая открытка К.А. Тренева к Г.Г. Тренину, оборотная сторона. Из архива семьи М.Г. Тренева. Публикуется впервые

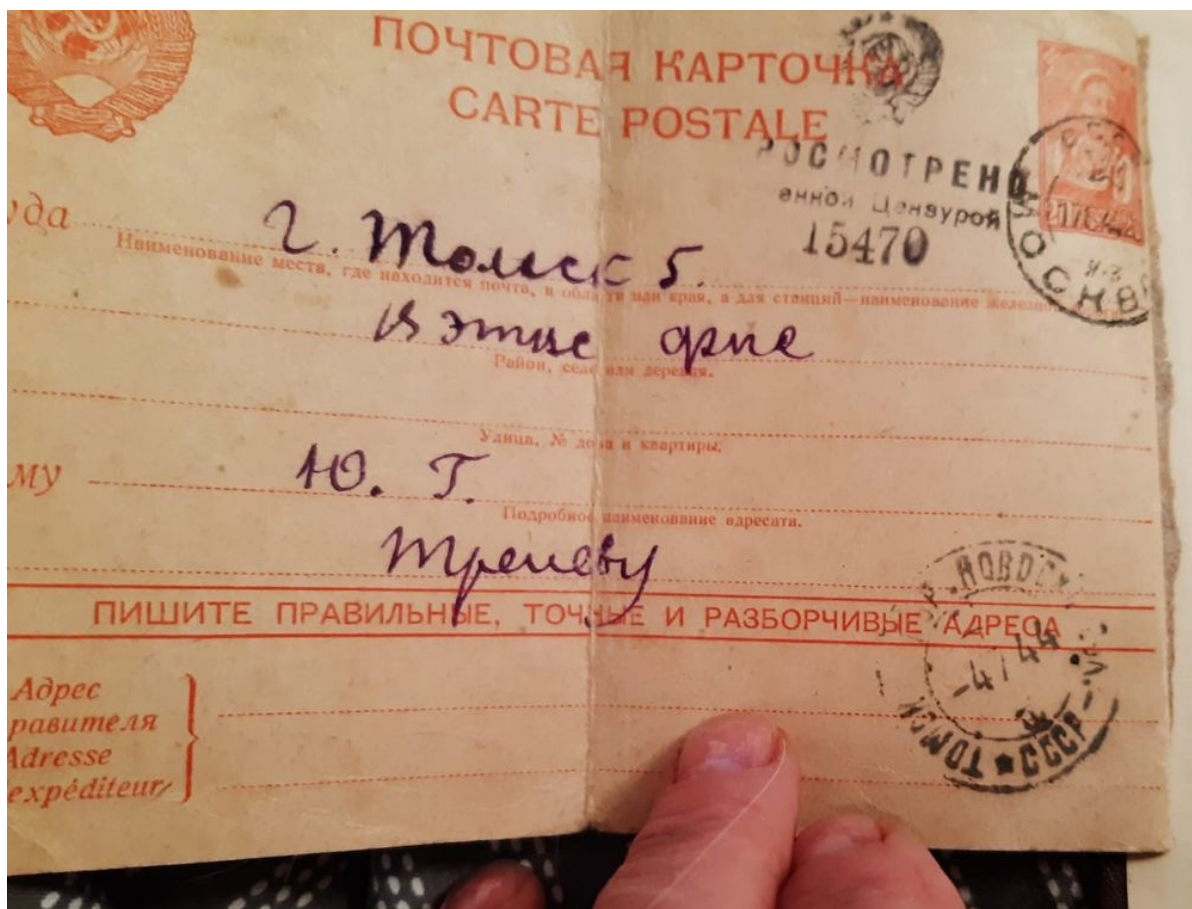

Рис. 2. Почтовая карточка от К.А. Тренева Г.Г. Тренину, лицевая сторона. Из архива семьи М.Г. Тренева. Публикуется впервые

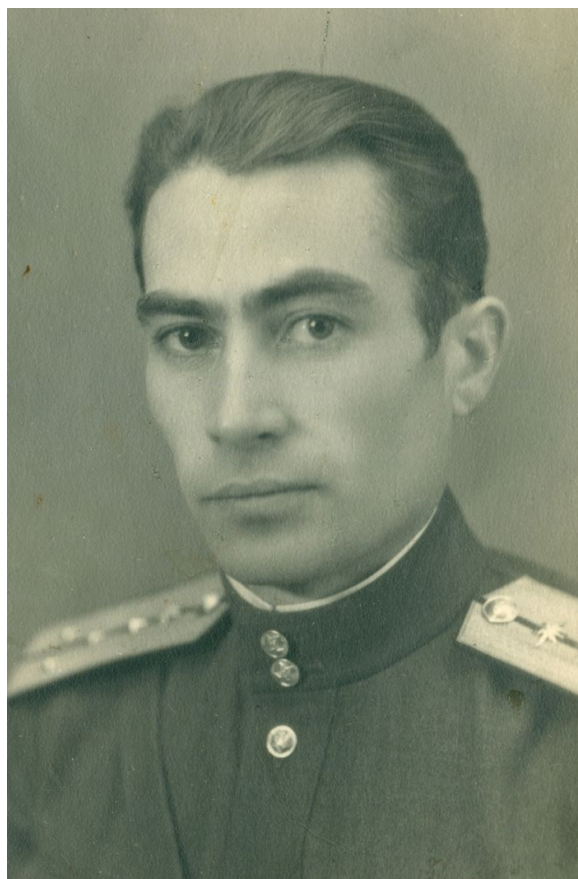

Рис. 3. Георгий Георгиевич Тренев. Из архива семьи Н.Н. Тренева. Публикуется впервые

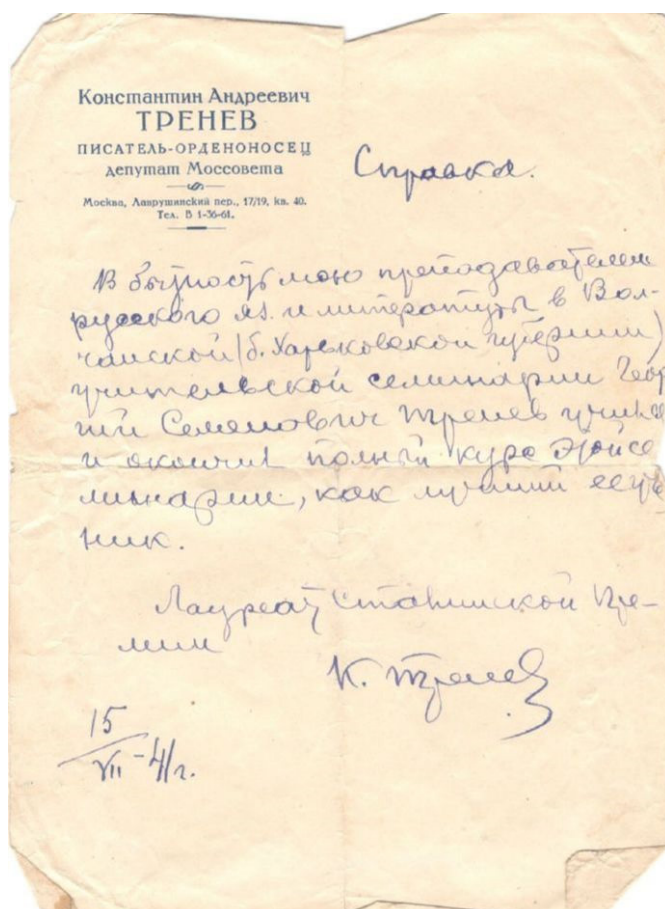

Рис. 4. Справка, написанная писателем К.А. Треневым для Г.С. Тренева в 1941 году. Из архива семьи Е.Г. Треневой. Публикуется впервые

11.1.1935. Дорогой Косья! 1

Несколько раз задумал в театр, но испугал себя
 тебе расквасить, теперь невольно сажусь за соевые ве-
 шивки годового плана, поэтому в Москве не бываю
 и пишу тебе кой-когда в Симферополь как писал адрес.
 дедушке и дяде. Мы все устали и горюхи у нас правды
 тебе, Ларсе ивановне и всему вашему семейству. Я рабо-
 таю с тобой в школе. Дела в институте: меня недоуменно
 ты ждешь на тот, особенно последние время, как же не прийти
 к северу за билет, в Камених хорошах не ходишь, многому
 рожу спросить тебе - сколько стоит, приехать, долги в
 Симферополь в 2-3 комнаты не больше. Если хочешь ку-
 пить билет - до 6⁰⁰ тысяч рублей, тогда можно переехать
 туда, купишь долги. Кой-то из нас с тобой вместе сша-
 мехом, там кто-то друг твой, он пишет в Вешки-Красно-

Рабай аси знай промашаю, никак его не отпустишь.
 Знаю, что ты очень серьезно ждешь вопроса не в курсе дела, но
 не откажешь спросить у знакомых, так этот вопрос для меня
 в данный момент один из важных. Если не удастся не
 поеду авдее, буду писать до тех пор, пока ты не выйдешь
 Этот вопрос очень труден: как дорога дружба в Симферополь и
 как же пережить или подождать или выехать через
 Москву в Краснодар, майер и т.д. и др. материально-
 бытовые вопросы. Передай мое искреннее привет
 от дяди и бабушки и передай мое просьбу помочь мне полу-
 чить авдее и на будущий год моему вопросу. Милый твой
 Целую. Твой Тренев. Бескудников

Адрес: Москва, № Бескудников. Савеловская
 м.д. Совхоз "Вешки" Красноул.р.

Рис. 5. 1-2. Письмо от Г.С. Тренева К.А. Треневу (РГАЛИ. Ф. 1398. Оп. 2. Ед. хр. 500. Л. 1 – 1 об.). Публикуется впервые

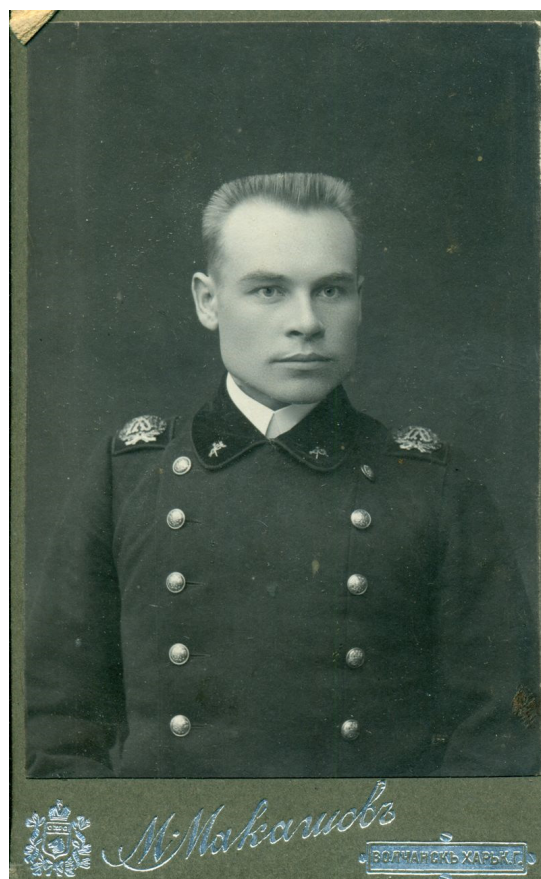

Рис. 6. Георгий Семёнович Тренев. Фотография подарена сестре Глаше 14 мая 1915 г. Фотоателье г. Волчанск, Проспектная ул., д. 5. Из архива семьи М.Г. Тренева. Публикуется впервые

Рис. 7. Супруги Треневы Георгий Семёнович и Домникия Петровна. Фотография подарена сестре Глаше 14 мая 1915 г. Фотоателье г. Волчанск, Проспектная ул., д. 5. Из архива семьи М.Г. Тренева. Публикуется впервые

Рис. 8. Георгий Семёнович Тренев. Фотоателье г. Волчанск, Проспектная ул., д. 5.
Из архива семьи М.Г. Тренева. Публикуется впервые

Рис. 9. Георгий Семёнович Тренев в поздние годы жизни (скончался в 1984 году).
Из архива семьи Н.Н. Тренева. Публикуется впервые

Рис. 10. Супруги Треневы Георгий Семёнович и Домника Петровна с сыновьями Георгием (стоит в военной форме) и Николаем. 1949 год. Из архива семьи Н.Н. Тренева. Публикуется впервые

Рис. 11. Предположительно Семён Яковлевич Тренев. Из архива семьи М.Г. Тренева. Публикуется впервые

Рис. 12. Предположительно Мария Ермолаевна, жена Семёна Яковлевича Тренева. Из архива семьи М.Г. Тренева. Публикуется впервые

Метрическая справка.

Дана эта справка из Харьковской Духовной Консистории, съ надлежащею приложениемъ казенной печати, вслѣдствіе *просьбы* *Станислава Андреевича Нева* въ томъ, что въ метрической книгѣ *Ворожидитъ* *Ворожидитъ* за тысяча *восемьсотъ Сороклетъ* въ первой части о родившихся, записанъ слѣдующій актъ:

№ статьи въ книгѣ	Мѣсяць и день рожденья	Имя рождѣнаго	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей и какого вѣроисповѣданія	Кто совершать таинство крещенія
44	Май 21 22	Крест-Станиславъ	Крест-Станиславъ Андреевичъ Нева и законная жена его Станислава Андреевича Нева, оба православнаго вѣроисповѣданія.	Свѣтлицинъ Александръ Андреевичъ

Свѣдѣній о крещеніи.

Годъ 1911 года.

Членъ Консисторіи, Пред. Д. Колосъ

Секретарь *А. С. С.*

Столбчатый *Столбчатый*

Рис. 13. Справка о рождении К.А. Тренева. Часть листа с годом рождения утрачена. РГАЛИ. Ф. 1398. О. 1 Ед. хр.41. Публикуется впервые

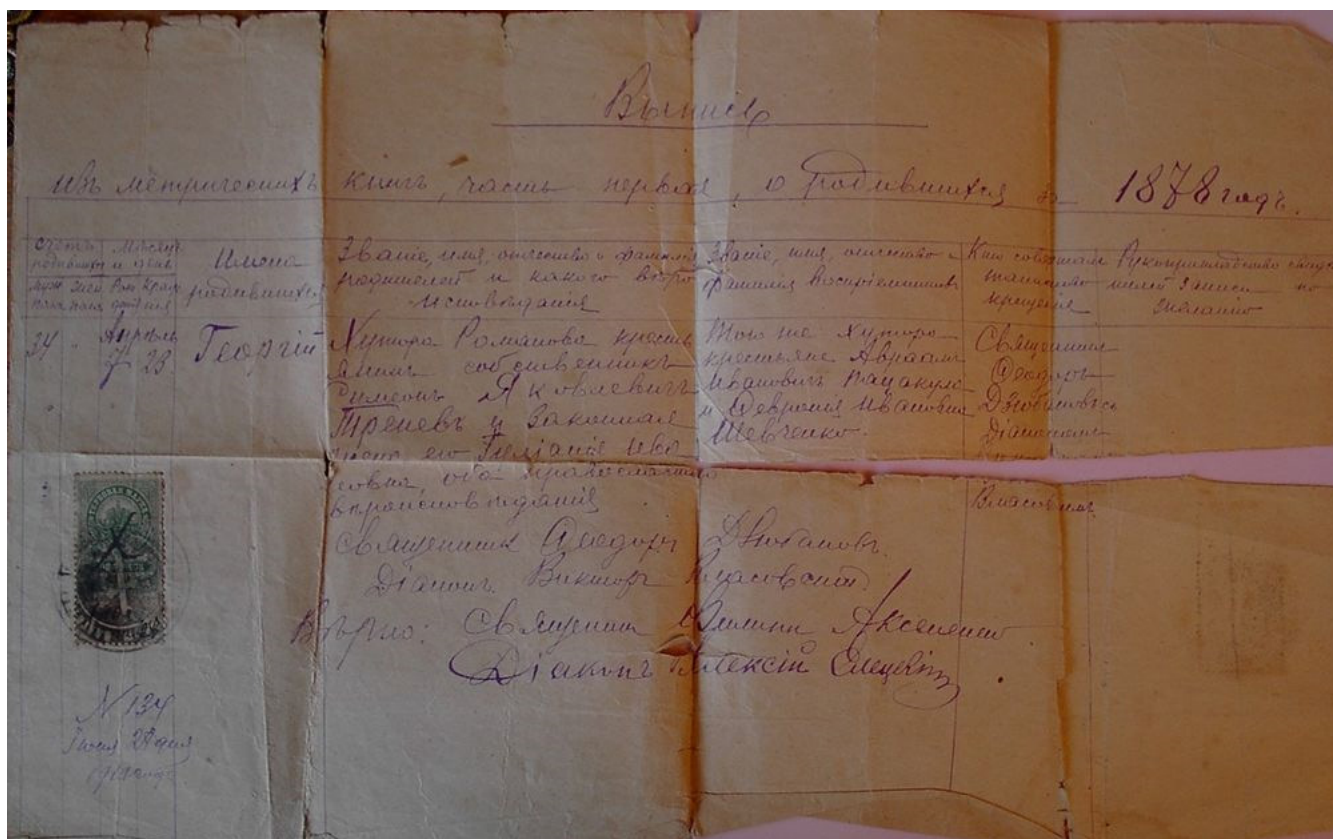

Рис. 14. Фотография выписки из метрической книги о рождении Георгия Семёновича Тренева. Из архива семьи Е.Г. Треновой. Публикуется впервые

Рис. 15. Семья Трениных: Андрей Кириллович Тренин (в центре) с детьми (слева направо) Игнатием, Матрёной, маленьким Сергеем (Алексеем?), Мариной, Константином. Фотография из архива Владимира Клавихо-Телепнева. Публикуется впервые

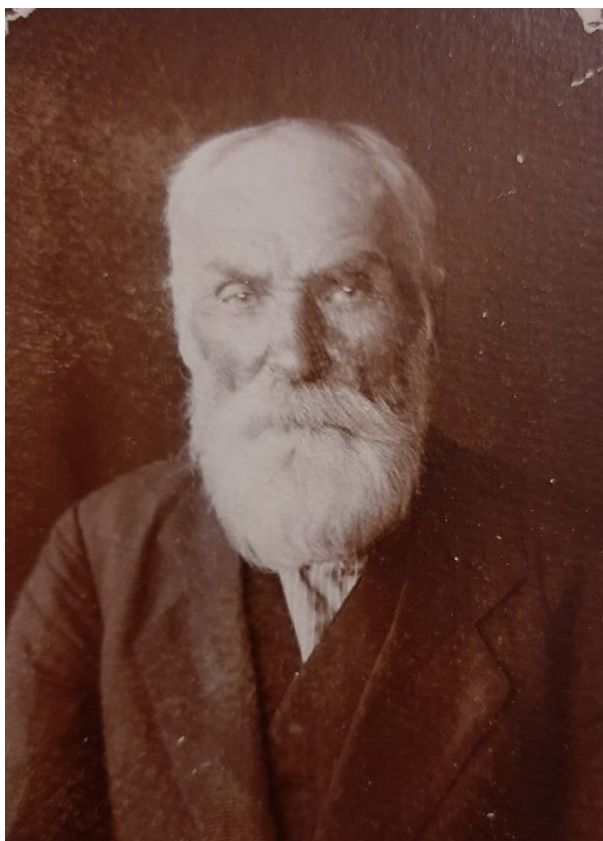

Рис. 16. Тренев Андрей Кириллович. Фотография из семейного архива А.К. Зотовой (Зворыкиной). Публикуется впервые

Рис. 17. Анна Семёновна Шкондина. Фотография из семейного архива А.К.Зотовой (Зворыкиной). Публикуется впервые

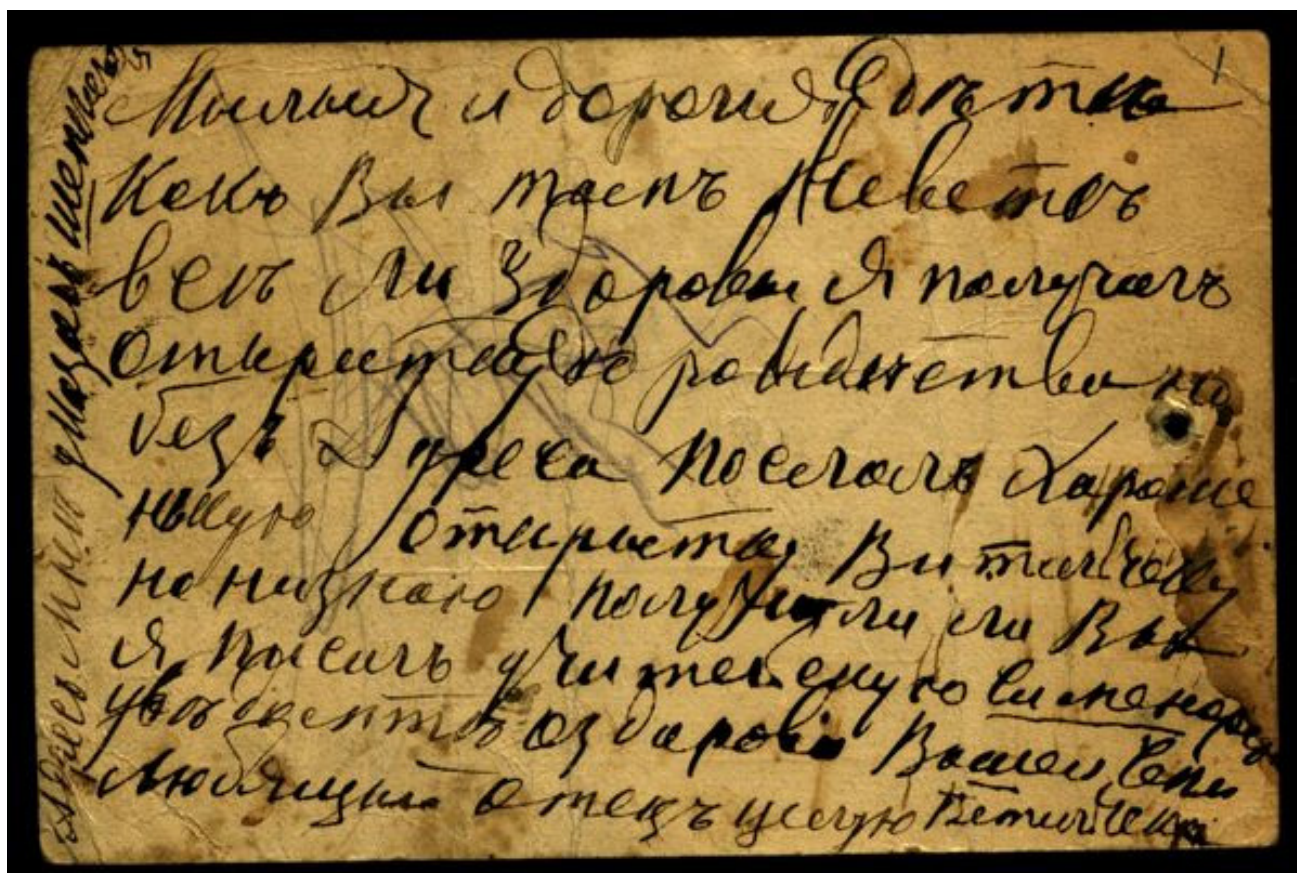

Рис. 18. 1-2. Лицевая и оборотная стороны почтовой открытки от Андрея Кирилловича Тренина сыну К.А. Тренину (РГАЛИ. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 1 об.). Публикуется впервые

«Милые и дорогие дети! Как вы там живёте? Все ли здоровы? Я получил открытку на Рождество, но без адреса. Послал хорошенькую открытку Витальчику, но не знаю, получили ли вы. Я писал в учительскую семинарию уведомить о здоровье. Ваш сим любящий отец. Целую Витальчика. Адрес мне указал Ше... [фамилия неразборчиво]»

Дорогой Коля,
Поздравляю тебя с днём твоим
св. Анны. Желаю тебе здо-
ровья и благополучия от бога
и от нас. Хочу сказать тебе
уверенно. Я думаю, что ты
всегда будешь иметь успех
дела в труде и в делах
вот только не забудь про
какие-нибудь пожелания
и отблагодарить нас твоим
обещанием. Расскажи о
здоровье твоём, поздравляю. Но
желания Марии и других
было, что бы связались с
роднейшей своей и извести-
ли бы ей о делах твоих, а из
отказа тебе до конца и
прежде всего. Ты же не
забывай нас. Мы же не
забываем, что с тобой
не расстаёмся — да и не
будем.

отнюдь не о пропуске
командировки. Хотел бы
и ты мне дать ответ.
Хочу тебе сказать, что
на сердце-то у нас за
твоим делом, а также и
нашим. Хотел бы тебе
просто так и без
ничего тебе дать, что
не знаю, что будет
и сколько тебе ещё
останется в твоём
жизни. Мы хотим к
себе тебе и без
медицинской помощи
и без командировки. Ты
же не забудь нас
и мы же не забудем
тебя. Мы же не
забываем, что с тобой
не расстаёмся — да и
не будем.

Хочу тебе сказать, что
всё же тебе
своё здоровье. Если
ты же не забудь нас
и мы же не забудем
тебя. Мы же не
забываем, что с тобой
не расстаёмся — да и
не будем.

Хочу тебе сказать, что
всё же тебе
своё здоровье. Если
ты же не забудь нас
и мы же не забудем
тебя. Мы же не
забываем, что с тобой
не расстаёмся — да и
не будем.

Рис. 19. 1-4. Страницы письма Игнатия Тренева брату Константину Андреевичу Треневу. Публикуется впервые

ЛИТЕРАТУРА

ГАКО - Государственный архив Курской области.

ГАХО - Государственный архив Харьковской области.

Губин 2020 - Губин Д. День в истории. 2 июня: на Харьковщине родился автор пьесы, которую 28 раз смотрел Сталин / Электронный ресурс: <https://ukraina.ru/20200602/1027862189.html> (Дата обращения – 28.11.2022).

Иванова 2016 - Иванова Л.А. Трениев и трениевцы. Ростов-на-Дону, 2016. 120 с.

Коваленко 2018 - Коваленко Г. Очерки по истории станицы Митякинской и Тарасовского района. Ridero, 2018.

РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства.

Трениев 1951 - Трениев К.А. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1951. 831 с.

Трениев 1955 - Трениев К.А. Избранные произведения в двух томах. Том первый. М.: Государственное издание Художественной литературы, 1955.

REFERENCES

GAHO - Gosudarstvennyj arhiv Har'kovskoj oblasti [The State Archive of the Kharkiv region] [in Russian].

GAKO - Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti [The State Archive of the Kursk region] [in Russian].

Gubin 2020 - Gubin D. Den' v istorii. 2 iyunya: na Har'kovshchine rodilsya avtor p'esy, kotoruyu 28 raz smotrel Stalin [A day in history. June 2: the author of the play, which Stalin watched 28 times, was born in Kharkiv region], Electronic resource: <https://ukraina.ru/20200602/1027862189.html> (Date of access – 28.11.2022) [in Russian].

Ivanova 2016 - Ivanova L.A. Trenev i trenevtsy [Trenev and trenevtsy], Rostov-na-Donu, 2016, 120 p. [in Russian].

Kovalenko 2018 - Kovalenko G. Ocherki po istorii stanicy Mityakinskoj i Tarasovskogo rajona [Essays on the history of the village of Mityakinskaya and Tarasovsky district], Ridero Publ., 2018 [in Russian].

RGALI - Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art] [in Russian].

Trenev 1951 - Trenev K.A. Izbrannye proizvedeniya [Selected works], Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1951, 831 p. [in Russian].

Trenev 1955 - Trenev K.A. Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah. Tom pervyj [Selected works in two volumes. Volume One], Moscow, Gosudarstvennoe izdanie Hudozhestvennoj literatury Publ., 1955 [in Russian].

Трениева Марина Сергеевна

– Кандидат медицинских наук, независимый исследователь (Москва, Россия).

Marina Treneva

– Candidate of Medical Sciences, independent researcher (Moscow, Russia).

trenevamarina@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ПАВЛОВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1920-Е – 1970-Е ГГ. ПО ДАННЫМ ДОКУМЕНТОВ РАЙОННОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются как изменения в культуре Павловского района Краснодарского края отражены в архивных документах местного райкома РКП(б) – КПСС и какую роль в изменениях играло само это учреждение. Документы райкома как органа партийно-государственной власти на данной территории (Павловский район) отражают государственную политику в области культуры (внедрение новой советской обрядности, развитие сети учреждений образования и культуры, стремление изменить роль женщины в индустриальном обществе и пр.), а также ту составляющую культуры, которую можно передать с помощью цифровых показателей: количество профильных учреждений и работников в них; количество людей, имеющих тот или иной уровень образования; число праздничных мероприятий в рамках новой обрядности и пр.; то, что мешает реализации государственной политики, например, религиозность населения, затрудняющая пропаганду атеизма; отток молодёжи из района. Тематика культуры села советского периода, государственная политика в этой сфере нашли своё отражение в методических и научных публикациях различных периодов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Краснодарский край, СССР, культура, РКП(б), КПСС.

CHANGES IN THE CULTURE OF THE PAVLOVSKY DISTRICT OF THE KRASNODAR KRAI IN THE 1920s – 1970s PER DOCUMENTS OF THE DISTRICT COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY

Igor Vasilyev

Research Center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT

The article examines how changes in the culture of the Pavlovsky District of the Krasnodar Krai are reflected in the archival documents of the local district committee of the RCP (b) – CPSU and what role this institution itself played in the changes. The documents of the district committee as a body of party-state power in this territory (Pavlovsky District) reflect the state policy in the field of culture (introduction of new Soviet rituals, development of a network of educational and cultural institutions, aim to change the role of women in an industrial society, etc.), as well as the component of the culture that can be conveyed by means of numerical indicators: number of specialized institutions and workers in them, number of people with different levels of education, number of festive events within the framework of the new Soviet ritualism, etc.; and something that interferes with implementation of the state policy, for example, religiosity of the population, which makes it difficult to promote atheism, and outflow of young people from the area. The rural culture topics of the Soviet period and the state policy in this field are reflected in methodological and scientific publications of various periods.

KEYWORDS: Krasnodar Krai, USSR, culture, RCP(b), CPSU.

В данной работе речь пойдёт о том, как изменения в культуре Павловского района Краснодарского края отражены в архивных документах местного райкома

РКП(б) – КПСС и какую роль в изменениях играло само это учреждение.

Существует множество определений понятия «культура», в т.ч. так может осмысляться всё, что целенаправленно создаётся людьми. В данной статье мы остановимся в большей степени на духовной культуре – сфере, относящейся к мировоззрению и мировосприятию людей, их взаимодействию с продуктами художественного и интеллектуального творчества, а также со специфической получаемых местными жителями знаний и навыков, способами их получения. В этой связи проблематика духовной культуры в той или иной степени смыкается с материальной.

Документы райкома как органа партийно-государственной власти на данной территории (Павловский район) отражают государственную политику в области культуры (внедрение новой советской обрядности, развитие сети учреждений образования и культуры, стремление изменить роль женщины в индустриальном обществе и пр.), а также ту составляющую культуры, которую можно передать с помощью цифровых показателей: количество профильных учреждений и работников в них; количество людей, имеющих тот или иной уровень образования; число праздничных мероприятий в рамках новой обрядности и пр.; то, что мешает реализации государственной политики, например, религиозность населения, затрудняющая пропаганду атеизма; отток молодёжи из района.

Тематика культуры села советского периода, государственная политика в этой сфере нашли своё отражение в методических и научных публикациях различных периодов. В весьма многочисленной советской методической литературе о проведении праздников и обрядов, в книгах, посвященных анализу советских нововведений в сельскую традицию, показывают стремление советской власти к замене традиционной обрядности на новую, советскую, с сохранением ряда традиционных элементов, наиболее ярких, красочных и наименее связанных с религией. Смыслом и целью попыток реформирования обрядности стало стремление к замене традиционных родственных и территориальных коллективов на новые – трудовые и идеологические (пионерские, комсомольские, партийные). И в конечном итоге – стремление к замене неформальных горизонтальных социальных связей на официальные, вертикальные (Алексеев 1968; Острожинский 1974; В добрый путь 1980; Материалы 1980; Методические указания 1980: 3-27; Совет 1980; Тульцева 1985).

В книге В.И. Лях «Просвещение и культура в истории кубанской станицы» затронуты проблемы становления культуры индустриального общества в кубанских станицах, показана существенная роль государства в становлении новой культуры (Лях 1998).

Применительно к Кубани специфика государственных праздников раннего советского периода рассматривалась в статье Э.Н. Нежигай «Советские праздники как социокультурное явление». В статье рассмотрено преимущественно празднование советских праздников в 1920-е гг. в городах (Нежигай 1999: 23-54).

Существенно более фундаментальна работа С.Н. Шаповалова «Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918-1930 гг.», где показана специфика формирования советской праздничной культуры в первой половине XX в. на Кубани. В этой работе также обращается внимание на общую схему советского праздничного мероприятия – шествие перед трибуной, завершающееся митингом. В работе нашли отражение как общие тенденции, так и региональная специфика, приведена масса ценных фактов. Например, на Кубани в 1920-е гг. праздничные мероприятия были более формальными – больше шествий и митингов, меньше концертов и инсценировок. Советские праздники на селе внедрялись путем присылки для их организации ответственных работников из городов и шефства городских учреждений и предприятий над сельскими поселениями (Шаповалов 2012).

В контексте повседневности важна и гендерная специфика. Образ женщины, который транслировала в массы советская пресса середины XX века, был в целом стандартным вне зависимости от региона. Женщина должна была быть ориентированной на производственный труд, а не на семью, переносить тяготы этого труда ей должна была помогать вера в лучшее будущее (Новинская 2017: 121-124).

С момента своего окончательного установления в 1920-м г. новая советская власть стремится коренным образом изменить уклад жизни. Она стремилась ослабить традиционную самоорганизацию и коллективы выживания. Это было нужно большевикам для усиления контроля над людьми и формирования массового индустриального производства на селе. Также они считали необходимым быстрое увеличение специалистов разного профиля. Поэтому был взят курс на трансформацию такого важнейшего элемента традиционной духовной культуры, как гендерные стереотипы.

Это стало главной причиной быстрого роста в 1920-е гг. инспирированного сверху женского движения. «Новые женщины» активно поддерживали власть советов, предпочитали общественную деятельность и работу семье. В 1924 г. в Павловском районе было 185 женщин-активисток. Преобладала молодёжь: в возрасте 18-20 лет – 80 чел; от 20 до 30 – 79 чел; от 30 до 35 – 16 чел; от 35 до 40 – 10 чел. Из них батрачек было 45 чел, крестьянок – 78 чел, служащих – 33 чел, интеллигенток – 9 чел. Иногородних среди делегатов было 154 чел; казачек – 31 чел; из семей бедняков – 165 чел; середняков – 20 чел. Девушек – 72 чел, замужних – 48 чел, вдов – 65 чел. Из них грамотных – 50 чел, неграмотных – 90 чел, малограмотных – 32 чел, среднеграмотных – 13 чел. Таким образом, «советский феминизм» в Павловском районе преимущественно привлекал наиболее молодых, низкостатусных, не устроенных в жизни девушек.

Чем должны были заниматься активистки женского движения? Прежде всего, помогать реализовывать правительственную политику. Например, женотделы должны были агитировать граждан делать вклады в сельскохозяйственное кредитное товарищество (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 11. Л. 4; Ф. 1384. Оп. 1. Д. 27. Л. 2).

Несмотря на активную пропаганду, большинство женщин оставалось весьма консервативными. Например, они негативно воспринимали коллективизацию. В том числе и поэтому в начале 1930-х гг. решено было резко активизировать коммунистическую пропаганду среди молодого поколения, детей и юношества. Что привело к массовому созданию комсомольских и пионерских организаций (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 61. Л. 4; Ф. 1384. Оп. 1. Д. 62а. Л. 17).

В годы войны значимость женщин в производстве резко выросло (мужчины ушли на фронт). Так, в Павловском районе велось организованное обучение женщин и подростков для работы на тракторах (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 152. Л. 4об.).

Несмотря на это общественная активность женщин оставалась сравнительно низкой. В парторганизации Павловского района в конце 1940-х гг. женщин было по-прежнему мало. Семья по-прежнему была для женщин на первом месте. Многие из них официально не работали. Неработающих женщин-домохозяек агитировали принимать участие в сельскохозяйственных работах, например, уборке сахарной свёклы.

Женщины часто предпочитали проводить время в своём кругу, вдали от носителей официальной повестки. Так, клуб молочно-товарной фермы в колхозе «Советская Россия» был не слишком популярен, – дорярки предпочитали просто ходить в гости друг к другу. Примечательно, что среди них была всего одна комсомолка, не было членов партии (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 189. Л. 1об; Ф. 1384. Оп. 12. Д. 35. Л. 6; Ф. 1384. Оп. 12. Д. 38. Л. 10).

Но со временем роль женщин в социалистическом производстве действительно выросла. В Крыловском сельском совете в 1971 г. 50% работающих составляли женщины (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 19. Д. 1. Л. 20).

В середине XX в. власти ставили перед сельским хозяйством амбициозные цели, которые представлялись вполне достижимыми. В том числе и в Павловском районе Краснодарского края. Несмотря на слабую материальную базу, в планах развития хозяйства с конца 1940-х гг. значилось «преобразование природы». А в конце 1950-х гг. «труженики района» взяли на себя обязательства догнать и перегнать американский штат Айова по производству мяса, масла и молока (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 223. Л. 4; ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 12. Д. 19. Л. 4).

Для всего этого был необходим быстрый и массовый рост образовательного и культурного уровня селян. В 1946 г. идеологический отдел райкома проводил лекции на естественнонаучные темы. Лекции читали 27 лекторов: 14 учителей, 6 врачей, 5 агрономов, 1 зоотехник и 1 юрист. Местное руководство в начале 1950-х гг. стремилось организовать кинопоказы и чтение лекций в каждом населённом пункте. Однако не везде были необходимые условия. Например, на хуторе «Большевик» для освещения клуба в вечернее время не хватало керосина. В 1956 г. в станице (далее -ст.) Старолеушковской был всего один киноаппарат (устройство для демонстрации кинофильмов – И.В.) на 4 клуба. Отмечалось,

что «многочисленный учительский коллектив, врачи и агрономы в бригадах и на фермах выступают редко».

Тем не менее, например, для поднятия уровня производственных знаний животноводов-энтузиастов профессии было решено «...обеспечить агрозоотехнические группы необходимыми учебниками, оборудованием. Ввести в практику демонстрацию в агрозоотехнических кружках фильмов на научно-производственные темы... не реже одного раза в месяц» (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 182. Л. 3; Ф. 1384. Оп. 1. Д. 260. Л. 1-2; Ф. 1384. Оп. 11. Д. 7. Л. 4, 7; Ф. 1384. Оп.1. Д. 295. Л. 2об.).

Стремление к массовому просвещению населения в нужном идеологическом ключе способствовало развитию сети учреждений культуры. В 1962 г. в Павловском районе было более ста работников культуры, но мало кто из них имел специальное образование. А в 1965 г. здесь уже действовало 67 клубов, 79 киноустановок, 4 дома культуры, 2 музыкальные школы, народный театр, 57 библиотек. В 1964 г. была проведена выставка самодеятельных художников, прикладного искусства, успешно работала студия любителейских кинофильмов (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 12. Д. 61. Л. 1; Ф. 1384. Оп. 13. Д. 1. Л. 62-64).

Постепенно эти учреждения начинают играть всё большую роль и в песенно-музыкальной культуре. В 1930-е гг. для Кубани были характерны гонения на традиционный песенный фольклор, особенно на его религиозную, казачью историческую составляющую. Но постепенно, с развитием системы станичных и колхозных клубов, появляется художественная самодеятельность. Первоначально для неё был характерен эстрадный репертуар с официальным идеологическим уклоном, исполнение частушек, любительские драматические представления, зачастую пропагандистского характера. Выступали комсомольцы, активисты, поддерживавшие советскую власть.

Но постепенно в самодеятельность проникало всё больше фольклорных мотивов. Особенно это стало заметно во время Великой Отечественной войны. Именно в это время художественная самодеятельность приобретает особое значение для поднятия духа в трудных условиях.

Во время весеннего сева 1944 г. в каждой колхозной бригаде решено было провести как минимум один концерт художественной самодеятельности и 2-3 кинопоказа.

Тем более, что средств на то, чтобы пригласить профессиональных артистов не было. В 1944 г. ни один колхоз за неимением средств не принял для выступлений артистов-профессионалов (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 152. Л. 2об – 4об.).

В мае 1951 г. в Павловском районе уже прошёл смотр художественной самодеятельности. В 1952 г. в Павловском районе силами колхозов должен был быть проведён праздник песни. Самодеятельные музыкальные коллективы участвовали в агитационных кампаниях перед выборами в советы. Так, в преддверии выборов 1956 г. агитбригада ДК ст. Старолеушковской выступила в колхозах «Заря коммунизма», «Советская Россия» и им. Калинина (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 270. Л. 1об; Ф.

1384. Оп. 1. Д. 282. Л. 2; Ф. 1384. Оп. 1. Д. 302. Л. 2; Ф. 1384. Оп. 11. Д. 1. Л. 5).

Но развитию художественной самодеятельности мешал низкий уровень методической помощи, оказываемой работниками домов культуры (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 13. Д. 1. Л. 62-64). В первой половине 1970-х гг. культработники уже по большей части имели высшее или среднее специальное образование. Однако стало не хватать желающих работать на селе.

Партийное руководство заботилось и о повышении интереса к чтению, видя в книге проводника государственной идеологии. Идеологический отдел райкома организовал изучение некоторых произведений художественной литературы, таких как «Они сражались за Родину». Ставилась задача приучить коммунистов к чтению художественной литературы. Но в первой половине 1950-х гг. план по продаже книг в Павловском районе не выполнялся. В середине 1950-х гг. в ст. Павловской действовал магазин товаров, имеющих отношение к сфере культуры – культмаг. При этом торговля книгами через него и другие организации велась слабо (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 179. Л. 1об; Ф. 1384. Оп. 1. Д. 245. Л. 3; Ф. 1384. Оп. 1. Д. 309. Л. 1; Ф. 1384. Оп. 8. Д. 9. Л. 1об.).

Состояние книжной торговли отражает уровень жизни местного населения в середине XX в., а также уровень развития системы образования. Материальная база школ оставалась слабой. В 1951 г. в Павловском районе было 7 тыс. учащихся школ. Около 1 тыс. из них училось плохо. Одной из причин этого считалось отсутствие транспорта для того, чтобы возить учеников в школы с отдалённых хуторов. Им порой приходилось идти пешком несколько часов. Станичники нередко начина-

ли работать или шли служить в армию, так и не окончив 7-летнюю школу. Но уже в 1963-1964 гг. было построено 13 школьных зданий на 1780 мест, детских садов на 125 мест, интернатов на 350 мест (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 256; Ф. 1384. Оп. 10. Д. 6. Л. 2; Ф. 1384. Оп. 12. Д. 21. Л. 4; Ф. 1384. Оп. 13. Д. 1. Л. 62-64).

В 1950-е – 1970-е гг. быстро рос уровень подготовки специалистов разных профессий. В 1967-1968 гг. колхозы и совхозы Павловского района направили обучаться в вузах и техникумах 238 чел. В 1971 г. училища по специальности «механизация» подготовили 232 выпускника, на краткосрочных курсах – ещё 152 тракториста, в средних общеобразовательных школах профессию «механизатор» приобрели 238 выпускников.

В начале 1950-х гг. появляются руководители районного звена с высшим образованием, а в середине десятилетия среди руководителей района преобладали люди, ещё не успевшие завершить его. Из делегатов XXXVIII Павловской районной партийной конференции 125 имели высшее образование, 128 – среднее (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 16. Д. 1. Л. 20; Ф. 1384. Оп. 18. Д. 1. Л. 41; Ф. 1384. Оп. 1. Д. 240. Л. 2; Ф. 1384. Оп. 9. Д. 3. Л. 3; Ф. 1384. Оп. 19. Д. 17. Л. 30).

К началу 1970-х гг. в развитии образования и культуры Павловского района было достигнуто немало успехов. В 1972 г. в школах Павловского района обучалось 17 тыс. детей. На территории района действовало 47 домов культуры и клубов, 73 библиотеки, 3 музыкальные школы, художественная школа. В 1966 г. была запланирована установка в центре ст. Павловской памятника Ленину (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 20. Д. 1. Л. 162-163; Ф. 1384. Оп. 14. Д. 3. Л. 125).

Это было время апогея развития индустриального уклада жизни в районе, что выразилось в коренных изменениях быта павловчан. Многие жители района построили добротные дома, приобрели автомобили и мотоциклы, радиоприёмники и телевизоры. Последние вытесняют из обихода среднего и младшего поколений фольклорное пение, отчасти – коллективные виды досуга. Велик был интерес к спорту. Среди жителей Павловского района был популярен футбол и волейбол (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 15. Д. 17. Л. 3; Ф. 1384. Оп. 11. Д. 7. Л. 8).

Одновременно индустриальный уклад, по сути своей преимущественно городской, всё больше работал на ослабление села. Уже в 1967 г. большинство выпускников школ района уезжало в город. Причиной этого считался недостаток развлечений. Для решения этой проблемы партийное руководство считали необходимым построить больше домов культуры, что проблему не решало.

К тому же индустриальный уклад начинал клониться к упадку. Некоторые институты массового общества, такие, как система образования, начали терять эффективность. Учителям школ всё труднее было находить общий язык с учениками. Поэтому в конце 1960-х гг. они ощутили недостаток знаний в сфере педагогики и психологии (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 16. Д. 2. Л. 23; Ф. 1384. Оп. 16. Д. 14. Л. 1).

Но и на закате индустриальной эры, и в её начале коммунистическое руководство Павловского района уделяло много внимания мировоззрению его населения. В особенности – религии и борьбе с нею.

Считалось, что в середине 1920-х гг. население ст. Павловской было весьма религиозно. Например, местные жители хотели достроить церковь, возведение которой начали до Первой мировой войны, а в 1944 г. нежелание учащихся школы им. Луначарского вступать в пионеры объяснялось противодействием верующих родителей. И в середине 1950-х гг. отмечалось усиление влияния церкви на молодёжь. С ним боролись с помощью атеистической пропаганды, призывали чаще организовывать в сельской глубинке светские зрелищные мероприятия. «Нередко молодые люди и даже учащиеся посещают церковь, отправляют религиозные обряды». Часть жителей Павловского района продолжали регулярно ходить в церковь и в начале 1960-х гг. Некоторые из них предпочитали православный храм учреждениям культуры.

В конце 1960-х гг. в Павловском районе также действовало 7 религиозных сект, из которых 5 уклонялись от регистрации. А баптисты хутора Красный активно проповедовали среди школьников (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 16. Л. 7; Ф. 8624. Оп. 1. Д. 30. Л. 8; Ф. 1384. Оп. 8. Д. 4. Л. 4 – 4об; Ф. 1384. Оп. 11. Д. 7. Л. 8; Ф. 1384. Оп. 12. Д. 61. Л. 2; Ф. 1384. Оп. 16. Д. 1. Л. 28).

Формирование нового мировоззрения не могло не отразиться на праздничном и обрядовом циклах. После установления советской власти начинает формироваться новый праздничный календарь, включающий празднование 1 мая (праздник, ещё при царской власти популярный среди революционеров), очередной годовщины октябрьской революции, мероприятия, по-

священные Красной армии. На празднование Первомая в 1927 г. в Павловском районе было выделено 100 рублей. Также проводились «Дни смычки» территориальной частей Красной армии с представителями районов, на территории которых они формировались. Члены райкомов произносили приветственные речи, устраивались скачки (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 37. Л. 2-3).

Но в 1920-е новые праздники были популярны преимущественно среди сторонников новой власти, большинство придерживалось традиционного церковного календаря. В послевоенный период ситуация коренным образом меняется, новые праздники становятся массовыми.

При поддержке местных советов и партийных органов, сельских клубов и домов культуры стали проводиться специально разработанные ритуализированные мероприятия. Например, вместо традиционных Проводов стремились внедрить «День погибших и умерших».

Помимо официальных партийно-советских праздников, таких как 1 мая и годовщина октябрьской революции, проводились приуроченные к сезонам года мероприятия с сильной развлекательно-игровой составляющей. Такие, как «Праздник русской зимы», осенние праздники, (впоследствии – праздник Урожая), праздник весны. Клубы, например, устраивали колядование на Новый год, а также новые обряды жизненного цикла: бракосочетания, регистрации новорожденных, «Посвящение в земледельцы», «Посвящение в ударники коммунистического труда», вечера – проводы в армию, вручения паспортов. Специально выделялось бракосочетание между активными сторонниками советской власти – «комсомольская свадьба». Для укрепления семейных ценностей считалось важным празднование юбилеев семейной жизни – «серебряной», «золотой» свадьбы (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 14. Д. 1. Л. 27; Ф. 1384. Оп. 16. Д. 14. Л. 4-5; Ф. 1384. Оп. 21. Д. 11. Л. 1; Ф. 1384. Оп. 22. Д. 10. Л. 5).

Новая советская обрядность рассматривалась в контексте в т.ч. атеистической пропаганды. Например, школьники из религиозных семей выявлялись особо, с ними проводились беседы (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 21. Д. 11. Л. 1-2).

Но православие не уходило полностью из жизни молодого поколения. Например, на 1 января 1965 г. на 778 церковных крещений детей приходилось лишь 408 случаев регистрации. Но из 1497 детей, родившихся в 1967 г., в соответствии с новой обрядностью было зарегистрировано 1093 ребёнка. Предполагалось, что в 1963-1968 гг. никто в Павловском районе не венчался в церкви. Но при этом в конце 1960-х гг. в Павловском районе только половина бракосочетаний проходила по «новым советским обрядам». За первые 10 месяцев 1968 г. было крещено 20% новорожденных. В 1972 г. из 1373 новорожденных 1149 было торжественно зарегистрировано, крещено в молитвенном доме было 217 (15%). Ранее, в 1971 г. крещёных было более 21%. В 1973 г. было торжественно зарегистрировано 709 пар новобрачных, 1126 новорожденных, или 88, 5% от общего числа родившихся. В районе отпраздновали 78 серебряных и золотых свадеб, 110 «комсомольских свадеб» (ЦДНИКК. Ф.

1384. Оп. 14. Д. 1. Л. 27; Ф. 1384. Оп. 21. Д. 11. Л. 1; Ф. 1384. Оп. 16. Д. 1. Л. 28; Ф. 1384. Оп. 21. Д. 11. Л. 1-2; Ф. 1384. Оп. 22. Д. 10. Л. 5).

В 1970-е гг. официально позиционируются как «вошедшие в быт» праздники «Русской зима», «Весны», «Урожая», дни памяти, торжественную регистрацию новорожденных и заключения брака. Посвящение молодых работников колхозов и совхозов «в животноводы» в первой половине 1970-х гг. также позиционировалось как норма (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 22. Д. 10. Л. 5; Ф. 1384. Оп. 21. Д. 1. Л. 61).

Внедрение новых советских обрядов и ведение атеистической пропаганды возлагалось на руководство образовательных учреждений, предприятий. Так, колхоз «Родина» отчитывался, что в последнее воскресенье каждого месяца проводилась торжественная регистрация новорожденных. В школе № 19 ст. Незамаевской в 1970-е гг. действовал атеистический кружок.

В 1974 г. среди комсомольцев совхоза Павловский было проведено 6 гражданских регистраций брака, на 4 больше, чем в 1974 г. На Павловском автотранспортном предприятии велась пропаганда новых гражданских обрядов. «Количество венчаний и крещений в церкви не проверялось. Венчаний и крещений детей по новым гражданским обрядам не проводилось». Среди комсомольцев колхоза «Страна советов» брак по гражданскому обряду зарегистрировали 29 пар, в 1972 г. – 24 пары, в 1973 – 37, в 1974 – 19 (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 21. Д. 18. Л. 8; Ф. 1384. Оп. 22. Д. 23. Л. 18; Ф. 1384. Оп. 22. Д. 2. Л. 37, 55, 71).

При этом часть подобной отчётности бралась «с потолка». На рубеже 1960-х – 1970-х гг. жители района, в т.ч. руководители и активисты, теряли интерес к преобразованию общества на коммунистических началах. Так, комсомольская работа в Павловском районе в конце 1960-х гг. уже проводилась больше «для галочки». Комсомольцы стремились уехать из района. А, например,

в клубе отделения № 2 совхоза им. Калинина имелся оставшийся от прежних хрущёвских времён «затёртый «Моральный кодекс строителя коммунизма» и устаревший список ударников коммунистического труда» (ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 16. Д. 9. Л. 19; Ф. 1384. Оп. 21. Д. 10. Л. 17).

Итак, в 1920-е – 1970-е гг. усиливается роль женщины в производстве и общественной жизни. При том, что женщины продолжали стремиться сохранить свою традиционную ориентированность на семью.

Начиная со середины XX в. быстро развивается сеть школ различного профиля и учреждений культуры. В быт жителей района массово входит чтение книг, просмотр кинофильмов, выступления художественной самодеятельности.

Религиозное мировоззрение в Павловском районе весьма долго сохраняет свою значимость и сдает позиции среди молодых людей и людей среднего возраста во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. под влиянием массивной атеистической пропаганды и внедрения новой советской культуры, в частности новых светских обрядов жизненного цикла. «Спускается сверху» и светские календарные праздники, которые, однако оказываются не слишком устойчивыми. За исключением дня 1 мая, светского дня поминовения умерших, который постепенно сливается с Днём Победы 9 мая и сельскохозяйственного Дня Урожая.

При этом на рубеже 1960-х – 1970-х гг. в Павловском районе уже назревает кризис сельского индустриального уклада советского типа. Властям уже приходится специально пропагандировать и поддерживать прочность родственных коллективов выживания (семей). Одновременно усиливается отток из района молодёжи, специалистов, а слушание радиоприёмников, просмотр телепрограмм всё больше конкурирует с коллективными формами досуга. Например, в домах культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1968 - Алексеев Л.Я. Современные праздники и обряды в деревне. М., 1968.

В добрый путь 1980 - В добрый путь, молодой хлебороб! (рекомендации по проведению праздника «посвящение в хлеборобы». Краснодар, 1980.

Лях 1998 - Лях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1998.

Материалы 1980 - Материалы Комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам. Краснодар, 1980.

Методические указания 1980 - Методические указания по проведению праздника выпускников школ. Краснодар, 1980.

Нежигай 1999 - Нежигай Э.Н. Советские праздники как социокультурное явление // НЭПовская Кубань: сознание и культура населения. Краснодар, 1999.

Новинская 2017 - Новинская Т.Ю. Образ советской сельской женщины по материалам газеты «Сталинское знамя» 1952 г. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой Международной научной конференции, 7-10 сентября 2017 г. Архангельск. В трех томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 121-124.

Острожинский 1974 - Острожинский В.Е. Обряды в нашей жизни. М., 1980.

Приглашаем 1974 - Приглашаем на праздник. Барнаул, 1974.

Совет 1980 - Совет вам да любовь! (методические рекомендации по проведению торжественного свадебного обряда). Краснодар, 1980.

Тутьцева 1985 - Тутьцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.

ЦДНИКК - Центр документации новейшей истории Краснодарского Края.

Шаповалов 2012 - Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918-1930 гг. Краснодар, 2012.

REFERENCES

- Alekseev 1968 - Alekseev L.YA. Sovremennyye prazdniki i obryady v derevne [Modern holidays and rituals in the village], Moscow, 1968 [in Russian].
- CDNIKK - Centr dokumentatsii novejshej istorii Krasnodarskogo Kraja [Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory] [in Russian].
- Lyah 1998 - Lyah V.I. Prosveshchenie i kul'tura v istorii kubanskoj stanicy [Enlightenment and culture in the history of the Kuban stanitsa], Krasnodar, 1998 [in Russian].
- Materialy 1980 - Materialy Komissii po sovetskim traditsiyam, prazdnikam i obryadam [Materials of the Commission on Soviet Traditions, Holidays and Rituals], Krasnodar, 1980 [in Russian].
- Metodicheskie ukazaniya 1980 - Metodicheskie ukazaniya po provedeniyu prazdnika vypusknikov shkol [Methodological guidelines for the celebration of school leavers], Krasnodar, 1980 [in Russian].
- Nezhigaj 1999 - Nezhigaj E.N. Sovetskie prazdniki kak sociokul'turnoe yavlenie [Soviet holidays as a socio-cultural phenomenon], in: NEPovskaya Kuban': soznanie i kul'tura naseleniya [NEP Kuban: consciousness and culture of the population], Krasnodar, 1999 [in Russian].
- Novinskaya 2017 - Novinskaya T.YU. Obraz sovetskoj sel'skoj zhenshchiny po materialam gazety «Stalinskoe znamya» 1952 g. [The image of a Soviet rural woman based on the materials of the newspaper "Stalin's Banner" 1952], in: Sila slabyyh: gendernyye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoyashchem. Materialy Desyatoy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 7-10 sentyabrya 2017 g. Arhangel'sk. V trekh tomah / Otv. red. N.L. Pushkareva, T.I. Troshina [The strength of the Weak: gender aspects of mutual assistance and leadership in the past and present. Materials of the Tenth International Scientific Conference, September 7-10, 2017, Arkhangelsk. In three volumes / Responsible editors N.L. Pushkareva, T.I. Troshina], Vol. 1, Moscow, IEA RAN Publ., 2017, pp. 121-124 [in Russian].
- Ostrozhinskij 1974 - Ostrozhinskij V.E. Obryady v nashej zhizni [Rituals in our life], Moscow, 1980 [in Russian].
- Priglasheem 1974 - Priglasheem na prazdnik [We invite you to the holiday], Barnaul, 1974 [in Russian].
- SHapovalov 2012 - SHapovalov S.N. Genezis sovetskih gosudarstvennyh prazdnikov na Kubani v 1918-1930 gg. [The genesis of Soviet public holidays in the Kuban in 1918-1930], Krasnodar, 2012 [in Russian].
- Sovet 1980 - Sovet vam da lyubov'! (metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu torzhestvennogo svadebnogo obryada) [Advice to you yes love! (guidelines for conducting a solemn wedding ceremony)], Krasnodar, 1980 [in Russian].
- Tul'ceva 1985 - Tul'ceva L.A. Sovremennyye prazdniki i obryady narodov SSSR [Modern holidays and rituals of the peoples of the USSR], Moscow, 1985 [in Russian].
- V dobryj put' 1980 - V dobryj put', molodoj hleborob! (rekomendatsii po provedeniyu prazdnika «posvyashchenie v hleboroby») [Good luck, young grain grower! (recommendations for the celebration "dedication to grain growers"), Krasnodar, 1980 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev

– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПЕКТОРАЛИ ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА И ПОЗДНИХ ПЕРИОДОВ

А.И. Савельева

Россия, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18
e-mail: anastasiiasavelyeva@gmail.com

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье предпринимается попытка рассмотрения древнеегипетских пекторалей из «недорогих» материалов, получивших широкое распространение с эпохи Нового царства и использовавшихся преимущественно в погребальной традиции, их технологических, художественных и сюжетных особенностей. Данный комплекс предметов практически не исследован, что делает его интересным объектом для дальнейшего более подробного изучения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древний Египет, Новое царство, украшения, пекторали.

FUNERAL PECTORALS OF THE NEW KINGDOM AND LATER PERIODS

Anastasia Savelyeva

Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design
Russia, 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 18
e-mail: anastasiiasavelyeva@gmail.com

ABSTRACT

The article attempts to review the ancient Egyptian pectorals made of «inexpensive» materials that have become widespread since the New Kingdom era and used mainly in the funerary tradition, in particular, their technological, artistic and narrative peculiarities. This complex of objects has been virtually unexplored, which makes it perspective for further more detailed study.

KEYWORDS: Ancient Egypt, New Kingdom, decorations, pectorals.

Украшения были неизменным атрибутом любого египтянина вне зависимости от его сословия и достатка и сопровождали его как в жизни земной, так и в царстве Осириса. Многочисленные свидетельства этому можно найти не только в росписях и скульптуре, но и в подлинных артефактах, извлекаемых из древних погребений. Предметы могли варьироваться от роскошных и тяжелых золотых украшений, оберегавших священные останки фараона (Wilkinson 1971: 111), до самых простых шейных украшений из недорогого фаянса и даже сезонных растений. Неизменный интерес для зрителей представляют, разумеется, именно многоцветные ожерелья, пекторали и браслеты из гробниц аристократии и членов царской фамилии, однако не менее обширную и интересную для исследования группу являют скромные украшения из менее богатых захоронений. К сожалению, данная тема практически не исследована: в изучении украшений обычно предпочтение отдается предметам из драгоценных материалов, однако можно точно сказать, что рассматриваемые далее предметы не менее важны для понимания и дальнейшего изучения искусства и культуры страны Та-Кемет. Крайне скудно упоминания о них в профессиональной литературе.

В качестве объекта исследования берутся пекторали, датируемые от начала Нового царства и до середины I тысячелетия, из собраний крупнейших музеев (Британский музей, Лувр, Музей Метрополитен, Новый музей в Берлине, ГМИИ, Эрмитаж и др.).

С эпохи Нового царства открылись более широкие возможности у менее привилегированных слоев населения для обеспечения себе достойного погребения и процветания в загробном царстве. Это выразилось не только в распространении относительно более быстрых и «бюджетных» способов сохранения тела, формировании «Книги Мертвых», чьи тексты со стен гробницы или стенок саркофага мигрировали на папирусные свитки, доступные широкому кругу страждущих, но и в появлении простых скромных амулетов и украшений для защиты владельца на пути на суд Осириса.

Первоначально в древние периоды истории Египта в захоронение помещались те же драгоценности, что использовались покойным в быту, однако постепенно произошло разделение украшений для земной жизни и для жизни после смерти (Andrew 1991: 185). Подобно предметам быта, созданным специально для захоронения, стали появляться украшения ни сюжетно,

ни технологически не предполагающие использование живым человеком. При изучении коллекций крупных музеев можно отметить, что наряду с сокровищами царских гробниц, начиная с эпохи Нового царства появился большой массив значительно более простых украшений, а именно пекторалей. Традиционно они имели пилообразную форму (Budge 1930: 128), иногда со специальными отверстиями для крепления прямо к пеленам мумии (к примеру, как у экземпляров из собрания музея Метрополитен № 26.7.983 и 26.7.906)¹, при этом обычного крепления к ожерелью могло не предполагаться. Самым распространенным материалом можно назвать египетский фаянс (далее – фаянс), изготавливаемый из толченого кварца (Лукас 1958: 140). В этом случае пекторали чаще всего покрывались синей либо зеленой глазурью (Государственный Эрмитаж, инв. номер ДВ-2256; ил. 1)². Они также могли быть инкрустированы, часто в качестве вставки выступал объемный скарабей. Менее распространенными были пекторали, изготовленные из дерева, также инкрустированного, различных видов камня, для обеспеченных заказчиков создавались предметы из ювелирных металлов.

Одной из интересных особенностей таких украшений была большая свободная площадь для размещения сюжетов и священных текстов. Если хорошо знакомые исследователям и любителям пекторали представителей XII династии (Пунин 2010: 77) или украшения фараона Тутанхамона (Reeves 1990: 151), изготовленные из золота и полихромных материалов (Vilímková 1969: 58), обычно имели одну лицевую сторону, вторая при этом представляла силуэтное изображение основного сюжета – форму для инкрустации, в фаянсовых же и деревянных пекторалах уже было две рабочих поверхности, на которые древнеегипетский художник мог нанести изображение. Сюжеты обычно не дублировались, а представляли собой два самостоятельных рисунка либо же рельефа.

Если пекторали из драгоценных материалов изготавливались в привычной для декоративно-прикладного искусства художественной традиции, то «дешевые» пекторали в качестве прототипа брали монументальные росписи и рельефы, иногда практически полностью их копируя. Этот факт объясняется широкой популярностью данных сюжетов в египетском искусстве, а также удобством переноса мотивов с поверхности стены на поверхность украшения. Наиболее простые изображения выполнялись линейно, с разной степенью прорисовки и детализации сюжета и персонажей. Они могли свидетельствовать как о высоком мастерстве художника, скупыми и лаконичными средствами сумевшего воплотить все черты многовекового древнеегипетского канона, так и о неопытной руке, в производстве которой только все тот же строгий канон помогает атрибутировать изображенное (Лувр, инв. номер E

21425; ил. 2)³. Рисунок мог как наноситься краской либо тушью, так и вырезаться на поверхности пекторали, после чего линии контура могли быть заполнены краской. Другим способом нанесения изображения была заливка всего контура одним цветовым пятном, контрастным фону, часто при этом могла использоваться инкрустация. Полихромия также достигалась техникой инкрустации. Изображение могло быть рельефным и выступать над поверхностью пекторали, также могли сочетаться объем с линейным рисунком. Встречались также украшения сложной формы, подражающие силуэту шейных украшений из драгоценных металлов, однако выполненные из фаянса и с изображением, сформированным линиями, а не инкрустацией.

Среди сюжетов, характерных для таких украшений, можно выделить несколько наиболее распространенных групп. Одним из самых популярных амулетов в Древнем Египте был скарабей, о чём свидетельствуют многочисленные находки его изображений, выполненные из самых разнообразных материалов (различные сорта камня, ювелирные металлы, египетский фаянс) (Ходжаш 1971: 12). Этот же мотив был характерен и для описываемых пекторалей. Скарабей мог представлять в различных формах и изображаться с разной степенью условности, он мог быть крылатым и бескрылым, он мог держать в лапках солнце и располагаться на ладье. Он так же мог быть центральным вставным элементом в других сценах, часто располагаясь между двух богинь. Скарабей мог выдаваться из поверхности украшения или даже быть вставным: сохранились как такие пекторали, так и с пустым крупным отверстием, по некоторым версиям, предполагавшим наличие скарабея (Ходжаш 2001: 43). Также могли изображаться и иные варианты солнечного божества, плывущие в ладье.

Символы ладьи и скарабея также были типичны для сюжета с двумя богинями, по атрибутам – Исидой и Нефтидой. Связь этих персонажей с культом Осириса указывает на принадлежность украшений к заупокойной традиции, а их наличие было призвано уберечь покойного подобно тому, как эти богини сберегли останки Осириса. Исида и Нефтида располагались по обеим краям ладьи и простирали ладони к крупному знаку скарабея или (как в одной из эрмитажных пекторалей) к некоей сложной сцене между ними (Британский музей, инв. номер EA7858; ил. 3)⁴. Они могли также обходиться без ладьи либо же находиться в сидячем положении. Опознавались сестры-богини по характерным головным уборам, хотя в самых упрощенных случаях они могли упускаться (например, как в погребальной пекторали № 26.7.983 из собрания музея Метрополитен; ил. 4)⁵.

Большую группу представляют изображения бога Анубиса. Это могла быть как одиночная фигура шакала, так и их парные изображения, симметрично смотрящие друг на друга. Такие рисунки в упрощенной форме ду-

1 Funeral pectoral / Электронный ресурс: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/555109?sortBy=Date&ao=on∓ft=pectoral&offset=0&rpp=40&pos=30> (Дата обращения - 24.10.2022).

2 Пектораль с изображениями I тыс. до н.э. / Электронный ресурс: <https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/87494?query=%D0%9F%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C&index=4> (Дата обращения - 27.10.2022).

3 Pectoral en naos / Электронный ресурс: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010007427> (Дата обращения - 25.10.2022).

4 Pectoral / Электронный ресурс: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA7858 (Дата обращения - 30.10.2022).

5 Funeral pectoral / Электронный ресурс: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/555109?sortBy=Date&ao=on∓ft=pectoral&offset=0&rpp=40&pos=30> (Дата обращения - 24.10.2022).

блировали изображения с саркофагов (парные) или со стен гробниц. Бог в своей зооморфной форме располагался на храмообразном возвышении и был окружен варьиовавшимся набором атрибутов (например, цеп, опахало). Иногда они упускались, и тогда фигура сопровождалась лишь иероглифической надписью (Британский музей, инв. номер EA29370; ил. 5)⁶. Пекторали этой и следующей групп интересны, помимо прочего, сломом принципа зеркальной симметрии, строго соблюдавшегося в пекторалиях иных типов и в принципе характерного для декоративно-прикладного искусства Древнего Египта.

Наиболее же значимой по сюжетному содержанию можно назвать группу пекторалей со сценами поклонения владельца божествам. Считается, что такие сцены в гробницах знати получили широкое распространение в период после правления фараона Эхнатона: это было своеобразным искуплением вины за отказ от прежних богов в его царствование. Ярким примером подобного сюжета является Стела Ипи из собрания Государственного Эрмитажа: хозяин стелы изображён молитвенно простирающим руки к сидящему на троне Анубису, запечатленному в своей антропоморфной ипостаси⁷. Пектораль из того же собрания, практически полностью повторяющая данный рельеф, демонстрирует проникновение этих идей из монументального искусства в декоративно-прикладное, где они получили большое распространение.

Сохранились многочисленные пекторали на данный сюжет. Самым почитаемым в данной группе остается Анубис. Он мог изображаться как в образе шакала, в этом случае перекликаясь с образами предыдущей сюжетной группы (Государственный Эрмитаж, инв. номер ДВ-2255; ил. 6)⁸, либо же восседать на троне, обладая человеческим телом. В качестве божества на троне также мог выступать повелитель загробного мира Осирис. В редких случаях Анубиса или Осириса заменяли иные боги Древнего Египта. Человек, допустимо предположить, что это – владелец данного предмета, мог изображаться стоящим с простертыми руками или же коленапреклоненным. Обычно фигуру смертного и божества разделяли принесенные сакральному покровителю дары. Частоты этом качестве выступали цветы. Такие украшения могли служить votivными предметами. Анализ памятников данной группы способен пролить свет на датировки как самих предметов, которые порой весьма расплывчаты, в особенности на определение верхней границы возможного периода создания.

Несомненно, описанное явление гораздо шире и разнообразнее, однако в статье, в виду её ограниченного формата, была предпринята научная попытка выявления основных художественных тенденций, характерных

для пекторалей, использовавшихся в погребальных ритуалах Древнего Египта, начиная с эпохи Нового царства.

6 Pectoral / Электронный ресурс: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA29370 (Дата обращения: 29.10.2022).

7 Стела Ипи / Электронный ресурс: <https://hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/06.+sculpture/83955> (Дата обращения - 28.10.2022).

8 Пектораль с изображениями I тыс. до н.э. / Электронный ресурс: <https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/87493?query=%25D0%259F%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25BB%25D1%258C&fund=21&index=2> (Дата обращения - 31.10.2022).

Рис. 1. Пектораль. I тыс. до н. э. Фаянс, глазурь зеленая. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Рис. 2. Пектораль. Новое царство, между 1550 и 1069 гг. до н.э. Фаянс. Лувр, Париж

Рис. 3. Пектораль. Новое царство, XIX-XX династии. Стеатит. Британский музей, Лондон

Рис. 4. Пектораль. Новое царство – III Переходный период, между 1295 и 664 до н.э. Фаянс. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

Рис. 5. Пектораль. Новое царство, XIX династия. Фаянс. Британский музей, Лондон

Рис. 6. Пектораль. Новое царство, ок. 1550-1069 до н.э. Фаянс, глазурь зеленая. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ЛИТЕРАТУРА

- Лукас 1958 - Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта / перевод с английского Б.Н. Савченко. М., 1958. 424 с.
- Пунин 2010 - Пунин А.Л. Искусство Древнего Египта: Среднее царство, Новое царство. СПб., 2010. 646 с.
- Ходжаш 1971 - Ходжаш С.И. Египетское искусство в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1971. 108 с.
- Ходжаш 2001 - Ходжаш С.И. Древнеегипетское ювелирное искусство. Каталог бус, пекторалей, эгид, сеток для мумий, колец, серег, браслетов из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 2001. 111 с.
- Andrew 1991 - Andrew C. Ancient Egyptian jewelry. London, 1991. 208 s.
- Budge 1930 - Budge E.A. Amulets and superstitions. London; New York, 1930. 546 s.
- Reeves 1990 - Reeves N. The complete Tutankhamun. The king, the tomb, the royal treasure. London, 1990. 225 s.
- Vilímková 1969 - Vilímková M. Altägyptische Goldschmiedekunst. Prague, 1969. 158 s.
- Wilkinson 1971 - Wilkinson A. Ancient Egyptian Jewellery. London, 1971. 390 s.

REFERENCES

- Andrew 1991 - Andrew C. Ancient Egyptian jewelry, London, 1991, 208 p. [in English].
- Budge 1930 - Budge E.A. Amulets and superstitions, London; New York, 1930, 546 p. [in English].
- Hodzhash 1971 - Hodzhash S.I. Egipetskoe iskusstvo v Gosudarstvennom muzee izobrazitel'nyh iskusstv im. A.S. Pushkina [Egyptian Art at the Pushkin State Museum of Fine Arts], Moscow, 1971, 108 p. [in Russian].
- Hodzhash 2001 - Hodzhash S.I. Drevneegipetskoe yuvelirnoe iskusstvo. Katalog bus, pektoralej, egid, setok dlya mumij, kolec, sereg, brasletov iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv im. A.S. Pushkina [Ancient Egyptian jewelry art. Catalog of beads, pectorals, aegis, nets for mummies, rings, earrings, bracelets from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts], Moscow, 2001, 111 p. [in Russian].
- Lukas 1958 - Lukas A. Materialy i remeslennye proizvodstva Drevnego Egipta / perevod s anglijskogo B.N. Savchenko [Materials and handicrafts of Ancient Egypt / translated from English by B.N. Savchenko], Moscow, 1958, 424 p. [in Russian].
- Punin 2010 - Punin A.L. Iskusstvo Drevnego Egipta: Srednee carstvo, Novoe carstvo [The Art of Ancient Egypt: Middle Kingdom, New Kingdom], Saint-Petersburg, 2010, 646 p. [in Russian].
- Reeves 1990 - Reeves N. The complete Tutankhamun. The king, the tomb, the royal treasure, London, 1990, 225 p. [in English].
- Vilímková 1969 - Vilímková M. Altägyptische Goldschmiedekunst [Ancient Egyptian goldsmithing], Prague, 1969, 158 p. [in German].
- Wilkinson 1971 - Wilkinson A. Ancient Egyptian Jewellery, London, 1971, 390 p. [in English].

Савельева Анастасия Игоревна

– Выпускник-бакалавр Института дизайна и искусств Санкт-Петербургского университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия).

Anastasia Savelyeva

– Graduate-Bachelor of the Institute of Design and Arts of the St. Petersburg University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russia).

anastasiiasavelyeva@gmail.com

НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

В 2022 году журнал «Исторический формат» запускает масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси. Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» планируется издавать одну из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРЕДЫСТОРИИ РУСИ

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
e-mail: mail@histformat.com
Researcher ID: C-5151-2018
<https://orcid.org/0000-0001-9063-6544>
SPIN-код: 1390-8096

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается устная древнерусская традиция о событиях середины I тыс. н.э. Основываясь на ней можно соотносить первоначальный «выход в историю» древнерусского этноса с Великим переселением народов. Об этом достаточно определённо свидетельствовали устные источники, долго сохранявшиеся в памяти и отображенные (к сожалению, фрагментарно) в дошедших до нас письменных фиксациях, осуществленных в средние века. Имеются в виду не только тексты западноевропейские и византийские, которые специалистам были достаточно известны, но, главным образом, малоизвестные материалы восточнославянской устной традиции. Некоторые сюжеты и персонажи русских былин по своей типологии и по конкретным признакам тяготеют ещё к III-IV столетиям. В русском эпосе видны отзвуки характерного для тогдашней эпохи общественного устройства и происходивших в те времена межэтнических катаклизмов, судьбоносных для племен и народов, которые выдержали эти исторические испытания. События последующих веков отобразил и западный эпос.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русь, устные источники, эпическая традиция, былины.

EAST SLAVIC ORAL SOURCES ABOUT PREHISTORY OF RUS'

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT

The article deals with the oral Old Russian tradition narrating events of the middle of the first millennium A.D. Based on the tradition, it is possible to correlate the initial «entry into history» of the Old Russian ethnos with the Great Migration of Peoples. This was quite clearly evidenced by oral sources long preserved in the people's memory and reflected (unfortunately, fragmentarily) in the extant written records made in the Middle Ages. We mean not only Western European and Byzantine texts, which are acknowledged by specialists, but mainly little-known materials of the East Slavic oral tradition. Some plots and characters of the Russian bylinas in their typology and specific features gravitate back to the 3rd - 4th centuries. In the Russian epic we can see echoes of characteristic for that epoch social structure and interethnic cataclysms, fateful for the tribes and peoples that withstood these historical trials. The events of the following centuries were reflected in the Western epic as well.

KEYWORDS: Rus', oral sources, epic tradition, bylinas.

Статья была подготовлена С.Н. Азбелевым на основе доклада, прочитанного в июне 2011 г. на Второй Международной научной конференции «Начала Русского мира». По причине смерти организатора конференции, Сергея Васильевича Цветкова (1952-2012), сборник по её итогам не был издан. Публикация статьи подготовлена М.И. Жихом по машинописи из архива С.Н. Азбелева.

Как известно, у большинства народов на протяжении многих столетий исторические знания только по памяти передавались в устной традиции. Будучи впоследствии записаны, такие источники могли стать объектом изучения. Фиксации относительно немногих устных текстов осуществлялись и средневековыми

книжниками; такие материалы дошли, как правило, литературно обработанными. Это не уменьшает ценность источников устного происхождения. Устная история охватывала и такие сферы исторического знания, которые по разным причинам не получили достаточного освещения в истории письменной. Рассказы и воспо-

минания непосредственных участников и очевидцев исторических событий являлись первоисточниками, на их основе развивались исторические предания, героические сказания и эпические песни, порой сохранявшиеся в устном бытовании на протяжении многих столетий и лишь сравнительно недавно записанные собирателями фольклора или просто любителями старины. Повсеместно распространенные в средние века произведения этих устных жанров только в достаточно важных случаях тогда записывались и использовались в политических целях.

Говоря об устных источниках летописной записи или исторической повести, необходимо учитывать жанровые особенности исходного материала и степень текстовой устойчивости произведений при многократной изустной передаче, предшествовавшей занесению в рукопись. Отношение к действительности в разных жанрах фольклора весьма различно. Некоторым из них была свойственна высокая степень бережного обращения с фактом. Точность передачи таких произведений по памяти оказывалась порой очень велика. Стабильность повествования в устных вариантах могла быть даже выше, чем сходство разных списков произведения в некоторых из известных нам жанров средневековой литературы.

Основываясь на источниках такого рода можно уверенно соотносить первоначальный «выход в историю» древнерусского этноса с Великим переселением народов. Об этом достаточно определенно свидетельствовали устные источники, долго сохранявшиеся в памяти и отображенные (к сожалению, фрагментарно) в дошедших до нас письменных фиксациях, осуществленных в средние века. Я имею здесь в виду не только тексты западноевропейские и византийские, которые специалистам были достаточно известны, но, главным образом, малоизвестные материалы восточнославянской устной традиции.

Некоторые сюжеты и персонажи русских былин по своей типологии и по конкретным признакам тяготеют еще к III-IV столетиям. В русском эпосе видны отзвуки характерного для тогдашней эпохи общественного устройства и происходивших в те времена межэтнических катаклизмов, судьбоносных для племен и народов, которые выдержали эти исторические испытания. События последующих веков отображал и западный эпос.

Знаменитая Тидрексага, записанная в Норвегии лишь в XIII столетии, но основанная на преданиях и песнях древних германцев, довольно подробно повествовала о крупных военных столкновениях, в которых участвовали гунны, готы и русские. Почти на полвека ранее этой саги о таких событиях писал Саксон Грамматик в своем труде «Деяния данов», соответствующая часть которого основана на передаче эпических сказаний древних датчан. По своему жанру этот материал аналогичен Тидрексаге, историческое зерно угадывается с трудом, будучи заслонено традиционными мотивами эпоса. Однако, не раз говорится о Руси, упомянут укрепленный Полоцк. Естественно, что решающая роль в борьбе против гуннов отведена здесь датскому королю, но из текста следует, что в событиях участвуют рус-

ские. Говорится о семидневном победоносном сражении с гуннами, в котором сразу же «образовались такие груды убитых, что три главные реки Руси, вымощенные трупами, наподобие мостов, стали легко проходимыми для пешеходов». После описания битвы сказано о распределении земель между победителями гуннов, причем Северная Русь, согласно скандинавской традиции, тут обозначена как *Holmgardia*.

Важно подчеркнуть, что независимые друг от друга источники – датский и норвежский – совершенно по-разному трактуя события борьбы против гуннов, оказались единодушны в представлении, что Русь участвовала в этой борьбе.

Однако причастность русских к тому, что совершалось в Европе в эпоху Великого переселения народов, едва ли могла ограничиваться сражениями с войсками гуннов. Тогдашние перемещения племен и этнических групп, вступавших в разнообразные военные союзы, в самых общих чертах известны. Но далеко не всё описывали детально авторы немногих дошедших до нас исторических сочинений того времени. Поэтому не следует пренебрегать и поздними отображениями в русской устной традиции. Она сохраняла сведения тысячелетней давности. Фрагментарные припоминания об исторических ситуациях и фактах V-VI столетий, вполне могли устно бытовать и в XV-XVI столетиях (будучи, конечно, деформированы позднейшими осмыслениями) – подобно тому, как в народном устном репертуаре XIX века бытовали остатки воспоминаний о событиях IX столетия, дошедшие до нас в преданиях о Гостомысле и Рюрике, которые успели еще записать собиратели фольклора в Новое время.

Это побуждает отнестись со вниманием к произведенной в 1525 году Павлом Иовием Новокомским (Паоло Джовио) записи ответа русского гонца в Риме Дмитрия Герасимова на вопрос, не осталось ли у русских «какого-нибудь передаваемого из уст в уста от предков известия о готах или не сохранилось ли какого-нибудь записанного воспоминания об этом народе, который за тысячу лет до нас низвергнул державу цезарей и город Рим, подвергнув его предварительно всевозможным оскорблениям».

Согласно передаче Иовия, Герасимов «ответил, что имя готского народа и царя Тотилы славно у них и знаменито, и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими московиты. Затем, по его словам, их войско возросло от притока ливонцев и приволжских татар, но готами названы были все потому, что готы <...> явились зачинщиками этого похода» (Герберштейн 1908: 262. Благодарю П.Д. Малыгина, обратившего мое внимание на эту информацию Павла Иовия)¹.

1 Е.Е. Замысловский в своем труде об историко-географических известиях у Герберштейна, где есть упоминания об Аттиле в связи юграми, которые русскими отождествляются с гуннами, сопоставил этот материал и сообщение Дмитрия Герасимова об участии русских в походах готов. По убеждению Замысловского, такие рассказы «заслуживают внимания», так как в них «высказывается желание указать на всемирное значение русской народности» как раз «в то время, когда Москва стала прочным государственным центром Русской земли» (Замысловский 1884: 56).

Солид Одоакра

Насколько точно зафиксировал Иовий сказанное ему Герасимовым, мы, конечно, не знаем. Явно поздним осмыслениям XV-XVI веков обязаны упоминания ливонцев и татар, а термин «московиты» был тогда характерен для суммарного обозначения русских в Западной Европе; этим словом постоянно пользуется и сам Иовий. Географические и лингвистические неточности не отменяют ценности главного содержания информации, которую сообщил Герасимов: остаются правдоподобные в своей основе сведения о преобладающем участии предков «московитов» в разноплеменных войсках, которые вместе с готами завоевывали неоднократно Рим и подчиняли Италию – не только в шестом столетии во времена Тотилы. От кого и где усвоил это представление Дмитрий Герасимов, позднее участвовавший в работе по подготовке в Новгороде перевода Геннадиевской Библии, неизвестно. Исследовавшая его деятельность Н. А. Казакова высказывала мнение, что и сам Герасимов «был уроженцем Новгорода» (Казакова 1972: 252).

Память о событиях эпохи Великого переселения народов, оказывается, сохранялась в предании, которое было хорошо знакомо русскому человеку начала XVI столетия в пределах Новгородской земли.

Стоит вспомнить, что говорится в сочинении современника – историка Византийской империи Прокопия Кесарийского о Готской войне. Он упоминал шеститысячное войско, которое под предводительством Ильдигеса проследовало из области склавеннов в Италию, чтобы воевать против Юстиниана на стороне остготов и Тотилы; оно состояло из склавеннов и некоторого числа гепидов (Иордан 1960: 208).

Таким образом, русское устное предание о роли «московитов», хорошо известное в XVI веке Дмитрию Герасимову, позволяет не только уточнить, но и конкретизировать глухие данные Прокопия о преобладании славян в войске, пришедшем для поддержки Тотилы в войне против императора Юстиниана в середине VI века.

Предания о более ранних событиях середины V века, передававшиеся изустно свыше тысячи лет, бытовали, оказывается, в среде украинского казачества. Киевский лингвист академик НАН Украины В.Г. Скляренко несколько лет назад привлек внимание научной общественности к малоизвестным сведениям, которые отобразил универсал гетмана Богдана Хмельницкого, датированный 1648 годом и обращенный к казакам его войска по случаю войны с Польшей. Хмельницкий призвал казаков умножить славу их предков-русов завоевавших в 470 году Рим под предводительством «князя ихъ Одоацера» и затем четырнадцать лет владевших этим древним городом.

Согласно сведениям универсала, хронологическая неточность которого составила несколько лет, русы, возглавленные Одоакром, прибыли тогда из Ругии, от Балтийского Поморья (Скляренко 2006: 47). Сведения иных источников о племенной принадлежности самого Одоакра неоднозначны, но есть указание на то, что он и сам был ругом.

Историк готов Иордан писал о племени ругов, которые по его сведениям поселились как раз в Балтийском Поморье ранее, чем туда пришли готы. В отличие от Прокопия, который ошибочно называл ругов готским племенем, Иордан противопоставляет ругов германцам, он относил ругов к племенам, которые, по его словам, превосходили германцев «как телом, так и духом» и «сражались всегда со звериной лютостью» (Иордан 1960: 70. Так в переводе Е.Ч. Скржинской; ср. оригинал: с 134).

Тождество русов и ругов, давно обоснованное в ряде исследовательских работ, вызывало возражения некоторых авторов. Теперь же это тождество дополнительно подтверждается данными устной традиции, сохранявшейся в казачьей среде и потому отраженными универсалом Богдана Хмельницкого. Основанные на преданиях сведения этого документа о том, что русы, возглавленные Одоакром, захватили Рим в 470 году,

хронологически неточны, но приблизительно соответствуют данным письменных источников того времени о том, что 14 лет продолжалось в Италии владычество Одоакра.

Предания о действиях Одоакра как вождя русов («рутенгов») были известны не только в войсковой канцелярии Богдана Хмельницкого, возглавившего казаков, которые считали Одоакра предводителем своих предков. В.Г. Складенко напомнил и о латинской надписи первой четверти XVI столетия в одной из катакомб на территории древнего Норика. В надписи упомянуто о действиях в 477 году опустошившего тогда Норик Одоакра, который фигурирует в этом тексте как «король рутенов, гепидов, готов, венгров и герулов»².

Совокупные показания записанных в XIII веке памятников германского эпоса позволяют заключить, что после борьбы с гуннами знаменитый витязь Илья Русский оказался в Италии, помогая королю Ломбардии. В Италии же, согласно Тидрексаге, находилась дочь Ильи, которая ребенком была заложницей при дворе Аттилы (Pidriks saga 1905-1911: 106-109).

В сохранившихся былинах об Илье Муромце присутствуют достаточно ясные указания на то, что эпическая «биография» его исторического прототипа связана с Италией. Былинам вообще неизвестна «Латынская земля», как обозначали католические страны, в частности Италию, в Древней Руси (СРЯ 1981: 178-180). Но именно в связи с Илеей былины упоминают «Латынские горы», а сам Илья нередко едет по «Латынской дороге». Существует былина о встрече уже старого Ильи Муромца с неузнанным взрослым сыном. Тип ее сюжета международно распространен, проводились даже сопоставления русской и германской версий. Но любопытно, что в вариантах русской былины мать молодого богатыря бывает названа «латынгоркой», с которой Илья прижил сына, рожденного в «горах Латыньских» – вдали от русских пределов (Беломорские старины 2002: 304-308).

Наиболее интересен особый вариант, записанный в 1871 году на берегу Онежского озера от превосходного знатока былинной традиции Трофима Григорьевича Рябинина. Здесь говорится о встрече богатыря не с сыном, а с дочерью, которая разыскивает отца и в ответ на расспросы Ильи говорит, что она родилась в Италии, где живет еще ее мать. Из диалога выясняется, что у матери ее жил Илья, когда помогал итальянскому королю. Привожу в сокращении этот диалог:

Есть я родом из земли да из Тальянскою,
У меня есть родна матушка честна вдова,
Да честна вдова она колачница <...>
И отпустила меня ехать на святую Русь
Поискать соби да родна батюшка <...>

Илья, узнав, что это его дочь, говорит ей:

А когда я был во той земли во Тальянскою,

² «Odoacer rex rutenorum geppidi gothi ungari et herali» (цитирую текст надписи по фотоснимку, выполненному на месте и любезно предоставленному В.И. Меркуловым). Ср.: Складенко 2006: 47.

Три году служил я у короля тальянского,
Да я жил тогда да й у честной вдовы,
У честной вдовы да й у колачницы <...>
(Илья Муромец 1958: 215-216)

Наши эпосоведы не раз отмечали высокие художественные достоинства этого варианта. Он был закономерно включен в составленную А.М. Астаховой академическую антологию былин, посвященных Илье, где дается и обстоятельная характеристика Т.Г. Рябинина, которому принадлежат «лучшие образцы былинного творчества» (Илья Муромец 1958: 527-528). Но соотношение данного образца с Италией при комментировании оказалась обойденной.

Объяснение следует искать в том, что былинные обозначения «Латынские горы», «Латынская дорога» и «латынгорка» исследователи этого сюжета не попытались объяснить в связи с «Латынской землей», а стремились связать с термином «летьгола» или «латыгола», которым летописные известия XIII и XIV веков обозначали латышей. Однако в Латвии гор нет, и «латышскую» гипотезу безуспешно пытался обосновать А.В. Марков (Марков 1900: 73-95). Ему резонно возразил В.Ф. Миллер, ранее старавшийся вывести этот сюжет из Ирана (Миллер 1910: 185).

Первоначальный извод международного эпического сюжета о встрече богатыря-отца с неузнанным богатырем-сыном, действительно, мог зародиться и в Иране, и в Средней Азии, и в России, и в Скандинавии, и в Германии, на что справедливо указал В.Ф. Миллер. Но именно русская версия этого сюжета в своих вариантах бывает уснащена «латынскими» географическими реалиями. Бесспорна географическая связь цитированного варианта именно с Италией и вполне очевидна сюжетная соотнесенность его с ролью Ильи в памятниках германского эпоса, также указывающих на Италию.

С Италией в былинах оказываются иногда соотнесены и подвиги других богатырей. Добрыня Никитич, согласно записи от сказителя Василия Петровича Щеголенка, послан князем «во эту землю во Тальянскую»: ему предстоит там сразиться «за веру христианскую»; вернувшись, Добрыня на княжеском пиру вспоминает дальние земли, где он, очевидно, побывал: это Италия, Константинополь, Иерусалим и земля Сарацинская (Онежские былины 1950: 298-305). Сказительница Домна Сурикова, исполняя новгородскую былину о Ставре, повествовала, что из Италии будто бы прибывает в качестве мнимого свата переодетая жена Ставра с намерением освободить его из заточения (Онежские былины 1950: 426). В подобных случаях, которые вряд ли имеет смысл прямо соотносить с германским эпосом, проявилась, как можно думать, уже закрепившаяся в былинах тенденция, обязанная воздействию эпической «биографии» Ильи, наиболее определенно связавшей его с Италией в поэме «Ортнит» и в былине о встрече Ильи с итальянской дочерью.

Согласно былинам, на «Латынской дороге» находится иногда богатырская застава, которую охраняет Илья; по «Латынской дороге» он едет, дабы совершить один из главных своих подвигов – победить Идолище; по ней

он возвращается издалека, направляясь в Киев; на ней же он встречает своего неузнанного сына (Онежские былины 1951: 388, 307, 286, 310). С «Латынской дорогой» бывают связаны и последние подвиги русского богатыря, завершающие его эпическую «биографию». Это былина о «последней поездке» Ильи: он

Ото младости ездил до старости <...>
Да едет-де старый чистым полем
Да большой дорогой Латынскою,
Да наехал на дороге горюч камень <...>

На этом камне написано пророчество: что ждет путника, если он поедет по какой-либо из трех дорог, начинающихся от камня. Илья едет поочередно по каждой дороге; на двух первых побеждает разбойников и освобождает находившихся в заточении, а на третьей видит крест, стоящий над подземельем, в котором оказался богатый клад. Взяв его, Илья направляется в Киев:

Да построил он церковь соборную,
Соборную да богомольную.
Да и тут ведь Илья-то окаменел,
Да поныне ево мощи нетленные
(Онежские былины 1951: 161-164)

Мощи, сохраняемые доныне в катакомбах Киево-Печерской лавры, принадлежат канонизированному русской церковью преподобному Илье Муромцу, которого народная молва отождествила с древним героем былинного эпоса.

Но с эпической «биографией» именно древнего Ильи Русского может быть связан и вполне достоверный исторический факт. Задолго до государственного принятия христианства князем Владимиром Святославичем в Киеве существовал соборный храм Святого Ильи, упоминаемый «Повестью временных лет» в связи с событиями первой половины X века. При ратификации договора с Византией в 944 году в присутствии византийских послов именно в этой соборной церкви Киева присягала христианская часть дружины князя Игоря (ПВЛ 2007: 26).

Предпринимались попытки выяснить точное местоположение тогдашнего храма (очевидно – деревянного). Оно предположительно определено на Подоле у берега Почайны, возможно, именно там, где в 1692 г. была построена небольшая каменная церковь Св. Ильи. (Закревский 1858: 121-122). Специальное разыскание о древнем храме Св. Ильи было осуществлено несколько ранее (Остромыслинский 1830). Трудно воспринимать серьезно сравнительно недавнюю попытку поставить под сомнение достоверность упомянутого известия Повести временных лет, предпринятую без внимательного прочтения летописного текста и без реальных представлений о передаче исторических сведений в средневековой устной традиции (Васильев 2000: 64-71). По мнению автора этого сочинения, составитель Повести временных лет, включив в нее договор Игоря с Византией, присочинил вымысел о ратификации в Киеве. Упоминание о киевском храме св. Илии, в котором при-

сгнула христианская часть дружины Игоря появилось будто бы вследствие ошибочного переноса из текста договора, где было упомянуто о клятве в Константинополе: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью свягатаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и подлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею». М.А. Васильев полагает, что в договоре шла речь о клятве русских в церкви св. Ильи – приделе, пристроенном к церкви Богоматери Фаросской. Но ошибочным является само истолкование приведенной фразы упомянутым автором. Договор сообщал, что русские клялись не в церкви св. Ильи, а церковь св. Ильи, тогда как клятва происходила в соборной церкви Константинополя. М.А. Васильев думает, что «в дружинной памяти или в каких-то преданиях» обстоятельства утверждения договора не могли сохраниться на протяжении полутора веков, следовательно, они выдуманы летописцем. Приходится напомнить достаточно хорошо известные примеры продолжительности народной исторической памяти – хотя бы переданную той же Повестью временных лет речь Святослава перед дружиной: содержание этого текста близко соответствует тому, что некогда записал византийский современник (подробно об этом и о других подобных примерах см. в статье: Азбелев 1999: 3-20).

Хорошо известен существовавший не только на Руси обычай возводить храм, посвящаемый тому святому, чье имя носил храмоздатель. Маловероятно, что именно эта церковь св. Ильи появилась уже в V или VI веке, но эпическая традиция могла быть использована при постройке или возобновлении храма, – подобно тому, как она впоследствии влияла на народное почитание мощей преподобного Ильи Муромца. Естественнее всего соотносить зафиксированную древность киевской церкви св. Ильи с былинной о последних деяниях богатыря Ильи и его кончине в Киеве – после возведения здесь церкви. Судя по некоторым из вариантов былины о «последней поездке» Ильи, его исторический прототип, возвращаясь глубоким стариком на родную землю (много позже крушения державы Аттилы), мог только тогда узнать о существовании Киева: это поселение, если оно возникло в V или VI веке (согласно Синописису Иннокентия Гизеля), вероятно, не было гуннами уничтожено – подобно древнейшему Полоцку.

Былину о последней поездке Ильи В.Ф. Миллер считал одной из поздних. Основание он усматривал, главным образом, в двух обстоятельствах. Илья в ней предстает «стариком со всеми атрибутами старческого возраста», а это, согласно мнению Миллера, «могло быть только следствием забвения первоначального смысла эпитета «старый казак»» (Миллер 1924: 146). Но естественнее связывать натуралистично характеризующие в былинной «атрибуты» старчества с реальным старческим возрастом в конце жизни богатыря. Другое важное для Миллера обстоятельство – наличие параллелей одному из эпизодов былины в сказках (Миллер 1924: 144-145). Но это, скорее, напротив, показатель древнего происхождения былины, в пользу чего свидетельствуют и сами приводившиеся Миллером и его предшественниками конкретные примеры из сказок.

Подвиги древнего Ильи Русского в противостоянии язычникам, акцентированные памятником германского эпоса, могли послужить фундаментальной основой для закрепления за этим персонажем в русском эпосе репутации охранителя христианской веры – репутации, прошедшей и через столетия обороны от языческих нашествий на Русь в последующие времена. Дошедшие

до нас былины рисуют богатыря Илью как стоятеля за веру православную и защитника от осквернения татарами православных церквей и монастырей – главным образом киевских. Но в V или в VI веке на месте будущего стольного города Киевской Руси могло быть только языческое поселение. Построение в нем христианской церкви – деяние, которое по плечу эпическому герою.

ЛИТЕРАТУРА

- Азбелев 1999 - Азбелев С.Н. История России в народной памяти // Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях. М., 1999.
- Беломорские старины 2002 - Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова / Издание подготовили С.Н. Азбелев, Ю.И. Марченко. СПб., 2002.
- Васильев 2000 - Васильев М.А. Степень достоверности известия «Повести временных лет» о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.
- Герберштейн 1908 - Герберштейн Сигизмунд. Записки о московитских делах. Новокомский Павел Иовий. Книга о московском посольстве / Ведение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб., 1908.
- Закревский 1858 - Закревский Н. Летопись и описание города Киева. М., 1858.
- Замысловский 1884 - Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.
- Илья Муромец 1958 - Илья Муромец / Подготовка текстов, статья и комментарии А.М. Астаховой. М.; Л., 1958.
- Иордан 1960 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод, комментарии Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- Казакова 1972 - Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.
- Марков 1900 - Марков А.В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Этнографическое обозрение. М., 1900. № 3.
- Миллер 1910 - Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 2. Былины. М., 1910.
- Миллер 1924 - Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 3. Былины и исторические песни. М.; Л., 1924.
- Онежские былины 1950 - Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Четвертое издание. Т. 2. М.; Л., 1950.
- Онежские былины 1951 - Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Четвертое издание. Т. 3. М.; Л., 1951.
- Остромыслинский 1830 - Остромыслинский Е. Исследование о древнейшей киевской церкви Св. Ильи. Киев, 1830.
- ПВЛ 2007 - Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Третье издание (подготовил М.Б. Свердлов). СПб., 2007.
- Скляренко 2006 - Скляренко В.Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження. Київ, 2006.
- СРЯ 1981 - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
- Þidriks saga 1905-1911 - Þidriks saga af Bern / Udgivet for samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved H. Bertelsen. Bd. 2. København, 1905-1911.

REFERENCES

- Azbelev 1999 - Azbelev S.N. Istorija Rossii v narodnoj pamyati [The History of Russia in people's memory], in: Tysyacha let russkoj istorii v predaniyah, legendah, pesnyah [A thousand years of Russian history in legends, legends, songs], Moscow, 1999 [in Russian].
- Belomorskie stariny 2002 - Belomorskie stariny i duhovnye stihy: Sbranie A.V. Markova / Izdanie podgotovili S.N. Azbelev, YU.I. Marchenko [White Sea antiquities and spiritual poems: Collection of A.V. Markov], Saint-Petersburg, 2002 [in Russian].
- Gerbershtejn 1908 - Gerbershtejn Sigizmund. Zapiski o moskovitskih delah. Novokomskij Pavel Iovij. Kniga o moskovskom posol'stve / Vedenie, perevod i primechaniya A.I. Maleina [Herberstein Sigismund. Notes on Muscovite affairs. Novokomsky Pavel Ioviy. A book about the Moscow Embassy / Management, translation and notes by A.I. Malein], Saint-Petersburg, 1908 [in Russian].
- Il'ya Muromec 1958 - Il'ya Muromec / Podgotovka tekstov, stat'ya i kommentarii A.M. Astahovoj [Ilya Muromets / Preparation of texts, article and comments by A.M. Astakhova], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].
- Iordan 1960 - Iordan. O proiskhozhdenii i deyanijah getov / Vstupitel'naya stat'ya, perevod, kommentarii E.CH. Skrzhinskoi [About the origin and deeds of the Geth / Introductory article, translation, comments by E.C. Skrzhinskaya], Moscow, 1960 [in Russian].
- Kazakova 1972 - Kazakova N.A. Dmitrij Gerasimov i russko-evropejskie svyazi v pervoj treti XVI v. [Dmitry Gerasimov and Russian-European relations in the first third of the XVI century], in: Problemy istorii mezhdunarodnyh otnoshenij [Problems of the history of international relations], Leningrad, 1972 [in Russian].
- Markov 1900 - Markov A.V. K byline o boe Il'i Muromca s synom [To the epic about the battle of Ilya Muromets with his son], in: Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], Moscow, 1900, № 3 [in Russian].
- Miller 1910 - Miller V.F. Ocherki russkoj narodnoj slovesnosti. T. 2. Byliny [Essays on Russian folk literature. Volume 2. Epics], Moscow, 1910 [in Russian].

Miller 1924 - Miller V.F. Oчерki russkoj narodnoj slovesnosti. T. 3. Byliny i istoricheskie pesni [Essays on Russian folk literature. Volume 3. Epics and historical songs], Moscow; Leningrad, 1924 [in Russian].

Onezhskie byliny 1950 - Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. CHetvertoe izdanie [Oneza epics recorded by Alexander Fedorovich Gilferding in the summer of 1871. Fourth edition], Vol. 2, Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Onezhskie byliny 1951 - Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. CHetvertoe izdanie [Oneza epics recorded by Alexander Fedorovich Gilferding in the summer of 1871. Fourth edition], Vol. 3, Moscow; Leningrad, 1951 [in Russian].

Ostromyslinskij 1830 - Ostromyslinskij E. Issledovanie o drevnejshej kievskoj cerkvi Sv. Il'i [Research on the ancient Kiev Church of St. Elijah], Kiev, 1830 [in Russian].

PVL 2007 - Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihachjova; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Tret'e izdanie (podgotovil M.B. Sverdlov) [Primary Chronicle / Preparation of the text, translation, articles and comments of D.S. Likhachyov; Editor-in-chief V.P. Adrianova-Peretts. The third edition (prepared of M.B. Sverdlov)], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Sklyarenko 2006 - Sklyarenko V.G. Rus' i varyagi: Istoriko-etimologichne doslidzhennya [Rus and the Varangians: Historical and etymological studies], Kiev, 2006 [in Ukrainian].

SRYA 1981 - Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries], Vol. 8, Moscow, 1981 [in Russian].

Þidriks saga 1905-1911 - Þidriks saga af Bern / Udgivet for samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved H. Bertelsen [Þidrik's saga of Bern / published for the Society for the publication of old Nordic literature by H. Bertelsen], Vol. 2, København, 1905-1911 [in Norwegian].

Vasil'ev 2000 - Vasil'ev M.A. Stepen' dostovernosti izvestiya «Povesti vremennyh let» o procedure ratifikacii rusko-vizantijskogo dogovora 944 g. v Kieve [The degree of reliability of the news of the "Tale of Bygone Years" about the procedure for ratification of the Russian-Byzantine treaty of 944 in Kiev], in: Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy [The oldest states of Eastern Europe], 1998, Moscow, 2000 [in Russian].

Zakrevskij 1858 - Zakrevskij N. Letopis' i opisanie goroda Kieva [Chronicle and description of the city of Kiev], Moscow, 1858 [in Russian].

Zamyslovskij 1884 - Zamyslovskij E.E. Gerbershtejn i ego istoriko-geograficheskie izvestiya o Rossii [Herberstein and his historical and geographical news about Russia], Saint-Petersburg, 1884 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич

– Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Санкт-Петербург, Россия).

Sergey Azbelev

– Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

mail@histformat.com

РЕЦЕНЗИИ

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЛАНГЕ БУДУЩЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАРЫШНИКОВ В.Н. ФИНСКАЯ ВОЙНА. М.: КУЧКОВО ПОЛЕ, 2023. 448 С.

Д.В. Суржик

Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а
e-mail: dimsu@inbox.ru
SPIN-код: 7128-7893

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В рецензии рассматривается книга В.Н. Барышникова, посвященная Советско-финляндской войне 1939-1940 гг., получившей название «Зимней войны».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В.Н. Барышников, СССР, Финляндия, Советско-финляндская война, Вторая Мировая война, Зимняя война.

ON THE NORTH-WESTERN FLANK OF THE FUTURE GREAT PATRIOTIC WAR. BOOK REVIEW: BARYSHNIKOV V.N. FINNISH WAR. M.: KUCHKOVO POLE, 2023. 448 pp.

Dmitry Surzhik

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Avenue, 32a
e-mail: dimsu@inbox.ru

ABSTRACT

The review examines the book by V.N. Baryshnikov, dedicated to the Soviet-Finnish War of 1939-1940, called «The Winter War».

KEYWORDS: V.N. Baryshnikov, USSR, Finland, Soviet-Finnish war, World War II, Winter War.

Профессор В.Н. Барышников – признанный в России и за рубежом эксперт по истории советско-финляндских отношений. В прошлой книге, изданной нами, он рассмотрел особенности двусторонних отношений через призму личности Карла Маннергейма (Барышников 2021). В отличие от его мифического образа, создаваемого современными российскими ретроградами, этот «белый маршал» в действительности делал свою карьеру на предательстве. Первое из них произошло в 1918 г., когда он перебрался в Финляндию и открыл фронт против Советской России, признавшей за его Родиной первый в ее истории (!) государственный суверенитет. Но и патриотом Финляндии Маннергейма нельзя назвать, ведь затем он трижды пытался отдать «страну тысячи озёр» на откуп иностранным войскам:

- в том же 1918 г., когда умолял помочь немецкую «железную дивизию» Р. фон дер Гольца против «красных финнов»;

- в 1940 – 1943 гг., отдав всю транспортную инфраструктуру в руки вермахта;

- наконец, в 1943 г., когда, будучи союзником Гитлера, вёл сепаратные переговоры и приглашал американские войска выбить приглашенных им же немцев из Лапландии.

Новая книга профессора Барышникова продолжает эту тему и посвящена Советско-финляндской войне 1939-1940 гг., получившей название «зимней войны». Этот конфликт по-прежнему остается словно бы «в тени» последующей Великой Отечественной войны и участия в ней Финляндии на стороне Третьего рейха. Это отмечает и автор в подробном историогра-

фическом разделе введения. Основной книгой о политической истории конфликта 1939-1940 гг. по-прежнему является двухтомник отечественных и финских авторов, выпущенный Институтом всеобщей истории РАН в 1998 г. (Зимняя война 1998). Основное же внимание предыдущих и последующих исследователей было уделено военным аспектам. Примечателен в этой связи вывод, сделанный авторами семитомного исследования и цитируемый Владимиром Барышниковым: «Основная линия боевой подготовки была направлена в сторону подготовки к войне с противником, имеющим крупный флот, к войне же с Финляндией конкретно не готовились». Думается, этой фразой всё сказано о мифической советской военной угрозе для Суоми.

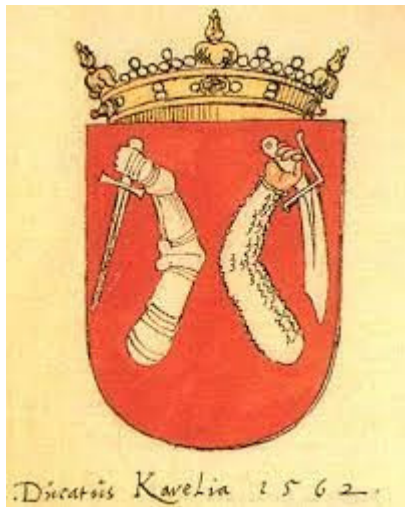
Тема «зимней войны», несмотря на хронологическую отдалённость, приобретает особое звучание сегодня. И дело не только в попытке Финляндии лишиться своего нейтрального статуса и вступить в Североатлантический альянс, направленный против России. Будем объективны: принимая участие в НАТОвской программе «Партнерство ради мира» с 1994 г., участвуя в НАТОвских интервенциях, а уже в XXI веке войдя в силы быстрого реагирования, а затем и в союзные экспедиционные силы НАТО, подчиненные Великобритании, Финляндия уже де-факто потеряла свой нейтральный статус. Но станет ли регион безопаснее от размещения здесь сил Североатлантического альянса? Выпущенная нами ранее книга (Хейер 2020) подполковника Турмуда Хейера из Академии вооружённых сил Норвегии – страны-члена НАТО – даёт однозначный отрицательный ответ. Наоборот, вступление Суоми в НАТО будет способствовать милитаризации страны, за которую придётся платить не только звонкой монетой, но также расплачиваться сувере-

нитетом. Кто, что и в чьих интересах будет превращать Финляндию в мишень? Нашумевший доклад (Dobbins 2019) «RAND Corporation» о стратегии «разбалансировки и растяжения» России даёт ответ на этот вопрос.

Был ли вооруженный конфликт между СССР и Финляндией неизбежен и кто несет ответственность за его начало? В условиях складывания очевидной угрозы для себя, осенью 1939 г. Советский Союз исчерпал возможности дипломатического купирования войны и в центре Европы (политика коллективной безопасности), и на ленинградском направлении (переговоры Б.А. Рыбкина, инициированные И.В. Сталиным). Оценивая усилия советской дипломатии на этом направлении, латвийский посланник в Москве Ф. Коциньш писал в Ригу: «Молотов начал переговоры с Финляндией, которые, по убеждению русских, следовало тем или иным путем привести к быстрому и благожелательному разрешению. Терпение Советского Союза к достижению поставленной цели действительно не было малым и, если верить предоставленной мне 30 ноября с.г. послом Германии графом Шуленбургом информации, Сталин даже был готов отступить от требований базы «Хангё», если правительство Финляндии согласится на аренду двух островков в заливе Хангё. Есть глубокая истина в утверждениях Сталина и Молотова генералу Лайдонеру, что русские хотели достичь соглашения мирным путем» (Вынужденный альянс 2019: 167).

Слова кадрового латвийского разведчика и дипломата Коциньша подтверждает и биография советского разведчика Б.А. Рыбкина (псевдонимы: Б.Н. Ярцев, «Кин»), приводимая в данной книге. Советская сторона, как показывает на многочисленных примерах далее В.Н. Барышников, всегда внимательно и радушно встречала финские делегации. Даже тяжелая болезнь не могла помешать общению М.М. Литвинова с его коллегой Р. Холсти. Но советские дипломаты и военные зря предупреждали своих коллег об озабоченности в связи с «интимной близостью» Финляндии с откровенно антисоветскими Германией, Польшей и Японией. Финские представители отделывались отговорками, не имевшими ничего общего с реальностью.

Буквально через полгода после заверений Холсти в отсутствии у Финляндии тайных соглашений с нацистским режимом, в столицу Суоми в августе 1937 г. прибыла делегация «морских волков Дёница». Атмосфера, в которой проходил этот визит, характеризовалась «однозначной политической демонстрацией против воли Советского Союза». Официальный Хельсинки не хотел услышать советские предложения и продолжал укреплять сотрудничество с Третьим рейхом. Выявление и показ в динамике этих всё более частых и тесных контактов – одна из сильных сторон рассматриваемой книги. Отмечая интенсификацию этих контактов, автор пишет, что «политика Германии в балтийском регионе явно провоцировала СССР на ответные действия. Рейх осуществлял свою политику исключительно вызывающе. Не замечать демонстрируемые им военные интересы было просто невозможно». Участвуя в этих откровенно враждебных и вызывающих действиях против Москвы, Хельсинки добровольно принимал на себя ста-

тус сакральной жертвы. Такой жертвы, которая должна была доказать «агрессивность СССР» и оправдать любые военные акции перед колеблющимися странам Восточной Европы и англо-французскими гарантами, уже дискредитировавшими себя мюнхенской сделкой. Выгодность такой жертвы была очевидной для Гитлера, но для Финляндии она не имела ничего рационального. Но Маннергейм упрямо тащил свою страну на заклание, словно провоцируя советско-германскую войну уже осенью 1939 г.

***

Авторы современного отечественного фундаментального 12-томника о Великой Отечественной войне пишут, что наткнувшись на многократный холодный отказ и игнорирование его опасений в самом уязвимом месте своей обороны – на ленинградском направлении – Советский Союз перешел от дипломатии к «жёсткой силе» (ВОВ 2012: 334-335). По мнению В.Н. Барышников, эта позиция нуждается в уточнении. Основным фактором, определявшим советскую внешнюю политику в Европе и отношения с Финляндией был приход нацистов к власти в Германии. Такова концепция рассматриваемой книги и это не случайно. Как заявляет финский исследователь Х. Мейнандер, Маннергейм, «отреагировал на приход Гитлера к власти со смутным любопытством и даже с некоторой долей восхищения».

«Белый» маршал не только наблюдал, но и стремился стать «доверенным лицом» Гитлера на северо-европейском плацдарме. Сотрудничество маннергеймовской Финляндии началось с середины 1930-х гг. – почти сразу после создания вермахта и сразу же было направлено против СССР. Взаимодействие не ограничивалось пышными двусторонними визитами военных делегаций. С середины 1939 г. в Хельсинки полуофициально действовал шпионский центр Абвера – «бюро Целлариуса». Финляндия добровольно и постепенно втягивалась в блок агрессоров, где хотела возглавить «при-

балтийское направление». Так, Хельсинки развивал партнерство с генштабом Эстонии против советского Балтийского флота. Офицеры вермахта в обязательном порядке присутствовали на финских военных учениях, как будто бы следующих политике «разбалансировки и растяжения» СССР, занятого также противодействием японской агрессии на Дальнем Востоке. А сегодня подполковник бундесвера и специалист по применению беспилотников, внук нацистского маршала и член «независимой» комиссии историков БНД Агилольф Кессельринг преподает в Финском университете национальной обороны¹.

Можно ли считать случайностью, что «Майнильский инцидент», ставший *casus belli* для войны 1939-1940 гг., произошел неподалеку от мест проведения финнами очередных (вторых за год, чего явно не могла позволить себе небогатая северная страна) учений? Тем более, что повод к войне появился несколько недель спустя после окончания финских военных учений? Тем не менее, на международном уровне «зимняя война» была однозначно представлена как агрессия Советского Союза, за что он и был исключен из Лиги Наций. Кто и зачем готовил эту войну?

Финскому руководству, как справедливо отмечает автор, удалось сформировать у мировой общественности образ государства, «целиком входящего в западный мир, страной, защищающей не только свою собственную независимость, но и все западные ценности». Образ, как известно, далеко не всегда соответствует реальности. Широко распространившись при Маннергейме военным символом стал так называемый герб Восточной Карелии. Знак этот представлял два занесённых друг на друга меча: прямой, европейский – слева и изогнутый, «азиатский» – справа. Таким образом, для финских милитаристов речь шла не о защите каких-то абстрактных «европейских ценностей», а о вполне чёткой расистской позиции в отношении своего восточного соседа. Вслед за Гитлером, националисты в Финляндии, а вслед за ней – и в Прибалтике в 1930-е годы пытались представить свои страны в качестве «последнего бастиона», форпоста европейской цивилизации. То же самое, правда, с обратной последовательностью мы слышим и сегодня с официальных трибун. То же самое об «азиатской России» с «расово неправильным» населением говорили украинские националисты во главе с Михаилом Грушевским еще в первые годы XX века. Но вернёмся к гербу с двумя сражающимися мечами. Под надуманным названием «Восточная Карелия» маскировалось стремление финских милитаристов к экспансии. То самое, которое в 1918-1920 и 1941-1944 годах привело к войнам, сопровождавшимся этническими чистками против советского населения и другими военными преступлениями.

Другой образ Финляндии, успешно «проданный» западному миру – это рыцарь, «испытывая «горькое и дерзкое удовольствие», находился на передовых ру-

1 Agilolf Kesselring / Электронный ресурс: <https://www.linkedin.com/in/agilolf-kesselring-453582110/?originalSubdomain=fi> (дата обращения - 8.11.2022). С 17 ноября 2016 года LinkedIn заблокирован на территории РФ за нарушение правил хранения персональных данных российских пользователей.

бежах защиты Запада и Европы против Азии и Востока». Этот символ также имеет собирательное и более глубокое значение. В XVI веке такой образ выразил Альбрехт Дюрер в известной гравюре «Рыцарь, смерть и дьявол». Но в 1930-е годы у европейских праворадикалов была популярна другая гравюра с рыцарем – та, которую создал главный нацистский график Георг фон Лангевейде. Более упрощенная, чем у Дюрера, она воспевала рыцаря, отрекшегося от добра и несущего смерть. – Романтизированный образ военных преступников. Тех, например, кто сжег госпиталь в Петровском Яме 12 февраля 1942 г. вместе с пятьюстами человек его персонала и раненых, за что получили Кресты Маннергейма, а само нападение было признано в Суоми самой успешной операцией финской дальней разведки (Tikkanen 2004: 86).

Увлечись жупелом «советской угрозы», «глобальные дирижёры» из Лондона и Парижа отказывались видеть непосредственную угрозу для себя. Они готовили даже специальный десант на помощь Финляндии. Эскалации конфликта удалось избежать лишь после тщательной подготовки и прорыва «линии Маннергейма», проведенных под командованием С.К. Тимошенко. Через месяц после подписания Московского мирного договора, в апреле 1940 г. началась датско-норвежская кампания вермахта («Учения на Везере»), но в ней почему-то не нашлось места для добровольцев, желавших спасти Финляндию несколькими месяцами ранее.

Совсем другое дело СССР с его мифической агрессивностью, поддерживаемой искусственно. И в конце 1930-х, и в начале третьего десятилетия XXI века – один и тот же предлог: пресловутая «русская угроза». Но была ли эта угроза в действительности? Книга профессора Барышникова наглядно демонстрирует, что основной угрозой для страны советское руководство в 1930-е годы рассматривало нацистский режим, а в качестве «отягчающих факторов» рассматривались государства, следующие во внешней и внутренней политике в русле нацистов, еще в «Майн кампф» открыто заявивших колониальные претензии к СССР.

Советско-финляндская война 1939-1940 гг. показательна не только односторонней оценкой Лиги Наций и действиями лиц, толкавших Суоми к войне с СССР. Здесь также попыталась проявить себя и сила другого рода – антисоветская политическая эмиграция. Участие таких, казалось бы, разных эмигрантов как бывший секретарь Сталина Борис Бажанов и РОВС стало предтечей послевоенного союза меньшевиков, власовцев и эсеров на волнах радио «Свобода». Что бы они ни говорили о борьбе за «новую» или «национальную» Рос-

сию, политэмигранты выступали против своей страны, став орудием в руках иностранных спецслужб.

***

Проходят годы и меняются политические режимы в России, но неизменной остается антироссийская военная истерия. Помимо очевидных, она имеет и глубокие внутренние мотивы: «Наглядный пример – военная истерия, нарастающая по мере того, как мы поднимаемся по социальной лестнице [...] В прошлом война, можно сказать, по определению была чем-то, что рано или поздно кончалось – как правило, несомненной победой или поражением [...] война, если подходить к ней с мерками прошлых войн, – мошенничество. Она пожирает излишки благ и позволяет поддерживать особую душевную атмосферу, в которой нуждается иерархическое общество», – эти слова антиутопии Джорджа Оруэлла полностью объясняют внутривнутриполитические мотивы антисоветской военной истерии, которую поддерживали в Финляндии и Прибалтике с середины 1930-х годов и пытаются возродить сегодня. В действительности же Советский Союз был вынужден реагировать на приближение агрессивного блока к своим границам. И реагировал поначалу исключительно дипломатическими средствами. Но сегодня, как и тогда, на международной арене отказываются слышать требования национальной безопасности нашей страны, а жесты доброй воли трактуются как слабость.

И кажется, что уроки истории сегодня никого не учат. В действительности же, они учат только тех, кто хочет научиться. Как справедливо отмечает Владимир Барышников, «"мужественно защищая" свою независимость и одновременно отстаивая "западные ценности", финны неизменно оказывались, в конце концов, один на один с Советской Россией и никакой определяющей для себя помощи и поддержки от Запада реально не получали». Могло ли быть иначе, если вся риторика о «ценностях» была не более, чем пропагандистским прикрытием для захватнических устремлений и этнических чисток против тех, кого финские националисты считали «пришлыми людьми»? Случаен ли был фактический союз Маннергейма с Гитлером и их совместная война против СССР? Отнюдь!

Опыт трех войн против СССР научил финское руководство тому, что мир с нашей страной никогда не бывает «худым», а война всегда будет тяжёлой. Будем надеяться, что эта мысль охладит «горячие головы» в политической элите современной Финляндии.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников 2021 - Барышников В.Н. Маннергейм и Советский Союз. М.: Кучково поле, 2021. 384 с.

Барышников 2023 - Барышников В.Н. Финская война. М.: Кучково поле, 2023. 448 с.

ВОВ 2012 - Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В двенадцати томах / Научный руководитель В.А. Золотарев. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012.

Вынужденный альянс 2019 - Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939-1940 гг.: Сборник документов / Составители: Н.Н. Кабанов (отв. сост.), А.Р. Дюков, В.В. Симиндей. М.: Русская книга, 2019.

Зимняя война 1998 - Зимняя война 1939-1940. В двух книгах / Ответственные редакторы: О.А. Ржешевский, О. Вехвилайнен. М., 1998.

Хейер 2020 - Хейер Т. Норвегия между США и Россией / Перевод с норвежского А.С. Евсевой, предисловие В.Ю. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2020. 272 с.

Dobbins 2019 - Dobbins J. etc. Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019. 12 s. / Электронный ресурс: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения - 01.03.2023).

Tikkanen 2004 - Tikkanen P.H. Valiossitt kaukopartiossa. Hämeenlinna: Karisto, 2004.

REFERENCES

Baryshnikov 2021 - Baryshnikov V.N. Mannergejm i Sovetskij Soyuz [Mannerheim and the Soviet Union], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2021, 384 p. [in Russian].

Baryshnikov 2023 - Baryshnikov V.N. Finskaya vojna [The Finnish War], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2023, 448 p. [in Russian].

Dobbins 2019 - Dobbins J. etc. Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options, Santa Monica, CA, RAND Corporation Publ., 2019, 12 p., Electronic resource: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (Date of access - 01.03.2023) [in English].

Hejer 2020 - Hejer T. Norvegiya mezhd SSHA i Rossiej / Perevod s norvezhskogo A.S. Evseevoj, predislovie V.YU. Krasheninnikova [Norway between the USA and Russia / Translated from Norwegian by A.S. Evseeva, foreword by V.Y. Krasheninnikova], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2020, 272 p. [in Russian].

Tikkanen 2004 - Tikkanen P.H. Valiossitt kaukopartiossa [Elite guerrillas on long-distance patrol], Hämeenlinna, Karisto Publ., 2004 [in Finnish].

VOV 2012 - Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov. V dvenadcati tomah / Nauchnyj rukovoditel' V.A. Zolotarev. T. 2. Proiskhozhdenie i nachalo vojny [The Great Patriotic War of 1941-1945. In twelve volumes / Scientific supervisor V.A. Zolotarev. Vol. 2. The origin and beginning of the war], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012 [in Russian].

Vynuzhdennyj al'yans 2019 - Vynuzhdennyj al'yans. Sovetsko-baltijskie otnosheniya i mezhdunarodnyj krizis, 1939-1940 gg.: Sbornik dokumentov / Sostaviteli: N.N. Kabanov (otv. sost.), A.R. Dyukov, V.V. Simindej [Forced alliance. Soviet-Baltic relations and the International crisis, 1939-1940: Collection of documents / Compiled by: N.N. Kabanov (responsible compiler), A.R. Dyukov, V.V. Simindej], Moscow, Russkaya kniga Publ., 2019 [in Russian].

Zimnyaya vojna 1998 - Zimnyaya vojna 1939-1940. V dvuh knigah / Otvetstvennye redaktory: O.A. Rzhesheskij, O. Vekhvilyajnen [The Winter War of 1939-1940. In two books / Responsible editors: O.A. Rzheshesky, O. Vehvilainen], Moscow, 1998 [in Russian].

Суржик Дмитрий Викторович

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Dmitry Surzhik

– Candidate of historical sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

dimsu@inbox.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc, .docx, .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным

обеспечением, которое доступно по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2022, № 3-4

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 21.12.2023

Формат 210x297

Электронный файл PDF

Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Жих М.И.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

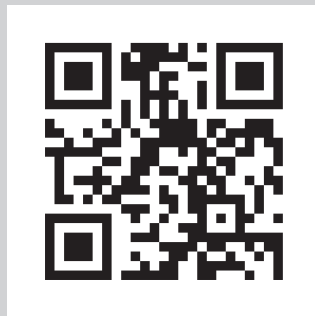
При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2022-2023
ISSN 2411-9415

<http://histformat.com/>